

Здравствуй Богдан!
 Открытку твою получила. Но ответ не дала, потому, что была
 занятая, а от части по ленилась. Новостей много но не возни
 тебе написать. Ты уже я думаю знаешь что в нас какику
 9го/III Нятя приезжала к нам на два дня. Она спрашивала
 тебе, где ты, в какой части. Нятя переписуется с Аней.
 Из сего в Юра...
 там

ДЮБЕЛЬСКИЙ
 РАЙОННЫЙ
 ВОЕННЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ
 СЕКЦИОН
 4 10 46
 514

Уважаемый Иван Дмитриевич!
 Сообщаю, что в результате проведения ревизии мест захоронения
 раненых МАРКОВА Владимира Дмитриевича, погибшего в период Великой
 Отечественной войны 24 января 1945 г. и первоначально захороненного
 (так правильно называли хутора) бывшего Дубельского военного кладбища
 следующее.
 В результате проведения переосвидетельствования останков погибших
 солдат негид на братские военные кладбища, останки перво-
 начально захороненных на хуторе Бунтос, были перенесены на
 Дубельское кладбище в Дубовое и захоронены в братской могиле.
 МАРКОВ В.Д. внесен в списки известных погибших по Дубельскому
 военному кладбищу, с местом захоронения братское военное кладбище
 братская могила.
 ДЮБЕЛЬСКИЙ РАЙОННЫЙ ВО
 ВОДНО-ЛЕВНИК

Здравствуй, сестричка
 от твоего письма
 4. Сообщаю тебе, что
 о ф. МАРКОВ...
 Моей сестричке
 ее крайняя
 мая, для бы
 хорошо, дружи
 в фронте. Работы...
 по. и все. Овой фрон
 Мей...
 мей. Письма...
 Мамин адрес...
 Мамин...
 Мамин...

кой была Вера

женио недалеко
 дорожной станции
 Вера Дмитри
 всех своих бы
 классников. В
 ругу, они быст
 ное время, со
 нете РОККа.
 та. Развешен
 оформили ст
 ших класса
 своих учени
 ходить
 цински

Победа:
 продолжение истории
 начальника советской
 разведки

**Личность
 номера:**
 Геннадий Богомяков
**Художник-
 писатель:**
 Михаил Захаров

Сибирское БОГАТСТВО

общественно-политический журнал
 № 3 (251) 2025

ми бой-
 к нам на
 ный день. Нуж-
 размещать их по
 рам, так как школы
 переполнены. Присту-
 пайте к своим обязанностям
 немедленно.
 Приказ—есть приказ. Его
 надо выполнять.
 под РОКК уже

«Благодарю, Вас, Ва
 Дмитриевна, за хорошую
 боту по распределению
 ступающих раненых бойцов.
 Вы проявили чуткость к нам.
 Верьте в нашу победу».
 3. БЫКОВА.

ЖУРНАЛ СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

Личность номера: Геннадий Богомяков

Учредитель и издатель – АНО «Тюменская область сегодня»

Директор И.С. Гимпелевич
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, офис 410
тел. 8 (3452)490018

Главный редактор С.С. Козлов, тел. 8 (3452)399400
Ответственный секретарь В.А. Ермакова
Литературный редактор Д.В. Аксарина
Дизайн и вёрстка А.Д. Герц, тел. 8 (3452)399400
Корректор-редактор А.В. Александрикова

торы: Сергей Козлов, Анна Лосинская, Александр Вычугжанин, Ольга Киприна, Александр Петрушин, Виктория Ермакова, Ирина Катова, Антонина Маркова, Татьяна Миронова, Дарья Аксарина, Светлана Рычкова, Михаил Захаров

Фотографии на обложке из личного архива Антонины Марковой и Татьяны Мироновой

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81,
тел./факс 8 (3452) 490018, e-mail sibbog@mail.ru
Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу
10 февраля 2017 года, ПИ № ТУ72-01431

Журнал издаётся при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.

Выходит с 1999 года один раз в два месяца

Журнал отпечатан в типографии АНО «ИИЦ «Красное Знамя», 625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6

Формат 60х90 1/8, бумага мелованная, печать офсетная, усл. печ. л. 10,5

Подписано в печать 05.06.2025 г. Выход в свет 20.06.2025 г. Заказ № 1 502 Тираж 500. Свободная цена.

ПУЛЬС ОБЩЕСТВА

Победа:
одна на всех

3

Новый корпус
ТюмГУ – первый
взгляд

4

Тюменская
делегация на
конференции
финно-угорских
писателей

7

ПОБЕДА: «ОДНА НА ВСЕХ»

Юность разведчика

10

По национальному
признаку...

14

Дивизия энская,
дивизия Тюменская

16

Наш любимый
председатель

22

Солнце над
колодцем

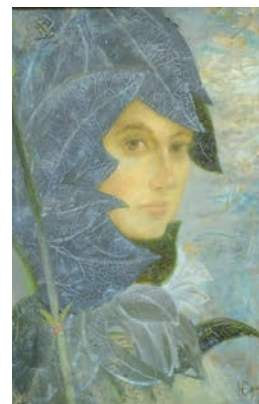
30

Военные письма

34

«Каменная
стена» фронта и
«дружеское плечо»
тыла

40

ЛЕТОПИСЬ

Ключевые точки
тюменской истории

47

Музейная
современность

50

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Геннадий Богомяков:
Из воспоминаний
дочери

58

За теплоту в
здоровом сердце

63

Мирослав Бакулин:
«Радость о Боге
— крепче здешней
жизни»

70

ПУЛЬС ТВОРЧЕСТВА

Многогранный
Иванов

74

Искусство
свободного поиска

80

Воз душистого
сена

84

Победа: одна на всех

В этом номере журнала читайте продолжение исследования об истории тюменской дивизии, о вкладе города трудовой доблести в Победу, продолжение рассказа о юности нашего земляка – начальника внешней разведки во время Великой Отечественной войны – Павла Фитина, о героях прошлого и нашего времени, о людях служивых и творческих, о том, какие события сегодня становятся ключевыми точками истории края и страны. На страницы нашего журнала возвращаются пронзительные и поучительные житейские истории. И как жанр, и как общение с читателем.

В течение года в журнале будет выходить раздел «День Победы. Одна на всех». Но правильнее сказать, что данный раздел был и будет в «Сибирском богатстве» всегда, пока издаётся этот журнал, потому как люди и события Победы и есть настоящее богатство края. Великая Победа – это даже не частица истории, это частица нашего сердца. И в этом номере читайте – «Военные письма» и про тюменский тыл, ковавший победу великой войны.

А пока предлагаем читателям репортаж-экскурсию из нового корпуса Тюменского государственного университета и репортаж с конференции финно-угорских писателей в Ханты-Мансийске, истории Тюменского кардиоцентра, отмечающего в этом году юбилей, Тобольского музея, а также интервью с генеральным директором Тюменского музейно-просветительского объединения Светланой Сидоровой о музейной современности. Ключевая личность номера – последний первый секретарь тюменского обкома КПСС Геннадий Богомяков.

К 80-летию большого, русского и очень самобытного художника Михаила Захарова

мы публикуем в этом номере его удивительные рассказы, которые ещё раз доказывают, что талантливый человек талантлив во многом. Во всяком случае, пером Михаил Иванович владеет не хуже, чем кистью, а многие читатели сравнивают его малую прозу с работами великого русского писателя Андрея Платонова. И ещё два художника звучат в этом номере – Сергей Иванов и Юрий Юдин. Читайте материал о рано ушедшем православном писателе, философе, преподавателе Мирославе Бакулине. Он был моим другом и соратником. Когда-то меня глубоко пронзило его наивное толкование 50-го Псалма... А потом были дневники «Всякое дыхание». Бакулин по-розановски. Многие читатели помнят «Зубы грешников» и «Полный досвидос»... Мирослав Бакулин и его издательство «Русская неделя» вернули читателям труды сибирских святителей – Иоанна Тобольского и Филофея Лещинского. Книги Мирослава Бакулина ждут читателей на полках библиотек и книжных магазинов.

Но чего ещё не хватает в нашем журнале? Творчества молодых и разговора с юным поколением. Его взгляда на действительность, его видения будущего. И мы уже начали предоставлять страницы журнала молодым журналистам, писателям, учёным, но обращаемся ко всем, кто считает свои тексты, изыскания, идеи интересными и нужными, кто умеет грамотно и захватывающе эти идеи и искания излагать – присылайте нам свои рукописи и фотографии.

Создавайте с нами «Сибирское богатство».

Главный редактор
журнала
«Сибирское богатство»
Сергей Сергеевич
Козлов

Новый корпус ТюмГУ – первый взгляд

Многим тюменцам, спешащим по улице Республики мимо недавно построенного университетского гиганта, кажется, что этот бело-голубой красавец стоял здесь всегда – так удачно современный архитектурный проект вписался в район исторической застройки. А ведь ещё год назад горожане с любопытством поглядывали в сторону строительных оград, гадая: что придёт на смену тесному и постепенно ветшающему, но всё равно родному корпусу «универа», который выпускники по старой привычке называют «главным»?

Новое здание университета вписано в облик исторического центра Тюмени.

Фото Виктории Ермаковой

Говорят, что студенты, будущие его новосёлы, выглядывая из окон расположенного напротив стройплощадки СоцГума, шутливо называли стремительно растущее здание «Зимним дворцом», а наблюдавшие за ними преподаватели с удовольствием отслеживали цепочки ассоциаций, рождающиеся у молодёжи... Так или иначе, все с нетерпением ждали, когда можно будет увидеть и по-настоящему оценить готовую новостройку. Следили, как рядом появляются уличные фонари, парковки, лавочки и прочие атрибуты уютного городского пространства, как светятся вокруг новогодние огни... Мечтали поскорее попасть внутрь... Вот-вот сейчас... И наконец!

В конце первого семестра учебно-лабораторный корпус №1 Тюменского государственного университета распахнул свои двери. Сначала – для больших научных мероприятий со входом по предварительной регистрации. Я впервые попала туда на Гуманитарной неделе ТюмГУ в конце января. На лекциях ведущих экспертов гуманитаристики и круглых столах собирались преподаватели, свободные от приёма экзаменов, – тем

проще было ориентироваться в немногочисленном пространстве и заодно рассмотреть технические новинки, которыми новый корпус удивил сразу. В первом же тамбуре – автомат для чистки обуви. Даже в зданиях администрации это редкость, а тут – такая забота... Не только о студентах, которые часто переобуваются в помещении, а об общедоступных зонах, чтобы они оставались чистыми и уютными при минимальных трудозатратах. Турникеты входа по картам ТюмГУ, транспортёр проверки ручной клади, как на вокзалах и в аэропортах... А ещё с первого посещения порадовали удобством учебные аудитории. Но обо всём по порядку.

В цокольном этаже разместился большой гардероб с транспортёрами вешалок для одежды и ячейками для хранения вещей. Ячейки должны стать индивидуальными временными хранилищами, доступными по студенческим картам. Предусмотрена система автоматизированной выдачи одежды, без участия гардеробщиц, но она в тот момент ещё не была настроена. Даже в апреле, в День открытых дверей, когда гардероб атаковали сотни абитуриентов и их родителей, столпотворе-

ние там было как в театре в день премьеры. Мы с моим абитуриентом посмотрели на очередь... и передумали сдавать верхнюю одежду. Однако ожидаемый уровень автоматизации при работе в штатном режиме, возможно, отрегулирует все потоки. Зато в День открытых дверей студенты-волонтеры проводили экскурсии по корпусу. Показывали, разумеется, не всё – да гостей и не всё интересовало. На том же цокольном этаже есть автопарковка для преподавателей и сотрудников и какие-то хозяйственные помещения, но поскольку я не автовладелец и не водитель, то даже не посмотрела в ту сторону.

Первый этаж открывается просторным холлом с указателями и экраном. На нём транслируется описание корпуса и схема расположения помещений и служб. По крайней мере, некоторых, но и их проще найти по указателям. Наверх в лучших архитектурных традициях ведёт парадная лестница. По обе стороны от неё имеются лифты. Есть и боковые лестницы как минимум со стороны улицы Семакова и площади Борцов Революции, однако ими служба этикета попросила не пользоваться – из дальнейшего станет ясно почему. Лифты работают, но разве можно упустить случай прогуляться по таким парадным маршам? С лестницы открывается вид на внутренний двор со скамеечками, клумбами и световыми гирляндами, висящими горизонтально где-то на уровне пятого этажа.

Учебные аудитории в корпусе №1 поразили в самое сердце. Мягкое половое покрытие, трапециевидные столы-трансформеры: их можно выстроить в ряды любой длины, а можно – в квадраты или шестигранники для круглого стола. Двигаются они на колесиках, не требуя приложения физической силы. Стулья тоже на колесиках!

**Корпус,
классический
внешне,
современен и
технологичен
внутри.**

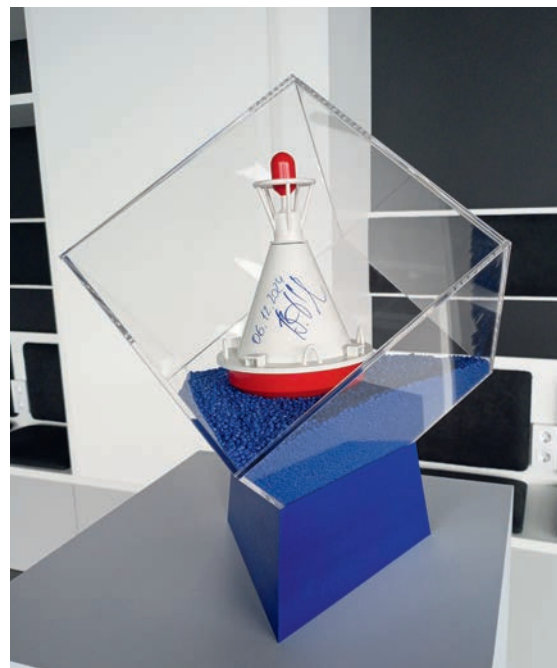
Фото Анны
Лосинской

Если опаздываешь или должен уйти раньше, чем окончатся занятия, если пришел не на свою, а на любую открытую лекцию, грохот твоей мебели никому не мешает. Стены всех рабочих пространств из прозрачного пластика: проходя мимо аудитории, сразу видишь, твоя ли здесь группа, твой ли преподаватель. Осторожно заглядывать в приоткрытые двери – теперь прошлый век. Поначалу возникали сомнения: удобно ли тому, кто читает лекцию, удерживать внимание слушателей, комфортно ли студентам не отвлекаться в таком «аквариуме»? Но аудитории оборудованы экранами такой ширины и в таком количестве, что ощущение замкнутого пространства и без того теряется...

Аудитории разного формата: есть большие лекционные, есть маленькие семинарские. Некоторым из лекционных присвоены имена видных профессоров университета, деятелей науки и искусств: В.И. Загвязинского, Г.Ф. Куцева, К.Я. Лагунова... И гордость распирает при виде этих имён, написанных не только на русском, но также на английском и на китайском языках: значит, иностранные студенты, обучающиеся здесь, и услышат, и увидят, и запомнят! Порадовало, как любовно перенесена память из старого корпуса в новый, будто на свежий информационный носитель. Аудиторией имени Лагунова осталась 401-я, как и в старом корпусе, где он читал лекции и общался с читателями, и где проводились другие авторские встречи уже после ухода Константина Яковлевича.

В дни Гуманитарной недели я пожалела было об отсутствии в коридорах мягких диванчиков, ведь они были бы очень уютны. Но расстраиваться оказалось рано – диванчики здесь есть, только

расположены в таких дальних закутках, до которых я тогда не дошла. Кожанные и плюшевые, для уединения и для компаний. Надо сказать, при почти кольцевой планировке корпуса и прозрачности множества стен, в нём многое неочевидно. И лишь постепенно вникнув, начинаешь понимать, что для работы и отдыха практически на каждом этаже созданы разнообразные пространства, удобные как для студентов, так и для преподавателей. Стол с парой диванчиков на небольшую группу, стол-трансформер – на большую, сиденье с электрической розеткой рядом на одного, работающего с ноутбуком... А ещё предусмотрены передвижные ширмы, которыми можно отгородить часть пространства и обособиться. Есть переговорные – комнаты на 5-10 человек с компьютерами и экранами. Поскольку шкафчики для хранения тоже есть, организовывать работу команды, научного или творческого объединения можно на постоянной основе. И коворкинги, и аудитории доступны для бронирования – как на месте, так и онлайн через портал «Вместе».

Преподавательские пространства частично уже обжиты: Школа образования – в процессе переезда. Из коридора видно, что в кабинетах административных служб уже сидят сотрудники. В преподавательской ШО не только компьютеры, там можно заметить разные интересные вещи. Моё внимание привлёк знаменитый арифмометр Феликса – механическая счётная машинка, прапрадедушка кассовых аппаратов. Ненаглядное, однако, пособие... Для преподавателей, приходящих из других корпусов, предусмотрена общая преподавательская. На третьем этаже, прямо в центре... В ней можно забронировать на семестр место со всеми удобствами: компьютером и выходом в личный кабинет, принтером и копиром,

Пока здесь тишина, но скоро аудитории заполнятся молодёжью и оживут.
Фото Анны Лосинской

тумбочкой для хранения вещей и шкафом для верхней одежды. Шкаф открывается той же личной картой ТюмГУ и выглядит высокотехнологично. Впрочем, как и всё в этом корпусе. Всего таких мест около пятнадцати, кроме того, есть зона для отдыха. Отличная, на мой взгляд, находка – в старых корпусах возможности организовать себе временное рабочее место не предусмотрено.

Многие тайны корпуса №1 пока недоступны непосвящённым. Как я уже говорила, почти все двери в нём открываются картой ТюмГУ. Но некоторые выходы временно заблокированы, потому на лестницы доступа нет: девушки из службы этикета нас об этом предупреждали. Есть двери, которые не открываются с помощью карты – очевидно, технические помещения, где даже преподавателям и студентам делать нечего. Система безопасности ненавязчивая, но очень эффективная. Предполагается, что какие-то из пространств университета будут публичными: столовая, кофейня, книжный магазин, сувенирная лавка. Туда можно зайти «прямо с улицы», без пропуска, но перемещения по университету в этом случае крайне ограничены. Есть такая практика в здании Школы перспективных исследований, и это очень удобно: вы как будто встречаетесь в окрестностях университета, на самом деле не выходя оттуда, а эффект «тайного города», доступного не для всех, может усилить его привлекательность.

Межуниверситетский кампус, проектируемый в настоящее время, вероятно, будет таким же удобным и современным. Даже макет его, расположенный в корпусе №1, настраивает на подобные перспективы. Будем надеяться, что университетская культура начнёт прививаться в Тюмени высокотехнологичными методами.

Тюменская делегация на конференции финно-угорских писателей

Общее фото участников конференции

Третья конференция финно-угорских писателей проходила в Ханты-Мансийске, Урае, посёлке Междуреченском с 19 по 23 мая. Этот форум является во всех смыслах международным и, по большому счету, в нём должны принимать участие представители народов Скандинавии, Прибалтики, Венгрии. Но сегодня это невозможно из-за недружественной политики европейских стран к многонациональной России. Именно поэтому этот форум рассматривается как элемент нашей мягкой силы, а в этом году он посвящён 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. И, разумеется, постоянной тематикой остаётся сохранение языков и культуры малых народов нашей Родины и всего мира. Яркий форум проводится при поддержке правительства Югры с 2022 года.

Тюменскую область на конференции традиционно представляют писатели и филологи Тюменского государственного университета. В этом году участниками форума стали профессор ТЮмГУ Наталья Дворцова, писатели Анатолий Омельчук и Сергей Козлов. График работы конференции всегда плотный и насыщенный. Вот и в этом году она началась с торжественного открытия в полном зале культурно-досугового центра «Октябрь» и пленарного заседания. В это же время уже открылась выставка Ассоциации книгоиздателей России в Государственной библиотеке Югры, которая вместе с Югорским государственным университетом была главной точкой притяжения.

Первый доклад на пленарном заседании «Ценности жизни и война в понимании писателей Югры» озвучил профессор, ведущий научный сотрудник Обско-Угорского института прикладных исследований Александр Семёнов. Заседание проходило под председательством классика югорской литературы Еремея Айпина. Значительные, содержательные доклады представили марийские писатели и учёные, представители Карелии, Удмуртии, Мордовии, Коми, Ямала, Башкортостана, Новосибирска, Красноярска, Перми. В этом году на конференции присутствовали и делегаты от Великого Новгорода. Кстати, пусть и в режиме видео на конференции звучали обращения и доклады учёных и писателей из США.

На разных площадках проводились мастер-классы, литературные мастерские для начинающих югорских литераторов, критиков, драматургов деятелей кино и даже блогеров, встречи с читателями, презентации книг, региональных журналов, в том числе на национальных языках. Один из таких мастер-классов

**Круглый стол
«Издание книг
на русском
и финно-
угорских
языках»**

**Сергей Козлов
представляет
журнал
«Сибирское
богатство»**

вёл руководитель Совета молодых литераторов при Союзе писателей России Андрей Тимофеев. Отдельный круглый стол был посвящён сохранению языков и культуры северных народов. В театре обско-угорских народов «Солнце» для гостей конференции состоялся спектакль «Песня, детям Севера звучащая». Это театрально-музыкальное действо никого не оставило равнодушным.

Представители Тюмени выступали на круглом столе «Стратегия продвижения финно-угорских писателей в российском международном пространстве». Модераторами на этом мероприятии выступали президент Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) России Константин Чеченев, вице-президент АСКИ Олег Филимонов. Анатолий Омельчук вручил

редкую и значимую общественную награду фонда «Возрождение Тобольска» - «Орден книги» Сергею Симакову - представителю АСКИ по Уралу и Западной Сибири, известному издателю и общественному деятелю. На этом круглом столе была представлена книга Еремея Айпина на испанском языке. Яркий доклад озвучила филолог из Тюмени Наталья Дворцова.

Сергей Козлов провёл презентацию двухтомника к 80-летию Великой Победы и Тюменской области «Тюменская область. Меридиан Победы. 1944-2024». В этом монументальном издании значительную часть занимают писатели Югры и Ямала. Особое внимание в выступлении писателя было уделено последнему оставшемуся на территории «матрёшки» и продолжающему развиваться общественно-политическому журналу «Сибирское богатство», который структурно входит в холдинг «Тюменская область сегодня». Журнал освещает исторические и современные события во всех трёх

Председатель Ханты-Мансийского окружного отделения СП России Игорь Ширманов получил новый номер журнала «Врата Сибири», который представлен на выставке

регионах, культурные события и жизнь замечательных людей. Несколько экземпляров последнего номера были переданы Государственной библиотеке Югры и читателям, которые присутствовали в зале. С большой благодарностью библиотека Югры приняла в подарок трогательный фронтовой сборник, изданный фондом «Возрождение Тобольска», «Шаг Победы», стихи и проза из которого звучали на творческой встрече. Напомним, что десяти тысячный тираж этой книги, изданной на средства жертвователей фонда, был отправлен в зону СВО и библиотеки вернувшихся в Россию регионов.

Руководители писательских организаций Тюмени и Югры с читателями и библиотекарями

Классик хантыйской литературы Еремей Айпин благодарит за издание «Тюменская область. Меридиан Победы»

Анатолий Омельчук провёл творческую встречу-беседу со студентами Югорского университета и участниками медиафорума на тему «Размышления писателя «Русский язык – гениальный», которая завершилась автограф-сессией. Кстати, творчество финно-угорских писателей Анатолий Омельчук часто освещает в программе «Родиноведение» в студии медиахолдинга «Тюменская область сегодня».

После двух дней работы в столице Югры участники конференции направились в Урай и посёлок Междуреченский. По итогам форума принята резолюция.

Юность разведчика

Текст Александра ВЫЧУГЖАНИНА

Продолжение, начало в №2 за 2025 год

Исследование о юности нашего земляка – начальника советской разведки во время Великой Отечественной войны – Павла Михайловича Фитина от кандидата исторических наук, автора книги «Юность разведчика Фитина. Идентификация «Алекса», писателя Александра Вычугжанина.

«Политики мы ещё не нюхивали»

20 декабря 1922 г. Ялуторовский уездный комитет РКСМ принял Павла Фитина в члены комсомола. Паше к моменту вступления исполнилось пятнадцать лет. За год до этого, находясь в «каталашке», он фактически посмотрел смерти в глаза, так что выбор был у него совершенно осознанный – в новую, счастливую, невиданную жизнь. Наверняка он читал речь Ленина на III съезде комсомола, который состоялся в октябре 1920 года. Крылатая фраза из этого выступления: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», – несомненно, для юного Паши Фитина была очень привлекательной. Как и лозунг: «Учиться, учиться, учиться».

Есть смысл процитировать кое-что из этой речи: «И вот поколение, которому теперь пятнадцать лет и которое через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодёжь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, самую простую. По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодёжь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, – по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен».

Без всякого преувеличения после изучения массы архивных документов можно сделать вывод, что Павел принял этот призыв – насчет практических дел – как руководство к действию. Этим и объясняется масса общественных нагрузок, с которыми он успешно справлялся, и карьерный рост общественного работника. Комсомольская организация, несмотря на определенную долю формализма, создала условия для развития творческих и организаторских способностей молодого человека, расширения его кругозора, поднятия культурного уровня.

Памятник Фитину в Тюмени.
Фото Сергея Куликова

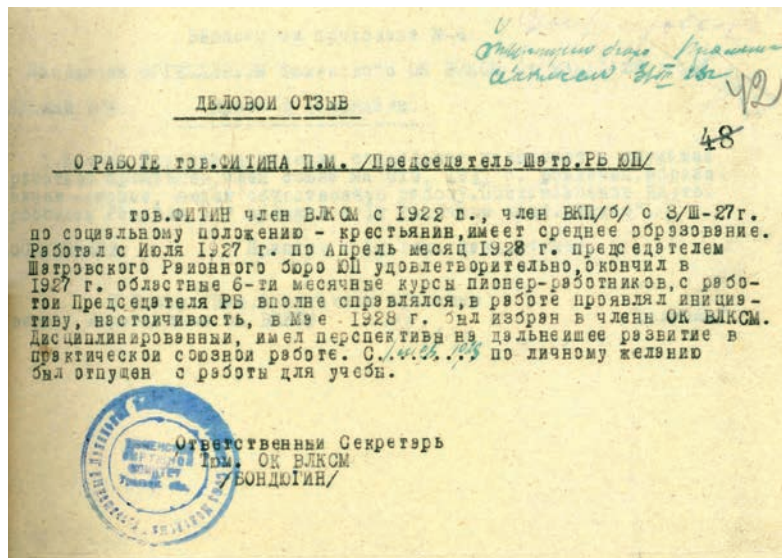
Общение с такими же энтузиастами, определенный дух соревновательности заряжали творческой энергией. Далеко не все комсомольцы являлись примером для подражания. Более того, изучение документов того времени свидетельствует о том, что таких активистов, как Павел Фитин, было в Шатровском районе меньшинство. Но такое сопротивление окружающей среды также, несомненно, закаляло его характер.

Павел Фитин – глава внешней разведки СССР в 1939-1946 годы, генерал-лейтенант (1945). Проявил выдающиеся организационные способности в годы Великой Отечественной войны. Восстановил большую часть резидентур за рубежом, курировал школы особого назначения, где проходили подготовку руководители партизанских отрядов, создал информационно-аналитическое управление. Фитин докладывал Сталину о планах Германии по нападению на Советский Союз, о позиции западных держав. Он был одним из первых, кто сообщил Сталину дату нападения нацистской Германии на СССР. Советская разведка даже противниками была признана лучшей в это время. В Тюмени легендарному земляку установлен памятник.

В автобиографии на 1927 год про свои общественные нагрузки Павел Фитин сообщает: «...Работаю в коммуне по культурно-просветительской работе, в это же время работаю вожатым пионеротряда и несу ряд других партийных и советских работ, а именно: 1) редактор стенгазеты; 2) член ревизионной комиссии с/совета; 3) руководитель ликпункта и др. За последнее время работал секретарем ячейки

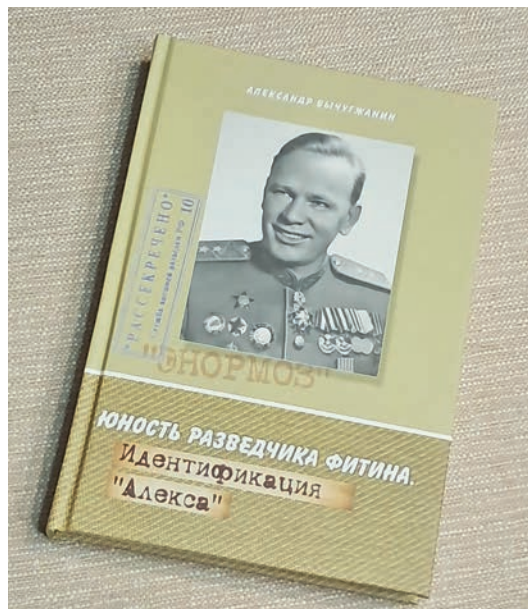
ВЛКСМ и зав. АПО ячейки ВКП(б). «Зав. АПО» – это заведующий агитационно-пропагандистским отделом при Ожогинской ячейке ВКП(б). Фактически Фитин должен был разъяснять однопартийцам решения партийных органов, особенности текущей политики, в том числе и борьбу с различными «уклонами» в партии. Он в обязательном порядке получал инструкции и методические указания из отдела агитации и пропаганды Шатровского райкома ВКП(б), находился в постоянном контакте с этим партийным органом. В частности, обязан был молодой коммунист Павел Фитин разъяснять, почему ещё недавно столь популярного революционера Троцкого, одного из главных творцов Октябрьской революции, пришлось в 1927 году исключать из членов ВКП(б). Требуется пояснения ставшее привычным в первые годы советской власти выражение «ликпункт» – это пункт по ликвидации безграмотности. Вопрос этот являлся очень злободневным для сельского населения.

«Др.» – за этим сокращением «другие» стоит ещё много интересного, из чего, как из кирпичиков, строилась личность Павла Фитина. В частности, в «Др.» вошло продолжительное исполнение обязанностей члена бюро Ожогинской комсомольской ячейки, членство в бюро комсомольской ячейки в школе, а также избрание кандидатом в члены ревизионной комиссии Шатровского союза коммун. На заседании районного бюро юных пионеров Шатровского района 22 декабря 1926 года Павла Фитина утвердили вожатым в Ожогино. Избирался депутатом Ожогинского сельского совета. Ответсекретарь Шатровского райкома комсомола Соколов удостоил ожогинцев высшей похвалы: «Особенно пользуются авторитетом среди населения ожогинские комсомольцы. Все выставленные ими кандидатуры в сельсовет прошли единогласно. Это объясняется тем, что актив ячейки и вообще ячейка работу ведёт в здании сельсовета. Тут же изба-читальня, с мужичками часто беседуют об их нуждах и запросах. Читают газеты, журналы и т.д.». В голосовании участвовало 365 избирателей, в состав сельсовета избрали 19 человек, в состав ревизионной

Деловой отзыв после архива.
Фото автора

Книга о легендарном.
Фото Сергея Козлова

комиссии – троих, один из них Павел Фитин. Ему – 19 лет, его товарищам по комиссии 46 и 42 года. Фитин самый грамотный во всём сельсовете.

Павел быстро своей активностью и ответственностью завоёвывает авторитет в комсомольской среде. Он активно выступает на районных мероприятиях, и все его выступления отличаются продуманностью. От других отличается в первую очередь тем, что старается лаконично всё изложить по пунктам. Уга-

дывается стремление к системному подходу в анализе какой-либо проблемы. Одного крестьянского здравомыслия в данном случае недостаточно. Чувствуется большая работа Павла Фитина над собой в интеллектуальном развитии.

Вот пример выступления по теме политучебы: «Читать надо втягивать всех слушателей. Это очень полезно. Практические задания обязательно вести и точно выполнять. Ввести по практическим заданиям индивидуальные и групповые задания и строго следить за их выполнением. Вести запись не трудно, но дело осложняется технической неграмотностью слушателей. Непосещаемость – часть вины руководителя. Надо руководу быть настойчивым. Тогда и посещаемость будет хорошая». Во всём, что сказано Павлом Фитиным на совещании, уже заметен стиль будущего руководителя: системный анализ ситуации, чёткая постановка задачи, индивидуальный подход, подбор исполнителей, контроль исполнения, настойчивость в достижении цели.

24 декабря 1926 года на заседании бюро Шатровского райкома Ожогинскую ячейку признали лучшей по району. На одном из совещаний представитель районного руководства бросил упрек, что «комсомольцы много занимаются политикой, а не практическим делом». Павел не оробел: «Политики мы ещё не нюхивали». Вот ещё одно из предложений Павла: «Работу кружков необходимо сосредоточить при избе-читальне. Необходимо общие собрания КСМ превратить в средство воспитания. Необходимо воспитательную работу увязать с развлечениями. Развивать физкультуру – из опыта Ожогойной мы физкультурой отвлекли молодёжь некоторую от хулиганства, драк «край на край». Необходимо проводить массовые читки по газетам».

В итоге в районе более активно начали практиковаться конкурсы гармонистов и плясунов, вечера молодёжи с самодеятельными постановками и концертами.

Активность и деловитость Павла Фитина оценили в Тюменском окружком комсомола. Он избирается членом Шатровского райкома комсомола, Тюменского окружкома. 6 июня 1927 года его утвердили председателем районного бюро «Юных пионеров». После этого – шестинедельные курсы в Свердловске и освобождённая комсомольская работа в Шатровском районе.

Складывается стиль работы Фитина – требование плановости, повышение персональной ответственности, по возможности, учёт всех обстоятельств. Мои выводы подтверждают две характеристики, выданные ему летом 1927 года. Первую дал непосредственный начальник Павла: «Очень активный, отзывчивый. В течение последних пяти месяцев работал пионервожатым Ожогинского отряда. Пионеротряд под его руководством работал одним из первых. Любит пионерработу, умеет руководить и быстро ориентируется в вопросах». Вторую выдали после окончания курсов в Свердловске: «Тов. Фитин П.М. относится к занятиям серьёзно. Успеваемость удовлетворительная. Качество работника: выдержан, дисциплинирован, имеет организаторские способности».

При изучении комсомольской деятельности Павла Фитина поражает многообразие вопросов, в

Памятник Фитину в Москве.
Фото Сергея Козлова

которые ему надо было вникать. Казалось бы, деревня Ожогино, как и село Шатрово, находятся в такой глухомани, что об интеллектуальном развитии не приходится и помышлять. Но информационный поток, который Фитин осваивал, был не менее насыщенным, чем в крупных городах.

«Учиться, учиться, учиться»

В чем одна из причин успеха Павла Фитина в общественной работе на Тюменской земле? Ответ лежит на поверхности – в постоянной работе над собой. После внимательного изучения архивных документов приходишь к необычному выводу: юный Паша одновременно жил в трёх реальностях – как коммунар, в заботах о хлебе насущном; как общественный работник с множеством самых разных нагрузок; и в чтении в первую очередь журналов и газет. Убежден, что периодика оказала огромное влияние на формирование его мировоззрения. В круге чтения большую по объёму часть занимали журналы: «Лапотъ», «Пионер», «Вожатый», «Журнал крестьянской молодёжи», «Крестьянка». Из газет в коммуне выписывались центральная «Крестьянская», уральская «Крестьянская», «Беднота», «Батрак», «Правда», главная газета Тюменского округа «Красное Знамя», «Комсомольская правда», «Безбожник». Активно агитировал Павел Фитин за подписку на издававшиеся в Свердловске комсомольскую газету «На смену» и пионерскую «Всходы коммуны».

В недавней поездке в Москву почти неделю потратил в Российской государственной библиотеке на то, чтобы внимательно познакомиться с основной массой журнальной периодики (с 1925 по 1928 гг.). Чтение это позволило мне, во-первых, хорошо почувствовать пульс времени, и, во-вторых, в значительной мере представить круг забот Павла Фитина как общественного деятеля.

У Фитина была не только личная потребность читать. Как заведующий пунктом ликвидации безграмотности и заведующий агитационно-пропагандистским отделом партийной ячейки он обязан был анализировать прочитанное и доступно доносить до слушателей. Политическая обстановка в стране была очень непростая. Только четыре года прошло после подавления крестьянских восстаний по всей стране, в том числе и в Тюменской губернии. Юный Фитин сам едва не оказался жертвой этого восстания, так что формирование лояльного отношения к политике власти стало насущной необходимостью. Истоки многогранности его натуры – постоянная работа над собой, крестьянское трудолюбие, практика взаимодействия с органами власти, а также активное участие во всех значимых формах общественной жизни, существовавших в то время в СССР. Из Тюмени двадцатилетний человек уехал сложившейся личностью с огромным жизненным багажом.

Открытие памятника Фитину в Тюмени.
Фото Сергея Куликова

Возвращение в Тюмень

Совершенно неожиданным образом продолжилась для меня его школьная история. 16 августа 2024 года в Тюмени состоялось открытие памятника Павлу Михайловичу Фитину. Предшествовала этому большая работа. Режиссёр А.И. Паников рассказал о заботах по установке памятника Почётному гражданину Тюменской области Юрию Шафранику. Юрий Константинович оказал максимум поддержки: обратился с просьбой к председателю Тюменской областной Думы Ф.Г. Сайфитдинову, главе администрации города Тюмени Р.Н. Кухаруку. Ветераны Службы внешней разведки В.В. Запевалов, А.И. Алексеев неоднократно выезжали в Тюмень для решения практических

Руководитель организации ветеранов ФСБ В.И. Мещеряков вручает А.В. Вычугжанину медаль Фитина.
Фото Сергея Куликова

вопросов. Вспоминаю, как вместе с ними ходили по городу, подбирая подходящее место для установки памятника. Председатель Совета ветеранов СВР М.В. Погудин по поручению директора СВР С.Е. Нарышкина открывал памятник. Возглавили организационную работу по установке памятника депутат Тюменской городской Думы С.Н. Морев, А.И. Пусев и В.И. Мещеряков. Финансовую поддержку оказали депутаты областной Думы. Работа скульптора А.В. Тыртышников и архитектора Д.В. Селивохина стала украшением площади, которая является частью истории юного Паши Фитина.

После торжественной части был дружеский обед в составе небольшой компании, в основном ветеранов Службы внешней разведки и тех, кто причастен к появлению памятника. На этой встрече для меня самым ярким впечатлением стало прослушивание аудиозаписи с голосом Фитина. Прослушивание подготовил писатель из Екатеринбурга, ветеран ФСБ Евгений Викторович Дементьев. Хотя условия в ресторане и не позволили мне хорошо услышать декламацию, но тембр я сумел почувствовать. Приятный баритон, располагающий к себе, чистый голос – всё это свидетельствовало о добром человеке, любящем жизнь.

Евгений Викторович дал необходимые пояснения: «Павел Михайлович любил стихи Лермонтова, много их знал и декламировал зачастую лучше, чем профессиональный артист. В данном случае он читает стихотворение «Не унижусь пред тобою». Это единственная запись его голоса, которая вообще существует. Я послал копию Андрею (эту запись успела послушать его мама – свекровь Павла Михайловича Нинель Анатольевна, и была в возбуждённом состоянии, через полвека услышав родной голос)». Вряд ли ошибусь в утверждении, что именно в Тюмени Павел Михайлович развил свои навыки выразительного чтения. Для меня такая информация – окошечко во внутренний мир Павла Михайловича Фитина. Он до конца жизни остался романтиком. Читатель сам может поразмышлять об этом.

По национальному признаку...

Беда, как известно, не приходит одна. Вместе с голодом блокады семье мамы Зинаиды Завозиной пришлось испытать разлуку с родным домом на хуторе Хатту Мяки у деревни Калголово близ Ленинграда. Вместе с другими «врагами народа» по национальному признаку (финны) они были отправлены неизвестно куда, неизвестно зачем.

- Елизавета Степановна Хатту (в девичестве Тувонен), бабуля наша, почти ничего не рассказывала. Бывало, начинает вспоминать и расплачется, мы её жалели и не настаивали. Боялась она. А историю своей семьи мы узнавали от её сестер из Рапполово, когда приезжали к ним в го-

Зинаида
Завозина

сти, - рассказывает жертва политических репрессий Зинаида Завозина. - В сентябре 1942 года они выкопали картошку и положили её в яму. А уже в октябре-ноябре было много голодных ленинградцев, они еле ходили от дома к дому, собирая всё, что можно было съесть. К тому времени лежал снег, и чтобы не выдать яму следами, бабулина свекровь запретила брать из неё картошку. Иначе, говорила, ленинградцы всё съедят. А эта война, она скоро кончится.

К тому времени в семье Хатту было пятеро детей: Алиса, Тюне, Армас, Валтер и Айла. Корову у семьи забрали, остались только куры, но и их быстро съели. Продуктовых карточек в сельской местности не выдавали.

- Бабуля сварит картошку и раздаст всем, а мама с братом Армасом заглядывают в котелок в надежде, может, хоть ещё одна штучка там есть, - продолжает Зинаида Гавриловна. - И только мыслями себя тешили, что в яме-то у них много картошки есть. Но, увы, съесть её так и не пришлось.

В третьей декаде марта 1942 года вышел приказ об эвакуации. До железнодорожной станции их везли по Ладогe, которая ещё была покрыта льдом.

- Армас вспоминал, что видел, как машина, ехавшая перед ними, угодила в воронку и стала тонуть, - с дрожью в голосе говорит женщина. - Но останавливаться было нельзя, лёд тонкий. А мы, говорит, с Дусей, моей мамой, шепчемся, что в той машине дети же были. Крики, плач, страшно...

В поезд со станции Токсово семья села вместе с другими родственниками из Ленинграда, получилось 16 человек, включая двух двухлеток. Им

выдали маломальские пайки, деда Семёна Мартыновича назначили вагоновожатым. У него было семь классов школы, и он считался грамотным человеком. Много потерь понесли в той дороге. Люди умирали от голода, кормили очень скудно и чем попало. Чтобы еды давали больше, на станциях мёртвых отворачивали к стенке, будто они спали. А потом снимали с поезда. В простом вагоне без всяких удобств семья Хатту доехала до деревни Кормиловки тогда еще Омской области.

– Их поселили в доме с земляным полом и дали два мешка картошки. Они радовались, как дети, что осенью с картошкой будут, – продолжает Зинаида Завозина. – Но прожили на новом месте всего около двух недель. Потом им объявили, что на теплоходе повезут дальше, а куда – неизвестно. В Аксарку приехали только в августе. Пять месяцев в пути.

На пирсе блокадников пришел встречать весь посёлок. Другую семью из трёх человек взяли к себе Добрынины. Ораву из 16 человек никто не смог взять. Да и расставаться они не хотели. Первые дни спали на матах в школе.

– А потом дедушку вызвали в сельский совет, ещё комендатура была, они ходили отмечаться туда, – вспоминает северянка. – Вызвали и говорят, что отправят их в рыбацкий посёлок Горнокалымск, обещали дать избушку. Бабулины сестры не поехали туда, устроились на рыбозавод в Аксарке. Тётя Хельми такая довольная была. Говорила: рыбу ведь сырую можно кушать даже!

Первое время новые жители, особенно её женская половина, побаивались местное население в их традиционной одежде. А те говорили, что из Ленинграда приехали людоеды с белыми волосами и светлыми рыбьими глазами.

– Первая зима была самой тяжёлой, было очень голодно, и по-русски семья плохо разговаривала, – делится женщина. – После приезда у мамы дедушки началась одышка, и она скончалась. Младшая Айла, которой было всего два года, совсем ослабела. Она была настолько худая, что даже проваливалась в горшок. Берёшь её на руки, а она как пустая пеленка, почти невесома.

В Горнокалымске Елизавета Степановна подрядилась доить коров, Семён Мартынович устроился на рыбоучасток в бухгалтерию. Дети пошли в школу. Тюне по возрасту была старше других учеников, поэтому продолжить учиться с ними постеснялась. Армасу приходилось ходить в школу вместе с младшим Валтером, девать его было некуда. Он сидел за последней партой и раньше времени научился читать и писать.

Весной 1943 года, когда началась рыбалка, старшие дочери Хатту Алиса и Тюне попросились на работу к местным жителям. Рыбак по фамилии

Перчеда согласился взять девочек к себе весельщиками. Семья была несказанно рада, ведь жили впроголодь, а картошек им ещё не давали.

– Алиса старше была, посильнее. Она веслом по воде проведёт, лодка и поворачивается в ту сторону, а Тюне, маме моей, два раза надо было так сделать, – говорит собеседница. – Но ничего, стали работать. Рыбаки, кто с рыбалки приезжали, рассказывали, что девочки хорошо трудятся, добрые такие, веселые. Только силёнок мало у них. Где докинут рыбу на плашкоут, где не докинут. Через две недели юные весельщицы приехали в посёлок. Бабушка вышла их встречать, а они бегут такие радостные, щёчки трясутся и кричат: «Мама, здесь такая рыба вкусная, её можно кушать даже без соли и хлеба!»

Рыбак Перчеда дал семье муксунов, а вечером пришел и показал, как надо чистить и готовить северную рыбу. Увидев измождённую маленькую Айлу, пришел в ужас и посоветовал отпаивать её рыбьим жиром. Показал, как вытапливать жир на сковороде, и девочка буквально на глазах встала на ноги. В 1943 году в семье появился сын Виктор. Семья освоила хантыйский язык, хотя и говорила с акцентом, но их понимали. Когда война закончилась, школу в Горнокалымске упразднили, и осенью 1945 года семья переехала в Аксарку. Там им дали комнату в бараке. Жизнь стала потихоньку налаживаться.

– Малыши пошли в детский сад, Валтер в школу сразу во второй класс, – вспоминает Зинаида Гавриловна. – Бабушка устроилась санитаркой в больницу. Она потом так радовалась, что ей удалось заработать себе хоть маленькую, но пенсию. Детей ведь много было, она долго не работала. А дедушка работал в бухгалтерии моторно-ремонтной станции, ходил в белой рубашке и в пиджачке (смеётся). А ещё он очень тосковал. Всё говорил: «Как дети вырастут, я отвезу вас на родину». В 1971 году отправился в Ленинград добиваться прописки, чтобы получать, на-

конец, полноценно пенсию. Лимитную прописку давали только на три месяца, потом вся процедура начиналась заново. Однако там дедушку парализовало. Я поражаюсь, как наши родители столько всего испытали и никогда никакой ненависти к власти у них не было? Бабуля так и говорила, что, может, и лучше, что их сослали на Север, там бы все умерли от голода. Рыба их спасла.

В 80-х годах внуки семьи Хатту ездили на свою историческую родину. Домов, конечно, уже не было, их все разобрали на дрова. Сохранился лишь фундамент от школы. Документы о реабилитации Зинаида Завозина получила только в 1992 году. В справке так и написано: «Жертва политических репрессий...»

«Хатту» – в переводе
с финского языка – шапка,
«Мяги» – гора

Дивизия энская, дивизия Тюменская

Продолжение, начало в №2 за 2025 год

Болотные солдаты

После полковника Кошевого 65-ю стрелковую Краснознамённую дивизию, прикрывавшую прорыв из окружения частей 2-й ударной армии, возглавил полковник В.Я. Николаевский. В феврале 1932 года он служил начальником штаба 245-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии в г. Свердловске. С октября 1937 по июль 1938 года участвовал в гражданской войне в Испании. После возвращения в СССР 1 сентября 1938 года был арестован органами НКВД, но, в отличие от комбрига Гаврюшенко и других командиров и политработников тюменской 65-й стрелковой дивизии, его не расстреляли. Возможно, особистов УрВо «смутило» награждение Николаевского, находившегося уже в тюрьме, орденом Красного Знамени. Решением военного трибунала войск НКВД от 19 декабря 1939 года его освободили из-под ареста, восстановили в правах со снятием судимости и отправили на лечение.

Когда началась Великая Отечественная война, подполковника Николаевского назначили начальником штаба 22-й стрелковой дивизии народного ополчения Москвы, переименованной затем в 305-ю стрелковую. С августа 1941 года дивизия в составе Новгородской армейской оперативной группы, затем 52-й армии Волховского фронта участвовала в оборонительных боях в районе г. Новгорода в январе-апреле 1942 года – в Любанской наступательной операции. 27 апреля 1943 года 65-я стрелковая Краснознамённая дивизия, которой командовал полковник Николаевский, вошла в состав 59-й армии Волховского фронта, а на следующий день он был снят с должности из-за «отсутствия элементарного порядка в частях» и направлен на ускоренную подготовку при Высшей военной академии имени Ворошилова. В середине декабря 1943 года назначен начальником штаба 119-го стрелкового корпуса и воевал с ним в составе разных армий и на разных фронтах до окончания войны.

А к командованию 65-й стрелковой Краснознаменной дивизии, находившейся в обороне на плацдарме на реке Волхов в районе деревни Спасская Полисть, был допущен полковник Г.Е. Калиновский.

Дом командного состава, ул. Перекопская

Линия фронта тянулась здесь через покрытые буреломом болота и по островкам, выглядевшим как плавающие рощи. Передвижение тут было возможно только по настилам. Дождливими ночами, сгибаясь под тяжестью, колонны подносчиков тащили на себе патроны, снаряды и продовольствие, а возвращаясь, выносили раненых. После дождя настилы скрывались под водой. Тогда бойцы передвигались в болотной жиже, иногда по пояс, толкая перед собой плотики, проваливались в воронки, обходили пни, кусты и затопленные проволочные заграждения.

Вколотив в болото сваи, бойцы крепили к ним пол. Через несколько дней он скрывался в воде, над ним строили новый, внутри блиндажа под самым потолком настилали полаты, на которых лежали «болотные солдаты» и стреляли через прорубленные отверстия. О применении здесь танков и говорить не приходилось, а для артиллерийских позиций рубились из деревьев многослойные платформы, рассчитанные с учётом погружения в болото на определённое количество залпов.

Победить врага, закрепившегося в трёх линиях долговременных укреплений на 40-метровых высотах, при-

крывавших подходы к Новгороду и остававшихся сухими даже в самое сильное половодье, могли только сибиряки, имевшие большой опыт боёв в лесисто-болотистой местности. Не случайно костяк Северо-Западного, Волховского, Ленинградского и Карельского фронтов составляли сибирские и уральские дивизии.

В новгородских лесах зародилось массовое снайперское движение, причём не только стрелков из винтовки, но и артиллеристов и миномётчиков. Лучшие орудийные расчёты и даже целые батареи получали право вести индивидуальную стрельбу. В 65-й стрелковой Краснознамённой дивизии было немало мастеров артиллерийско-миномётного огня, способных снарядом или миной поразить любую цель.

Командование Волховского и Ленинградского фронтов понимало: для прорыва вражеской обороны необходим перевес в силах. Такое положение сложилось только зимой 1944 года.

14 января в старый Новый год на немецкие укрепления обрушился полуторачасовой «фейерверк». Несмотря на необычную для января оттепель (часть танков застряла в болоте) и ожесточённый огонь противника, 6-й стрелковый корпус генерал-майора С.П. Микульского, в состав которого входила 65-я стрелковая Краснознамённая дивизия, прорвал оборону противника и 17 января во взаимодействии с другими соединениями 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова штурмом овладел Подберёзьем – основным узлом сопротивления врага. Опасаясь окружения, командование немецкой группы армий «Север» стало отводить войска из Новгорода, по городу забегали фашистские факельщики. Но варварам не удалось уйти от возмездия: старший сержант 74-го сапёрного батальона 65-й стрелковой Краснознамённой дивизии Корольков подорвал железнодорожное полотно и отсек вражеское отступление. 17 тысяч гитлеровцев навсегда остались в древней земле. 20 января над Новгородским кремлём – «детинцем» – взвился красный стяг.

Приказом Верховного главнокомандующего трём дивизиям, в том числе 65-й полковника Г.Е. Калиновского, было присвоено наименование «Новгородская». Командующий Волховским фронтом генерал армии Мерецков приехал в город сразу после его освобождения. «На улицах, – вспоминал он, – царила мёртвая тишина. Всюду громоздились кучи битого кирпича. На весь Новгород целыми остались около сорока зданий. Величайшие памятники древности, гордость и украшение старинной русской архитектуры были взорваны. От церквей Спаса на Ильине, Петра и Павла в Кожевниках сохранились лишь голые остовы стен. Рухнули на землю Никольский собор, Евфимиевская башня и звонница. Воздвигнутый в 1052 году Софийский собор был разграблен, его сверкавший позолотой купол ободран, городской сад вырублен. В 1862 году в Новгороде был сооружён памятник «Тысячелетие России». Гитлеровское командование намеревалось пустить «Тысячелетие» на переплавку. Специальные отряды солдат уже распилили на куски металлические статуи, но не успели их вывезти. И когда советские войска ворвались в город, они увидели лежащие в сугробах

снега бронзовые изваяния Александра Невского, Петра I и Суворова...»

В результате Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции (14 января – 1 марта 1944 г.) советские войска нанесли крупное поражение немецкой группе армий «Север», полностью сняли блокаду Ленинграда, освободили почти всю Ленинградскую, Новгородскую, основную часть Калининской областей и вступили на территорию Эстонии.

15 февраля 1944 года Волховский фронт был расформирован. Его войска переданы Ленинградскому фронту. Командующий этим фронтом генерал армии Л.А. Говоров обратился к воинам: «Товарищи бойцы, сержанты и офицеры! Перед вами Псков – крупный административный центр Ленинградской области, важный узел железных и шоссейных дорог. Псков – старинный русский город, прославивший себя многовековой борьбой против немецких захватчиков. Немцы не раз протягивали к нему свои хищные руки, но все их подходы к стенам неизменно заканчивались полным разгромом. Так было в 1242 году, когда дружинники Александра Невского – наши предки – разбили на Чудском озере полчища немецких псов-рыцарей. Так было в 1918 году, когда отряды молодой Красной армии под Псковом и Нарвой наголову разгромили отборные войска кайзеровской Германии, вписав новую ярчайшую страницу в историю русской воинской славы. Так было и будет!

Воины Ленинградского фронта! Могучим ударом вы прорвали под Ленинградом сильно укрепленную оборону немцев и отбросили противника далеко на запад – к Пскову и Нарве. Много городов, сёл и деревень Ленинградской области вы освободили от фашистской оккупации, тысячи русских людей вырвали из страшной неволи. Победоносный путь вашего наступления от Ленинграда до Пскова усеян тысячами трупов солдат и офицеров гитлеровской грабительской армии. Псков – последний оплот немцев на Ленинградской земле. С отчаянием обречённых гитлеровцы пытаются удержать его в своих руках и этим самым приостановить наше продвижение вперёд, к границам Германии. Борьба за Псков будет нелёгкой. Победу надо будет добывать в упорных и жестоких боях. На подступах к городу враг создал полосу мощных укреплений. Но не спасут фашистов никакие укрепления!»

Псковская наступательная операция в марте 1944 года, в которой в составе 7-го стрелкового корпуса 67-й армии участвовала 65-я стрелковая Новгородская Краснознамённая дивизия, осталась в тени известных сражений Великой Отечественной войны. Первой попыткой в отечественной историографии приподнять завесу тайны над боями начала марта 1944 года в районе Пскова стала книга С. Бирюка «Март 1944. Битва за Псков» (2019).

Причины умалчивания этих событий кроются, по мнению автора, в больших потерях 42-й, 67-й, 54-й армий Ленинградского фронта с 1 по 30 марта 1944 года – 6 577 убито, 15 218 ранено, 144 пропало без вести. При этом прорвать заранее подготовленные противником оборонительные сооружения, названные линией «Пантера», в первых атаках не удалось. Псков был освобождён только 23 июля, когда

65-я стрелковая Новгородская Краснознамённая дивизия участвовала в наступательной операции Свирско-Петрозаводской в Южной Карелии (21 июня – 9 августа 1944) с целью вывода из войны союзника гитлеровской Германии – Финляндии.

Тюмень наступает

Назначенный 18 февраля 1944 года командующим Карельским фронтом генерал армии К.А. Мерецков добился, чтобы дивизию тюменского формирования перебросили в его подчинение. Боевой состав этого фронта, в который входили шесть стрелковых дивизий, включая сформированную в Тюмени в августе-октябре 1941 года 368-ю, длительное время находился в обороне, опыта организации и проведения наступательных операций не имел.

Новгородской Краснознамённой дивизии, испытавшей горечь поражений и радость побед, предстояло показать землякам, как действовать при прорыве сильно укрепленной обороны противника.

Для усиления войск фронта в Карелию в июне 1944 года перебросили 37-й гвардейский стрелковый корпус. Командиром этого корпуса был назначен генерал-лейтенант В.П. Миронов, который с 1939 года командовал в СибВО 107-й стрелковой дивизией, отличившейся в Смоленском сражении и 26 сентября 1941 года в числе первых соединений преобразованной в 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В 1945 году за проявленный героизм и умелое командование 37-м гвардейским стрелковым корпусом Миронов был удостоен звания Героя Советского Союза.

9-10 июня на Карельском перешейке в наступление перешли войска Ленинградского фронта. В первые дни операции им удалось добиться значительных успехов. Тогда финское командование в срочном порядке начало перебрасывать туда все свои резервы. В том числе и из Карелии.

Заметив оставление финнами своих позиций в с. Воскресенье на южном берегу Свири и отход на заранее подготовленный рубеж по северному берегу реки, Мерецков приказал своим дивизиям начать немедленное форсирование Свири и преследование противника на петрозаводском и лодейском направлениях.

Однако выше места планируемой переправы частей 368-й стрелковой дивизии находился захваченный финнами осенью 1941 года мощный гидроузел Свирь-3. Плотина, создавая перепад уровня 18 метров, удерживала 125 миллионов кубометров воды. Расчёты инженерной службы фронта показали, что в случае открытия затворов или внезапного взрыва плотины по реке прокатится четырёхметровый вал воды, способный мощным гидравлическим ударом смыть любую переправу. Поэтому решили не рисковать и разрушить плотину самим до начала форсирования Свири. Для утверждения плана уничтожения ценного народно-хозяйственного объекта Мерецкову пришлось вновь ехать в Москву и доказывать Сталину необходимость такой операции.

Дом, где располагалась дивизия, ул. Республики

С 18 июня 55 бомбардировщиков Балтийского флота начали прицельное бомбометание. Тяжелая артиллерия и самоходные орудия били прямой наводкой по затворам плотины и шлюзовым створам. В верховьях спускали по реке плавающие мины. Лишь к вечеру 20 июня нужный эффект был достигнут. В Ставку ВГК доложили: «...Плотина повреждена в трёх местах. Уровень реки поднялся на два метра».

Командир 368-й стрелковой дивизии генерал-майор В.К. Сопенко приказал направить на противоположный берег разведку. Переправившись под огнём противника, отряды разведки и инженерных войск захватили кромку северного берега. Вслед за ними в полосу четыре километра на плавающих автомобилях и десантных лодках Свирь форсировали другие соединения фронта. К исходу дня навели через реку двадцать паромных переправ. За пехотой началась переброска танков и самоходных артиллерийских установок.

Артиллерия и авиация до такой степени перепалили прибрежную полосу, что высадка войск Карельского фронта была произведена почти беспрепятственно. «Нашему взору открылась потрясающая картина, – вспоминал один из участников форсирования Свири. – Всё вокруг горит и дымится. Вражеская оборона от реки километров на пять в глубину изрыта бомбами и снарядами. Исковерканные и обгоревшие орудия и миномёты валяются на своих огневых позициях. Траншеи и ходы сообщения разрушены. Немногие оставшиеся в живых финские солдаты и офицеры настолько потрясены после трёхлетнего спокойствия в обороне, что лишились способности к какому бы то ни было сопротивлению. Стоят с поднятыми руками и трясутся. Траншеи буквально завалены трупами. А в дотах, к нашему удивлению, мы обнаружили тела финнов, на которых не было никаких следов ранений. Но все – синие. Их поу-

В Заполярье

Согласно советским условиям, финские войска отводились за линию границы 1940 года. Финляндия должна была порвать отношения с гитлеровской Германией и её союзниками, разоружить 200-тысячную группировку немцев в Заполярье и северных районах Норвегии. Однако Гитлер не собирался оставлять эти территории, особенно богатый никелем район Петсамо (Печенгу).

Утром 7 октября 1944 года войска 14-й армии Карельского фронта, в состав которой входили «тюменские» 65-я и 368-я стрелковые Краснознамённые дивизии, начали штурм созданной здесь противником за три года в условиях труднопроходимой горно-лесистой и болотистой местности мощной трёхполосной обороны.

В течение часа орудия и миномёты всех калибров «молотили» опорный пункт противника на высоте 373,1 у горы Большой Кариквайвишъ, с которой хорошо просматривались подступы к незамерзающему порту Петсамо (Печенга). Вражеский дзот, препятствующий продвижению советских войск, уничтожил старший сержант

60-го стрелкового полка 65-й стрелковой Новгородской Краснознамённой дивизии Н.С. Закоркин, мобилизованный в августе 1941 года из деревни Стрункино Сладковского района Тюменской области. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Для отвлечения внимания противника от направления главного удара в атаку бросили 614-ю отдельную штрафную роту – вверх по отвесной гранитной скале, сквозь колючую проволоку, кинжальный огонь пулемётов и гранаты, летевшие под ноги. Почти все штрафники – около 750 человек – погибли в ущелье между скалами, но дали возможность сибирякам совершить глубокий обходной манёвр и ударом с юго-востока во фланг и тыл противника овладеть узлом дорог и мостом через реку Петсамо-Йоки. Затем были освобождены город и порт.

Через десять дней газета «Тюменская правда» сообщила о новой победе земляков: «Войска генерала армии Мерецкова, продолжая наступление на запад от Петсамо (Печенга) и нанося лапландской группировке немецкой армии большой урон в живой силе и технике, вышли к норвежскому городу Киркенес...»

Бои за этот город, без всякого преувеличения, носили ожесточённый характер. Километрах в десяти на восток от Киркенеса впадает в залив широкая и многоводная река Пасвик-Эльва, пересечённая местами горными порогами и водопадами. Левый фланг немецких позиций был прикрыт естественным препятствием – заливом Ярфьорден.

При освобождении норвежского города Киркенес отличился командир разведывательного взвода 60-го стрелкового полка 65-й стрелковой Новгородской Краснознамённой дивизии лейтенант А.Х. Бахтеев. В Центральном архиве Министерства обороны сохранилось его боевое донесение:

Памятная доска

бывало взрывной волной от наших реактивных снарядов, которая проникала через амбразуры и доты».

«К 24 июня, – напишет Мерецков в своих мемуарах, – Свирь была форсирована на всём протяжении, и в тот же день Москва салютовала Карельскому фронту, за три дня освободившему свыше 200 населённых пунктов».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1944 года за образцовое выполнение заданий командования в боях при форсировании Свири и прорыве сильно укреплённой обороны противника тюменская 368-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Второй этап Свирско-Петрозаводской операции, по свидетельству Мерецкова, представлял собой преследование противника в направлении Сортавалы: «Оно охватывало начало июля того же года и явилось важнейшим событием не только в военном, но и в политическом отношении. Чем ближе к финляндской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались. Дороги заваливались баррикадами из спиленных многолетних деревьев. Минировался чуть ли не каждый квадратный метр оставляемой территории... Мы наткнулись на оборонительные рубежи, подготовленные ещё за год до этого: на один километр фронта приходилось до 12 дотов и дзотов. Очень трудную задачу пришлось решать...»

К 9 августа фронт стабилизировался. Перебросив подразделения из глубины страны и с северного участка обороны, финнам удалось остановить советское наступление: за полтора месяца потери войск Карельского фронта составили 63 603 человека убитыми и ранеными.

Прорыв стрелковых дивизий к границе Финляндии создал предпосылки для ускорения её выхода из войны – соглашение о перемирии было подписано 19 сентября 1944 года.

«На рассвете 25 октября 1944 года возглавляемая мной разведгруппа в количестве 32 человек внезапным налётом овладела железнодорожной станцией Бьорневатна, ближайшей к Киркенесу. В результате налёта освобождены от угона на Запад и истребления 4 500 норвежских жителей. Захвачено 18 немецких автомашин, 4 мотовоза, 7 паровозов, 225 вагонов с никелем, 35 тонн бензина и различные склады противника. В бою уничтожены около 200 эсэсовцев. В спасении норвежского населения и имущества большую помощь оказал норвежский рабочий Хюго Енсен, который дал нам ценные сведения и затем с оружием в руках принял участие в операции».

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, и спасение от верной гибели норвежских рудокопов и жителей Киркенеса лейтенант Бахтеев был награждён орденом Красного Знамени, а все разведчики – орденами Славы III и II степени. Старшина М.Н. Брюховский, окончивший перед войной Тюменский сельскохозяйственный техникум, стал позднее за бои в Восточной Померании полным кавалером ордена Славы. Король Норвегии удостоил лейтенанта Бахтеева высшей наградой государства – орденом Св. Олафа. В 60-е годы Бахтеев работал корреспондентом в газетах «Тюменская правда», «Тобольская правда» и ответсекретарём в газете «Слава труду» Аромашевского района, а Брюховский – агрономом в совхозе «Полетаевский» Челябинской области.

Первым комендантом освобождённого от немецких оккупантов норвежского города Киркенес был назначен заместитель командира 368-й стрелковой Краснознамённой дивизии полковник А.П. Рослов. Из местного населения сформировали полицию, которая временно подчинялась командованию «тюменской» дивизии. В составе этого полицейского подразделения служил младшим офицером будущий великий путешественник Тур Хейердал.

За успешные действия в трудных условиях Заполярья по завершению полного освобождения Петсамской (Печенгской) области от немецких захватчиков 65-я стрелковая Новгородская Краснознамённая дивизия была награждена орденом Суворова II степени, а 368-й стрелковой Краснознамённой дивизии присвоено почётное наименование «Печенгская».

Результаты Петсамо-Киркенесской наступательной операции действительно впечатляли. В суровых условиях Заполярья войска всего лишь одной армии (8-й стрелковых дивизий и 5-й стрелковых бригад) при поддержке одной танковой бригады, авиации 7-й воздушной армии и во взаимодействии с Северным флотом нанесли поражение 19-му горнострелковому корпусу 20-й горной армии (3 пехотных дивизии и 3 пехотных бригады, 53 000 солдат и офицеров, 750 орудий и миномётов).

После изгнания немцев из Киркенеса дальнейшее продвижение советских войск на запад, в глубь Норвегии было признано бесперспективным. Впереди лежала узкая пустынная, горная, вся изрезанная фьордами полоска земли. Приближалась полярная ночь. Начались сильные снегопады, на дорогах появились почти непроходимые завалы. Потери Карельского фронта и Северного флота составили 21 233 человека убитыми и ранеными, 21 танк,

40 орудий и миномётов, 62 самолёта. Высланная на северо-запад разведка донесла, что движение вперёд сопряжено с огромными трудностями, а противник отсутствует. Об этом Мерецков, которому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года присвоили воинское звание маршала Советского Союза, доложил Сталину. 15 ноября 1944 года Карельский фронт был расформирован.

368-я стрелковая Печенгская Краснознамённая дивизия осталась на территории Норвегии. Тюменцы занимались разминированием зданий и предприятий, восстановлением причалов, дорог и мостов, организацией питания и медицинской помощи населению. При этом они удивляли скандинавов своей неприхотливостью, ведь в Киркенесе из 220 жилых домов уцелело только 28, и в условиях заполярного ноября-декабря солдатам и офицерам приходилось ютиться прямо в поле. Дивизии было предписано «не занимать ни одного дома или строения, принадлежащих норвежскому населению» и «с щепетильностью относиться к тому, чтобы не допустить никаких нарушений права частной собственности норвежских граждан».

Норвежский министр юстиции Волд, совершавший в то время поездку по освобождённым от немецких оккупантов районам, докладывал в Лондон своему «правительству в изгнании»: «По вечерам можно было увидеть сотни небольших костров, вокруг которых спали солдаты. Палаток мы видели немного. Благодаря такой изумительной выносливости советские войска предоставили норвежскому населению возможность пользоваться немногими уцелевшими от всеобщего уничтожения домами».

В отошедшей от Финляндии к СССР Петсамской (Печенгской) области вся частная собственность сразу стала «народной», то есть была национализирована. Норвегию приказано было считать иностранной территорией, поэтому здесь старались произвести благоприятное впечатление на за границу и её граждан, не жалея при этом собственных.

А 65-ю стрелковую, преобразованную 29 декабря 1944 года в 102-ю гвардейскую стрелковую дивизию с сохранением почётного наименования «Новгородская» и боевых орденов Красного Знамени и Суворова II степени, передислоцировали для доукомплектования в г. Рыбинск. Генерал-майора Калиновского перевели на должность командира 4-го гвардейского стрелкового Свирского корпуса, включённого в состав Беломорского военного округа.

В командование дивизией вступил полковник С.И. Храмцов, который с сентября 1942 года был в этом соединении начальником штаба.

В январе 1945-го дивизию перебросили на 2-й Белорусский фронт, где в составе 40-го гвардейского стрелкового корпуса 19-й армии она участвовала в Восточно-Померанской наступательной операции.

Последний бой

Боевые действия этой армии начались 24 февраля 1945 года. После 40-минутной артиллерийской подготовки её дивизии перешли в наступление, нанося главный удар по городу Кёзлину. Противник, придерживаясь тактики удержания отдельных опорных пунктов и частых контра-

так, стремился задержать продвижение наших войск. Особенно упорные и ожесточённые бои разгорелись в районе города Шлохау. Располагая здесь значительными силами пехоты, танков и самоходных орудий, противник пытался контрударом во фланг нашим частям не допустить их продвижения в северо-западном направлении.

Преодолевая ожесточённое сопротивление немцев и его частые контратаки, войска 19-й армии продвинулись за первый день боя на глубину до 10 километров и расширили прорыв по фронту до 20 километров. Для быстрого продвижения пехоты в сражение ввели 3-й танковый корпус. Во взаимодействии с этим корпусом соединения 19-й армии вышли на побережье Балтийского моря севернее Кёзлин (Кошалин, Польша), сыграв важную роль в рассеивании восточно-померанской группировки противника.

Несмотря на сложные условия ведения боёв в городах, наши войска показали умение успешно решать стоящие перед ними задачи. Этому способствовали: возросшее боевое мастерство командиров и солдат; умение наших частей и подразделений осуществлять сложный и смелый манёвр силами и средствами в ходе наступления в городе. Это достигалось чёткой организацией и подготовкой боя, искусным маневрированием силами и средствами и взаимодействием родов войск, соседей, первых и последующих эшелонов.

10 марта 1945 года полки 102-й гвардейской стрелковой Новгородской Краснознамённой ордена Суворова II степени дивизии, поддержанные артиллерией и авиацией, совместно с 18-й гвардейской танковой бригадой атаковали противника и, сломив его сопротивление, ворвались в город Лауенбург. Через три дня они подошли непосредственно к переднему краю Данцигско-Гдынского оборонительного района.

Следует подчеркнуть, что в районе Данцига и Гдыни наши войска столкнулись с очень сильной обороной врага. Сухопутные укрепления Данцига состояли из старого крепостного пояса, окружавшего город с юга и востока, и из внешнего пояса укреплений современной постройки. Большое количество железобетонных боевых огневых сооружений располагались на командных высотах. Территория, прилегавшая к городу с юго-востока и юга, могла в случае необходимости затапливаться. Система долговременных сооружений была дополнена оборонительными постройками полевой фортификации; кроме того, к ведению обороны были приспособлены здания и целые кварталы города.

Не менее мощная оборона была создана противником в районе Гдыни. После окончания в 1918 году Первой мировой войны Данциг по мирному договору объявили «вольным городом». Польское государство создало на узком клочке береговой полосы, так называемого Данцигского коридора, военный и торговый морской порт Гдыня. Когда немецко-фашистские войска оккупировали этот порт, они переименовали его в Готтенгафен. Здесь базировались подводные лодки и надводные боевые корабли противника, действовавшие в Балтийском и Северном морях.

Созданию противником вокруг Гдыни сильной обороны способствовали наличие железобетонных зданий и выгод-

ные условия местности. Многочисленные овраги, высоты с крутыми склонами, густой лес и болотистые низменности усиливали оборону врага и, наоборот, крайне затрудняли наступление наших войск. Здесь нельзя было с полной эффективностью использовать танки и самоходно-артиллерийские установки. Ограничивался и манёвр артиллерией, так как для её перемещения возникали большие трудности.

Несмотря на то, что сражение в Восточной Померании немцами было проиграно и разгром его изолированных одна от другой группировок предreshён, гитлеровское командование не хотело с этим считаться. Оно продолжало сопротивление ценою гибели соединений своей армии и занимаемых ими городов.

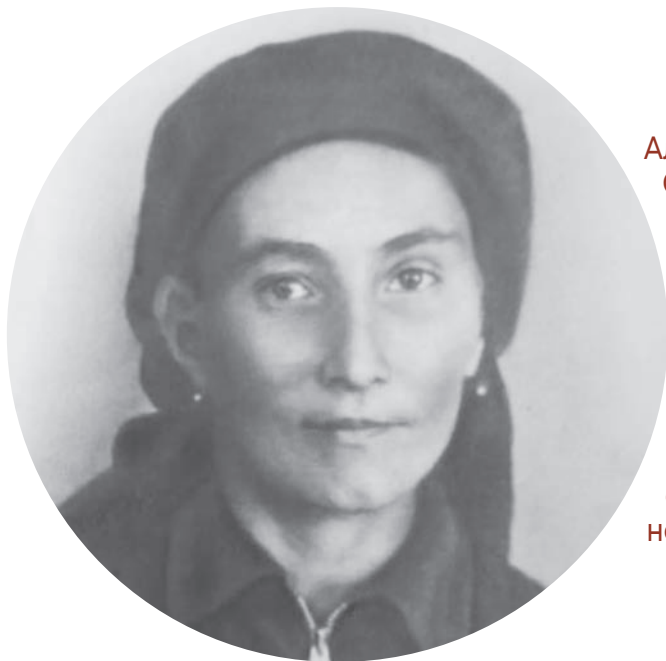
Начиная с 13 марта 1945 года на подступах к Гдыне завязались ожесточённые бои. Атаки наших войск сменялись контратаками противника. Уничтожение гдынской группировки командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский возложил на 19-ю армию генерал-лейтенанта В.З. Романовского. Отвоёвывая у врага один опорный пункт за другим, соединения этой армии взломали оборону противника и 28 марта после непрерывных пятнадцатидневных боёв овладели городом и портом Гдыня. Через два дня пал объявленный крепостью порт и город Данциг. Остатки вражеских войск были отброшены в заболоченное устье Вислы, где через некоторое время сдались в плен.

За проявленные высокую выучку и умение вести бои в сложных условиях и при минимальном превосходстве в силах над противником гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Храмцова получила почётное наименование «Новгородско-Померанская» и была награждена орденом Красной Звезды.

Разгром гдынской и данцигской группировок противника стал серьёзным успехом советских войск. Вместе с тем взятие нашими войсками Гдыни и Данцига явилось торжеством освободительной миссии Красной армии. Известно, что Данциг – старинный славянский город, неразрывно связанный с историческими судьбами Польши. Долгие годы этот город был оторван от Польши. Но теперь справедливость восторжествовала. Советские воины вернули Польше Данциг (Гданьск). Над городом был поднят национальный флаг Польского государства. К сожалению, у руководства современной Польши и у части польского народа оказалась короткая память.

После завершения Восточно-Померанской наступательной операции (прижатая к морю группировка противника в районе восточнее Данцига капитулировала только 9 мая 1945 года) 102-я гвардейская стрелковая Новгородско-Померанская Краснознамённая орденов Суворова II степени и Красной Звезды была передислоцирована в Воронежский военный округ (существовал: 9.07.1945 – 7.05.1946), где оказалась переформирована в 11-ю гвардейскую стрелковую бригаду. Прославленное в боях соединение не вернулось в родную Тюмень. Но память о тюменском периоде истории и боевых заслугах дивизии тюменского формирования сохраняет мемориальная доска на стене здания на улице Республики, 3.

Наш любимый председатель

Ульяна Георгиевна Вокуева

Алевтина Спиридоновна Вокуева пришла к нам в редакцию. Объяснила, что готовит к изданию книгу, материал для которой собирала три года. Подтверждая свои слова, достала из папки десяток чёрно-белых фотографий и аккуратную стопку листов с набранным на компьютере текстом. А ещё несколько рукописных страничек. Её почерк, округлый и ровный, говорил о внутренней дисциплине и об уважении, с каким она относится к будущему читателю. А ставшее с первых строк очевидным умение излагать мысли и ярко передавать образы сразу вызвало у нас неподдельный интерес к новой собеседнице.

– Я хочу рассказать об Ульяне Георгиевне Вокуевой, председателе Собского сельского совета Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа, – объяснила Алевтина Спиридоновна. – В жизни мне пришлось повидать немало руководителей, в том числе успешных и уважаемых, но таких, как она, больше не встречалось. Не случайно в наших северных краях народ её так и называл – любимый наш председатель! И мне, в то время совсем молодой девушке, невероятно повезло: я встретила Ульяну Георгиевну в начале своего трудового пути, выросла на её глазах, вошла в семью, став женой её старшего сына. Жизнь этой женщины была очень драматичной, но сколько же в ней все эти годы сохранялось правды и доброты, сколько желания выслушать и понять окружающих, сделать для них всё, что было в её силах. Один только небольшой штрих: Ульяна Георгиевна в совершенстве знала языки всех северных народов и с каждым их представителем общалась как с родным. А как доступно разъясняла им содержание партийных и государственных документов, как грамотно обсуждала производственные планы и анализировала результаты труда! Ездить и встречаться с людьми приходилось очень много: наше село Катравож

было административным центром, окружённым многочисленными посёлками, и ей, многодетной матери, удавалось совмещать командировки с обязанностями хозяйки большого дома.

– Биография таких людей обычно глубоко отражает их время. Знаю, что вы провели большую работу, собирая сведения военных и послевоенных лет, ведь именно с уходом на фронт большинства катравожских мужчин началась служба Ульяны Георгиевны на посту председателя сельсовета...

– Мне тоже кажется, что изначально юная Уля Чупрова (такова была её девичья фамилия), загадывая себе будущее, мечтала прежде всего о супружеском счастье. Замуж вышла за доброго работающего парня Герасима Вокуева, представителя большой и дружной семьи. Вслед за ним переехала из родного села Мужы в Катравож – одно из старейших поселений в низовьях Оби, в крепкий дом, стоящий на берегу речки Собь. Упоминание о Собской заставе встречается в Путевых описаниях Сибири, составленных историком и путешественником Герхардом Фридрихом Миллером ещё в середине XVIII века. Само название – Катравож, так и переводится: «старый город». Там застала Ульяну Георгиевну коллективизация.

В 1929 году в посёлке был создан колхоз имени Ворошилова, а первым его председателем избрали местного жителя Василия Семёновича Пуябри – человека энергичного, ответственного и очень отзывчивого. Колхоз объединил 134 хозяйства. Вошла в него и семья Вокуевых.

Чем ещё характеризовалось то время? Набирала силу потребительская кооперация. В населённые пункты в обмен на пушнину, оленину и рыбу завозились необходимые местным жителям товары. Обычно это были крупы, мука, консервы, всевозможные охотничьи принадлежности. Оленеводы в тундровых факториях заказывали чай, сахар и масло, мужское и женское бельё. Большим спросом пользовались железные печи и осветительные приборы – как керосиновые, так и на батарейках. Жизнь северных посёлков налаживалась, а между тем приближалась к завершению разработка проектов создания национальных округов. 10 декабря 1930 года вышло Постановление Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» с образованием Остяко-Вогульского и Ямальского (Ненецкого) округов и новым их районированием. Читая труды краеведов, изучая архивные материалы, я убедил-

В нижнем ряду Ульяна Георгиевна с внучкой Иррой и мамой своего зятя Ивана. В верхнем слева направо: Иван, Мария, Алевтина и Михаил.

Фото сделано в г. Ульяновске

лась, что местное население относилось к административно-территориальным преобразованиям с большим пониманием. А было оно результатом кропотливой разъяснительной работы, которую вели работники партийного, хозяйственного и советского аппарата, тогда максимально близкого к жителям сёл и деревень.

В 1936 году Ульяна Георгиевна и Герасим Фёдорович переехали в собственный новый дом. В семье подрастали два сына – Михаил и Герасим, а новоселье совпало с рождением дочери Маши. В 1938 году на свет появился Яков, в 1941-м – Геннадий, но уже совсем скоро эта счастливая жизнь будет прервана известием о начале Великой Отечественной войны и развернувшейся мобилизацией.

На фронт будущих солдат провожали всем селом от мала до велика. Вышли на берег, куда причалили два моторных катера с плоскодонными несамоходными баржами. Практически каждая семья прощалась с кем-то из близких. Вместе уходили братья Вокуевы: Антон, Иосиф, Герасим. Оставляли в селе жён и детей. Расставание было очень тяжёлым: на людей словно давило предчувствие неминуемой беды. И её не пришлось долго ждать: за малым исключением всех катравожских

новобранцев окрвоенкомат направил на Ленинградский фронт.

– *Алевтина Спиридоновна, ваши записки наполнены переживаниями так, будто вы сами стояли на том обдуваемом ветрами берегу. Хотя, наверное, в своих трудах больше опирались на архивные данные?*

– Да, я долго работала в областной научной библиотеке. В частности, подробно изучила многотомник «Память. Списки погибших в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и нашла там перечень всех жителей Ямало-Ненецкого округа, не вернувшихся с фронта. Но, конечно, не только документы помогли мне понять то время. Вы представьте: когда я по распределению приехала в Катравож, с окончания войны прошло чуть больше десяти лет. Меня окружали подросшие дети фронтовиков, рядом со мной были их вдовы. Многие вспоминали своих близких, показывали их письма. До сих пор мне не забываются лица этих женщин. Помню, как они улыбались или плакали. Я же сама ребёнок войны: сегодня моим сверстникам за восемьдесят, но общая память заставила меня подробно написать о том, что мы тогда пережили. В первые месяцы Великой Отечественной немецкие войска группы армий «Север», несмотря на героическое сопротивление наших солдат, вышли к окраинам Ленинграда – началось время жесточайшего противостояния. В один день, 29 августа 1942 года, в бою погибли два брата Вокуевых: Иосиф Фёдорович и Герасим Фёдорович, муж Ульяны Георгиевны. В том же году младший их брат Алексей, мобилизованный вслед за старшими, пропал без вести. Стали приходиться в

Первый окружной съезд женщин ЯНАО, сентябрь 1965 года.

Фото из
личного архива
А.С. Вокуевой.
Автор неизвестен

село и другие похоронки. И всё-таки катравожцы трудились и продолжали надеяться. Главной продукцией, идущей из округа на фронт, была рыба. Женские бригады Анны Серасховой и Александры Куйбиной выдавали по два годовых плана. Колхоз имени Ворошилова по-прежнему оставался передовым: в том тяжёлом 1942 году он сдал государству 4 636 центнеров рыбы при плане 3 200, а на следующий год при плане 5 200, обязался сдать 8 000 центнеров! За эти показатели Василий Пуябри был удостоен ордена «Знак Почёта», а младшая сестра фронтовиков Вокуевых рыбацка Екатерина получила Почётную грамоту.

Примерно в то же время Ульяну Георгиевну избрали депутатом Собского сельского совета, немногим позже – председателем исполкома. Двери её дома не закрывались ни днём, ни ночью. Что бы ни случилось, люди шли к ней со своими бедами, и она находила возможность помочь каждому. В 1943 году вернулся с фронта её брат Андрей Чупров, демобилизованный по ранению. Несмотря на то, что полученная рана постоянно его беспокоила, он возглавил один из местных колхозов и оставался на этой работе много лет после войны. Часто навещал сестру. А Ульяну Георгиевну, ещё не оправившуюся после гибели мужа, ждало новое горе. Однажды она мне призналась, что, собираясь на фронт, Герасим Фёдорович ей сказал: «Уля, я уверен, что наших детей ты вырастишь и воспитаешь достойными людьми...» И надо же было такому случиться, что восьмилетний Гера, названный в честь отца, утонул в реке Собь. Боль от этой утраты осталась в её душе навсегда. У неё были необыкновенно лучистые, ясные глаза, но

когда она вспоминала своего погибшего ребёнка, они наполнялись слезами, которые текли по щекам, заливали ей лицо: не уберегла, не выполнила наказ мужа...

После гибели Геры она заболела. А когда начала вставать на ноги, решила, что должна полностью посвятить себя оставшимся детям. Уволилась с прежней работы, чтобы больше не отлучаться из посёлка, но всё равно солдатские вдовы продолжали ходить к ней за утешением. Для каждой из подруг у неё находились слова поддержки. Так, помогая друг другу, дожили до Победы, вместе вернулись к мирному строительству.

В 1947 году Тюменский областной союз потребительских обществ совместно с Ямалпотребсоюзом построил в Катравожке звероферму. Огромное новое предприятие потребовало рабочих рук, и для большинства женщин посёлка решился вопрос послевоенного трудоустройства. А в начале 1952 года Собский сельский совет снова утвердил председателем своего исполкома депутата Ульяну Георгиевну Вокуеву. Дети её к тому времени подросли, и она вернулась к делам, которых односельчане давно от неё ждали.

В первые же дни после возвращения на работу председатель и депутаты стали проводить подворные обходы не только в самом селе, но и в окружающих деревнях. Отмечали, насколько упал уровень жизни коренного населения: рыбу ловить для личных нужд теперь запрещалось, поголовье оленей снизилось, приёмные цены на пушнину оставались невысокими, зато на потребительские товары продолжали расти. Эти проблемы предстояло решать. Ульяна Георгиевна занималась вопросами транспорта и связи, образования и культуры, бытового и медицинского обслуживания. Работала над такими задачами, как строительство жилья, развитие общественного животноводства и даже планировала выращивать овощи в открытом и защищённом грунте. Сразу замечу: не всё решалось просто. Расскажу одну историю: весной 1958 года в Катравожку приехала чета Мельниковых. Супруг, специалист по оленеводству, сразу отправился в тундру, а его жене, агроному, выделили участок, на котором решено было высадить огурцы. Земля для этой культуры подошла идеально: полученный урожай превзошёл ожидания! Продуктовые точки посёлка были переполнены, даже в магазине «Ткани» отгородили место и сгрузили там гору маленьких хрустящих огурчиков! Но покупателей почти не нашлось – не привыкли люди к такой еде, заготавливать впрок тоже не умели. Огурцы потеряли упругость, начали портиться – пришлось их выбросить. Огорчённые Мельниковы уехали из посёлка, а жаль: специалисты они были замечательные!

С 1959 года начнётся реорганизация колхозов в рыбзаводы, и в Катравожке создадут рыбоучасток, где будут работать практически все местные

мужчины. А Ульяна Георгиевна на своём месте оставалась незаменимой, и авторитет её продолжал расти. К ней с огромным уважением относились и начальник зверофермы Тимофей Иванович Навильников, и начальник рыбоучастка Дмитрий Иванович Уткин, и секретарь парторганизации Яков Андреевич Рочев. Также всегда оставалась в её поле зрения комсомольская организация, которую в то время возглавляла я – секретарь Алевтина Важенина.

– Давайте, действительно, поговорим и о вас... Как вы, уроженка юга области, оказались вдали от дома – на Ямальском Севере?

– Началось всё с моего огромного желания учиться. После войны во всём нашем Ярковском районе имелаась единственная полная средняя школа. Остальные были так называемые семилетки. И вот после семи классов я поступила в эту школу, хотя она и была переполнена. Осень с новыми одноклассниками провела на уборочных работах, а когда настало время приступать к занятиям, учительница объявила, что они будут платными. Всем нам велела на следующий день принести по восемьдесят рублей. Я даже спрашивать не стала: за какой это период – за все оставшиеся годы, за год, за четверть? Знала, что в семье у нас денег нет. Собралась, уехала домой и продолжила учёбу в Тобольском библиотечном техникуме. А в то время действовало верное, на мой взгляд, постановление: сколько лет ты учился за бюджетный счёт, столько обязан был отработать там, куда направит тебя государство. И хотя отец договорился, что я после распределения останусь рядом с домом, в ярковской библиотеке, мы с подружками, молодые и принципиальные, решили, что на три года обязательно поедем на Ямал. Из Салехарда меня отправили в Аксарку – заведовать районной библиотекой. Но когда я туда приехала, выяснилось, что на этом месте давно трудится заслуженный человек – видимо, вышла какая-то ошибка... И поскольку заведующий отделом культуры был в дли-

**Салехард.
В Доме Пра-
вительства на
праздновании
100-летия со
дня рождения
В.И. Ленина.**

Фото из
личного архива
А.С. Вокуевой.
Автор неизвестен

тельной командировке, его заместитель мне предложила временно, в ожидании нового назначения, поработать в Ямбуре. Я согласилась. Тут же мне подсказали, что катер до Ямбуры отправляется через час: только и успела сбегать в магазин, купить полбулки хлеба да горсточку конфет к чаю... Прибежала с покупками на катер, он вышел на середину Оби, и тут начался шторм, да такой, что до сих пор страшно вспоминать. Семь суток мы болтались среди волн на якоре, голодные и измотанные. У меня-то вестибулярный аппарат крепкий, а с нами были двое мужчин-уполномоченных, так они только успевали через борт перегибаться... И всё равно голод давал о себе знать. Рядом с нами был плашкоут, гружённый ящиками с продуктами, но попробуй до него доберись. Спас нас один из матросов – Витя Таратунин. Совсем молоденький мальчик, будущий чемпион округа по лыжам – стройный, спортивный, очень сильный... Держась за крепления, он перебирался на соседнее судно и набирал за пазуху банки с консервами. Ими и питались, а поскольку были там овощные голубцы, я это блюдо с тех пор не покупаю и не готовлю...

В конце концов шторм утих, и мы добрались до Ямбуры. Капитан, к которому я всё это время старалась держаться поближе, посоветовал мне обратиться к замечательному человеку – Клаве Крестьянниковой, местной начальнице почты и, по совместительству, кладовщице, выдававшей рыбакам специи для консервации улова. Прямо в рупор ей с борта прокричал, мол, Клава, принимай гостью! И хотя для вида Клава в ответ поворчала, мол, чего это всё ко мне да ко мне, но потом заулыбалась и пригласила: «Пойдём в баню!» И вот после семи дней, проведённых на катере, я иду рядом с ней и думаю: «Какая же она умница!» Ведь сильнее, чем привести себя в порядок, мне в тот момент и правда ничего не хотелось. А уже позже она меня накормила и супом, и вкуснейшими печёными пирожками.

**С делегатами
Приуральской
партийной
конференции,
1960 год.**

Фото из
личного архива
А.С. Вокуевой.
Автор неизвестен

В Ямбуре я проработала до зимы. Всё, что происходило вокруг, мне было невероятно интересно. Я открывала для себя Север. Как-то услышала, что Клава с бригадой собирается заготавливать лёд, и тут же попросилась ехать с ними. Больше, конечно, тогда наблюдала, как ребята ловко вбивают колышки, размечая участки, как вырубает глыбы и тянут их лебёдкой до хранилища. Над головой всё это время всполохами играло северное сияние, а когда мы зашли в ещё пустую ледяную пещеру без запасов рыбы и мяса, мне показалось, что я попала в сказку: куски льда и сосульки сверкали, словно бриллианты! С Клавой Крестьянниковой мы подружились на всю жизнь. До сих пор друг о друге не забываем. Ну а с возвращением на работу Василия Викторовича Журавлёва, заведующего отделом культуры, я наконец-то получила постоянное назначение – библиотекарем в посёлок Катравож.

– И какое было ваше первое впечатление, когда вы туда приехали?

– Уже началась зима, и снега намело довольно много. Клуб располагался на высоком речном берегу, и тут же на склоне катались с горки дети. Смуглые, круглолицые, улыбчивые! С румянцем во все щёки. Помню, я тогда стояла и любовалась ими. Думала: «Вот что значит «кровь с молоком»! А потом оглянулась и увидела человека с блокнотом. Он шёл, останавливался, что-то искал на страничках, потом шагнул дальше. И тоже мне очень понравился: стройный, хорошо одетый – и дублёнка на нём, и пушистая шапка! Я к нему: «Не подскажете, где сельсовет?» Познакомились. Оказалось, что это был директор местной школы Николай Николаевич Почекуев. В это время он учил национальные языки и подсматривал в свои записи, вспоминая то или иное слово. Так, за разговорами дошли до нужного мне дома, и там во всей красе я увидела Ульяну Георгиевну!

– Судя по фотографиям, она в самом деле могла считаться красавицей!

– Да, высокая, статная, очень привлекательная! В тех местах жило немало видных людей, но даже на их фоне она заметно выделялась. А как одевалась! Носила обычно национальную одежду женщин коми – кокошники из парчовых тканей, расшитые бисером, поверх платки, чаще красные, с рисунком, и с длинными, убранными назад концами. Были у неё кофты с широкими рукавами на манжетах, праздничные и повседневные сарафаны. Наряды на выход шились из кашемира, переливающейся тафты, шёлка. Повседневная одежда – из сатина или поплина. По подолу сарафаны были отделаны кружевами, фартуки тоже украшались кружевными и тканевыми полосками. И обувь у неё всегда была безукоризненной. Обрабатывать мех, шить бурки или кисы она умела сама, но часто ей на это не хватало времени. Тогда она обращалась к лучшей катравожской мастери-

це Анне Ковшиной, которая, как и сама Ульяна Георгиевна, была многодетной матерью.

Первое наше знакомство оказалось коротким, но радостными. Ульяна Георгиевна была очень довольна, что в библиотеку прислали, наконец, молодого специалиста, и сама проводила меня на квартиру к заведующей клубом. Эта милая женщина Нина Михайловна Плотникова жила с двумя детьми, и в её доме нашлась свободная комнатка.

А мой новый знакомый Николай Николаевич Почекуев пригласил меня на педсовет – рассказать собравшимся учителям об организации детского чтения. Думаю, будь я старше и опытнее, обязательно бы попросила время на подготовку, а тогда и сомнений никаких не возникло! Я выступила перед учителями с докладом: «Роль педагогического коллектива в руководстве детским чтением», и они меня поддержали, приняли в свою дружную компанию. Звали даже преподавать литературу... Николай Николаевич распорядился школьную библиотеку перенести в клуб, чтобы я больше работала с ребятами. Кстати, там, в библиотеке, я и познакомилась с Михаилом Герасимовичем Вокуевым, будущим своим мужем. Он к тому времени окончил Салехардское педучилище и Учительский институт народов севера при Ленинградском государственном педагогическом институте им А.И. Герцена по специализации «Естествознание и география». За высокие показатели в учебно-воспитательной работе и активное участие в общественной жизни был награждён Почётной грамотой Приуральского районного парткома и Исполкома районного Совета народных депутатов. Как-то наводила я порядок в библиотечных шкафчиках, и тут он вошёл. Я работу оставила, начала с ним беседовать, и такой это оказался умнейший, интеллигентнейший человек... Вообще время было интересное: люди охотно откликались на любые инициативы, поэтому хотелось что-то для них делать. Я и самостоятельность вела, и посёлок украшала средствами наглядной агитации. Ещё в техникуме научилась красиво писать лозунги: рука у меня была твёрдая, глаз верный. Деньги на красную ткань выделил Сельсовет, а наш безотказный киномеханик Пётр Моисеев делал подрамники, чтобы её натянуть. А ещё я быстро включилась в работу по ликвидации неграмотности и малограмотности среди местного населения, проводила просветительские беседы, в том числе на рыболовецких песках. Как могла, помогала в этих трудах Ульяне Георгиевне, по долгу службы немало внимания уделявшей подобным вопросам.

– А можете вспомнить какой-нибудь интересный случай из её трудовой деятельности?

– Много разных историй припоминается, но чтобы читатели поняли, насколько велик был

«Свадьбу сыграли 3 мая 1961 года. Время было радостное и торжественное – месяца не прошло с полёта в космос Юрия Гагарина!»

её авторитет, расскажу, пожалуй, вот о чём... Под Новый год в посёлке собирались оленеводы. Оставляли нарты и оленей – таких же терпеливых, как сами северные люди, поэтому ждавших своих хозяев сколько понадобится... Шли праздновать, а потом, разгорячившись, могли устроить драку. Претензии всегда были одни и те же: «Мой олень в пургу потерялся, а ты его в своё стадо загнал!»

Но как бы они ни ссорились, стоило кому-то крикнуть: «Ульяна идёт!» – разборки немедленно прекращались. Минута, и парни уже улыбаются друг другу, руки пожимают. Строгая она была, требовательная. Но и вникала, глубоко в любом деле разбиралась. А как разговаривала – глаза в глаза, приобнять могла и по плечу похлопать. И всегда эта её манера рождала ответное доверие. Кстати, за исключением «оленьих» ссор, других размолвок между представителями народов ханты я не помню.

Очень дружелюбные люди были. И очень честные. Расскажу, как они даже не ловили, а добывали зимой рыбу. Однажды выхожу утром из дома, смотрю, народ мимо бежит. В чём дело? Собь встала! А река у нас брала начало с уральских гор, и вода в ней была чистейшая. Такая, что командировочные банки с этой водой с собой увозили как сувениры... И когда застывала, становилась подобной зеркалу или стеклу: идёшь по нему и всё до дна видно! Можно даже рассмотреть, как глубоко подо льдом течение колышет речные водоросли... Но, главное, я посмотрела, как местные жители рыбачат: ни до, ни после с таким способом не сталкивалась... Берут нарты, пешню, топор и верёвку – ничего больше. Встают на лёд и бегут по прямой от своего берега до противоположного. Видят внизу рыбу, бьют посильнее обухом по ледяной поверхности над тем местом, где она проплывает – удар её оглушает, и она останавливается. Добегают до противоположного берега и возвращаются обратно – так несколько пробежек. Потом пешней делают во льду лунку и вытаскивают рыбину. Бросают на лёд, и она замерзает. После уже собирают улов и укладывают как дрова на нарты. Причём знают: никто другой и рыбёшки не возьмёт. Северные люди – честнейшие!

– Алевтина Спиридоновна, а в семейной жизни что за отношения были у вас с Ульяной Георгиевной?

– Мы с Михаилом Герасимовичем долго жили в её доме. Называла я её по имени-отчеству – военное поколение суровое, так что особенных ласковых слов мы друг другу не говорили. Она заботилась о нас иначе. Свадьбу сыграли 3 мая 1961 года. Время было радостное и торжественное – месяца не прошло с полёта в космос Юрия Гагарина! Регистрацию брака проводили прямо на дому: все документы оформил Никита Пуябри, сын на-

шего председателя. Помню, как тщательно, с какой любовью застилала Ульяна Георгиевна нам супружескую постель... Мой муж, кстати, к тому времени учился в Свердловском государственном педагогическом институте по специальности «География», трудиться продолжал в катравожской школе. Остальные её сыновья тоже выбрали педагогические профессии. Яков Герасимович окончил Салехардское культурно-просветительное училище, несколько лет провёл в условиях тундры среди представителей коренных народов. Прививал им навыки гигиены, учил детей играть в шашки и шахматы, проводил уроки музыки. Позднее он окончил курсы киномехаников, работал в кинотеатре города Салехарда. А Геннадий Герасимович, окончив Салехардское педучилище, устроился в одну из школ ЯНАО. К сожалению, жизнь его оказалась совсем не долгой...

– Вы упоминали, что судьба приготовила Ульяне Георгиевне множество испытаний...

– Да... В 1964 году мы с Михаилом переехали в столицу округа и нас пригласили преподавать в Салехардском культурно-просветительном училище. Михаил к тому моменту окончил свердловский вуз, я получила высшее образование в Московском институте культуры по специальности «Библиотекарь-библиограф». В Салехарде жила и Мария Герасимовна, выпускница Тюменского кооперативного техникума. В 1965 году Ульяна Георгиевна решила, наконец-то, оставить работу. Ей была назначена персональная пенсия местного значения – семьдесят рублей. Она продала дом, деньги в равных долях разделила между детьми и переехала жить к нам с Михаилом. Помню, как, отработав свой первый год в школе, повидаться с ней и братом приехал её младший сын Геннадий. У него был отпуск, и после встречи с родными он собирался посмотреть Дальний Восток. В прекрасном настроении отправился в путешествие, а дальше ни одного письма. Мы очень переживали. Что до Ульяны Георгиевны, так она места себе не находила! А потом пришло известие: Геннадий Герасимович Вокуев скончался в больнице города Находка, похоронен на местном кладбище. В последний путь его провожала медсестричка, ухаживавшая за ним все дни, пока он болел. Что это за болезнь была, почему она подкосила совсем молодого человека, так из письма и не поняли. Горе было общим, но разве то, что чувствовали мы, можно сравнить с переживанием матери?

Два года спустя Ульяна Георгиевна получит в Салехарде собственную квартиру. К ней переедет холостой сын Яков, к тому моменту работавший в кинотеатре «Полярный». По характеру мягкий и добрый, он обращался к ней ласково: «Матушка». Что до неё самой, она продолжала вести активный образ жизни: содержала в порядке жильё, ходила

на партийные собрания, посещала мероприятия культпросветучилища. И опять же все окружающие знали её и любили. Да, мне кажется, иначе и быть не могло...

– Слышала, что жители Салехарда нет-нет да вспомнят семью Вокуевых добрым словом...

– Я в те годы уже была депутатом Тюменского областного Совета, чувствовала, что люди меня уважают. Но считаю, что особенно много полезного сделал для округа Михаил Герасимович. Химик, ботаник и зоолог по образованию, увлечённый рыбак и охотник, он также был профессиональным таксидермистом. Для окружного музея по просьбе тогдашнего директора Вторушина делал чучела рыб, птиц и животных – маленьких и крупных. Знатоки находили качество этих изделий очень высоким, утверждали, что при соблюдении гигиенического и температурного режима они способны простоять до ста лет! А ведь работал он безвозмездно – в дар родному Ямалу.

Был мой муж свидетелем страшного события. В 1965 году на Пурпейской площади при бурении скважины произошёл внезапный выброс газа с последующим воспламенением. Очевидцы вспоминают, что огонь бушевал двести суток, а температура вокруг была такая, что среди зимы вскрылась река Пур, а на карликовых берёзках зазеленела листва. Чтобы заснять попытки справиться с огнём, на место аварии пригласили Михаила Герасимовича, прекрасно знакомого с киносъёмкой. Об увиденном он никому не рассказывал, даже мне. Отснятые материалы отдал начальнику противоаварийной партии Тюменского геологического управления без ссылки на своё авторство. Помню только, что истлевшую от жара одежду, в которой он там работал, – шапку, ботинки и зимнее пальто – нам потом пришлось выбросить.

«Очевидцы вспоминают, что огонь бушевал двести суток, а температура вокруг была такая, что среди зимы вскрылась река Пур, а на карликовых берёзках зазеленела листва»

Но больше всё-таки сохранилось радостных воспоминаний: именно Михаил Герасимович первым в округе в преддверии Нового года начал делать ледяные скульптуры животных. Помогали ему наши ученики. Я очень любила наблюдать, как люди семьями приходят на стадион и рассматривают снежного Деда Мороза и окружающих его добродушных зайцев, лисиц и волков. А ещё не забуду традиционные «Дни здоровья». Они проводились в разные сезоны и неизменно превращались в праздники для всего училища – с чаем из целебных трав и ягод, с конкурсами, песнями и стихами. Их организатором неизменно становился педагог Вокуев, всегда любимый, всегда умеющий быть интересным. Заслуги Михаила Герасимовича получили достойную оценку: в 1970 году от имени Президиума Верховного Совета СССР он был награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Бедой пришла неожиданно: в начале лета 1973 года, выполняя задание администрации училища, Михаил Герасимович трагически погиб. Помню, как почти ослепшая от слёз, я прибежала к Ульяне Георгиевне, обняла её и впервые назвала мамой. С тех пор всегда так называла... Внешне, несмотря на огромное горе, она оставалась прежней – много двигалась, отличалась живым умом, внимательно относилась к людям. А между тем её забота понадобилась Якову – у него обнаружилась сердечная недостаточность, здоровье быстро ухудшалось. Он слёг в ноябре 1980 года и больше не поднялся. Его сестра Мария, единственный оставшийся ребёнок Ульяны Вокуевой, в то время жила в Ульяновске вместе с мужем и дочерью. Узнав про несчастье, она прилетела в Салехард и здесь же приняла решение насовсем вернуться в родные места, чтобы постоянно находиться возле матери. Мне было очень приятно, когда её дочь Ирина поступила в Салехарде в Государственное училище культуры и искусств на библиотечное отделение. Обрадовалась этому и Ульяна Георгиевна: когда единственная внучка принесла домой полученный диплом, она подарила ей свои золотые серёжки.

– Несмотря на все выпавшие ей печали, ваша вторая мама прожила долгую жизнь. В последний путь её проводжали многие и многие земляки – люди старшего возраста и молодёжь. Ваша книга – это попытка сохранить о ней благодарную память?

**Салехард.
В кабинете
директора
торгово-
кооперативного
училища. Ульяна
Георгиевна
приехала
договариваться
о том, чтобы
в магазины
Собского
сельского совета
направляли
работников
из числа
выпускников.**

Фото из
личного архива
А.С. Вокуевой.
Автор неизвестен

– Я много о ней думала, часто вспоминала. А когда решила записать свои воспоминания, столкнулась с тем, что сведений о её жизни осталось мало. Так что, наверное, мною руководило в каком-то смысле желание восстановить справедливость. Определённый опыт по сбору информации у меня уже был – до этого я составляла родословное древо собственной семьи. Но когда начала искать данные по Ульяне Георгиевне, мне приходили сплошные отказы. И из её родного посёлка Мужы, и из Аксарки – оказалось, что в фонде местного музейного комплекса о ней нет ни единой строчки. У меня складывалось ощущение, что это незаслуженно забытый человек... К сожалению, не было нужных документов, чтобы подать запрос в архив. Они остались у Маши, а после пандемии мы потеряли с ней связь... Но вот что мне помогло: Никита Пуябри, когда регистрировал наш брак с Михаилом, вписал моё имя в похозяйственную книгу дома Вокуевых. Я ему так благодарна! Как член семьи я получила возможность обратиться в архив Салехарда, и мне ответили! Переслали целую бандероль документов! Это позволило мне взяться за работу, которая продолжается и сегодня. Теперь я собираюсь обратиться в архив при администрации посёлка Мужы, чтобы побольше узнать о семье Ульяны Георгиевны. В тех краях живёт много Вокуевых, с некоторыми я уже начала устанавливать контакты. Наверняка вскроются родственные связи по разным линиям этого большого рода. Так что впереди меня ждут захватывающие труды и, я надеюсь, множество удивительных открытий!

Солнце над колодцем

Очерк

Записано со слов моей тётушки Павлины Ивановны Большаковой.
Упомянутый ею брат Андрей – мой папа.

Ирина Андреева (1961 г.р.), член СП России с 2015 г. По образованию строитель. Автор более десятка книг деревенской прозы для взрослых и книги для детей и юношества «Алькины каникулы». Проживает в пригороде Тюмени.

Родные
места.
Фото Ирины
Катовой

Родилась я в 1934 году в д. Толоконцево Крутинского района Омской области. Я была двенадцатым ребёнком у родителей. Правда, в живых к году моего появления на свет оставалось семь, и вот я, восьмая. Долго-долго меня называли поскрёбышем, так повелось давно у простых людей, младшие дети – поскрёбыши. Вдобавок я была маленькая, миниатюрная, подрастая оставалась такой.

Когда через год старшая сестра родила первенца, моего племянника, я в первый раз стала тётей. Но Наташа сразу попала в больницу, и мама кормила грудью и внука, и меня. Раньше ведь матери долго не отсаживали детей от груди. Племян мой, таким образом, стал мне и молочным братцем. Так и росли мы с ним под присмотром мамы-бабушки, потому что Наташа работала дояркой, и малыш Толя находился с нами целый день.

Сказать, что наша крестьянская многодетная семья купалась в роскоши, значит сильно погрешить против истины. Тем не менее жили сыто, потому что работали все от мала до велика, своим трудом добывали хлеб насущный. Наёмных работников не было.

Наступил 1937 год, год репрессий, оставшийся в истории страны говорящей, печальной датой. Не стану вдаваться в подробности, потому что плохо помню, как всё происходило. Факт в том, что семья вынужденно переехала в соседнюю, Тюменскую область в один из отдалённых совхозов Абатского района, так как забрав всё имущество, скот и инвентарь, нас выселили из дома и отпустили на все четыре стороны. Говорили, что меня, трёхлетнюю, несла на плечах одна из старших сестёр, Мария, двенадцати лет.

Нашу большую семью выручило кузнечное ремесло отца да швейная машинка «Зингер», доставшая маме от золовки (сестры мужа), на той машинке мама строчила день и ночь. Старшие братья, Иван и Фёдор, помогали отцу в кузнице.

Со временем и на новом месте мы устроились вполне сносно. Обзавелись огородом, скотиной. А вот осознанная память ко мне пришла, как мне думается, от сострадания.

Шёл 1938 год. Однажды летом Наташа и Мария принесли на покрывале Андрея с обожжёнными ступнями ног. Детвора ведь бегала босиком. Братя, Саша и Андрей, постоянно пропадали в кузнице, где ненавязчиво учились ремеслу, а где просто играли. Они ведь были ещё детьми, Саше – 12, Андрею – 10 лет.

Древесный уголь для горнила мужики выжигали сами. На задах кузницы была выкопана узкая длинная яма. Там и жгли они древесину. Мальчишки подсмотрели, что по срезу глиняного пласта от жары образуются лёгкие, разнообразной формы камешки вроде керамзита. Ребята добывали их на пульты для рогаток.

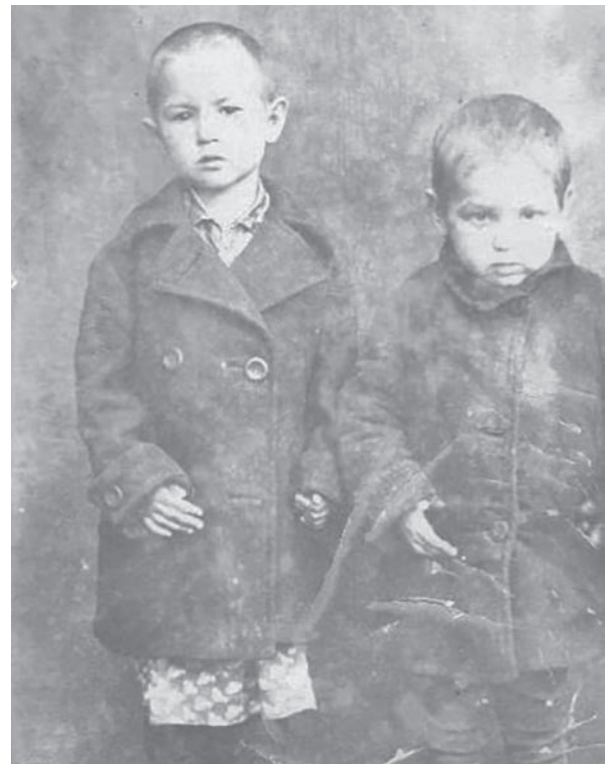
Угли на дне ямы обманчиво подёрнулись толстым слоем пепла. Самые привлекательные камешки выглядывали на противоположной стороне. Андрей прыгнул, но не рассчитал, сорвался вниз. Столб искр, истошный крик мальчишки. Выскочили мужики, вытащили его, всё могло быть ещё хуже, кабы он упал туда всем телом.

Дома мама положила его на широком топчане в кухне, подняла травмированные ноги на подушку для оттока крови. Смазывала гусиным жиром, накрывала чистой тряпочкой.

Андрей не плакал от боли, лишь стонал, слёзы текли сами. Я сидела у него в изголовье, гладила по волосам, утешала как могла. Очень долго заживали у него раны.

Самые яркие воспоминания детства у меня связаны с красным цветом. Все любили меня в семье как младшего ребёнка, особенно тятя. Однажды он пришёл с работы, я сидела на тёплой лежанке русской печи, он протянул мне на вытянутых руках богатый каравай хлеба, а наверху сидела красивая матрёшка. Головка у неё была сделана из фарфора, а туловище из яркой красной ткани, имитирующей сарафан. Душа моя замерла от счастья. Это была единственная моя покупная игрушка, остальные мы, дети, мастерили себе сами. Из соломы, лоскутков тканей, пакли девочки шили кукол. Мальчишки мастерили коньки и салазки из дерева, из шерсти животных – мячи. Санки-ледянки – из замороженной коровьей лепёшки, политой водой. Особенно интересно устраивались коньки: к вырезанному из дерева полозу натягивалась толстая проволока. Всё это сооружение потом крепилось к валенкам верёвками.

Зимой Саша и Андрей ловили для меня силками птиц. Особенно любила я красных снегирей. Они летали у меня среди веток маминого фикуса и китайской розы, что росли до потолка в больших кадках, пока мама не выдворяла птиц на волю.

Поля и
Толя, 1939 г.

А ещё летом на грядках живым пламенем полыхал алый мак. Созревший был лакомством для нас, ребяташек. Ни о каких наркотиках мы слыхом не слыхивали. Мак использовали в сдобной стряпне, начинали им булочки, рулеты, пирожки.

Чуть подросла, и у меня появились свои обязанности по дому, по хозяйству: прибирала в доме, водилась с племянниками, которых у меня было уже трое, пасла гусиный выводок, приносила воду, поливала и полола огород, бегала в лес, собирала травы: душицу, лабазник для чая, полевой лук, грибы и ягоды. Ходила с мамой на покос: где подгрести сено, где поворочать для просушки. Позже стала уносить молоко на молоканку. За него с крестьянами рассчитывались маслом, обратом. До сих пор помню запах этого натурального душистого масла. Обрат шёл на простоквашу, творог и корм поросёнкам, теляткам.

Год от года жизнь в стране становилась лучше, легче жилось и крестьянству, на село пришла кое-какая техника. Трое старших из детей уже жили отдельно, с родителями оставались две сестры, два брата и я. В феврале 1941 мне исполнилось семь лет, и я собиралась по осени в школу. Братя, Саша и Андрей учились в седьмом и пятом классах.

В июне в нашу жизнь ворвалась война. Мужское население в деревне резко поубавилось. Крестьянству пришлось «затянуть пояса», излишки продуктов нужно было сдавать на благо фронта. Потом и вовсе установили продналог, который нужно было выполнять каждой семье по предписанию.

Нашему тятю (было ему 53 года) и брату Ивану дали «бронь», свою победу они ковали в кузнице, день и ночь пропадая там. Только Ивана направи-

ли в Омск на танковый завод в кузнечный цех. Фёдор по состоянию здоровья был не годен на фронт (очень рано он уйдёт из жизни), работал с отцом в кузнице.

Мария, окончившая семь классов, прошла курсы трактористов и пошла работать на трёхколёсном тракторе. Легко сказать, «пошла работать», как же боялась шестнадцатилетняя девчонка этой гремющей железной громады! Как-то прибежала к тятю в кузню со слезами: «Тятя, не слушается меня этот железный конь!»

Позже сестра Ульяна уехала на станцию Маслянская, а Мария в Омск.

Школа в селе была семилетняя, потому Саша не стал больше учиться, а пошёл работать к тятю и Феде в помощники, в кузню. Андрей поступил в шестой, а я в первый класс.

Уже к исходу 1941-го года мужчинам стало очень трудно прокормить семью. Андрей бросил школу и тоже пошёл в кузню к тятю, молотобойцем. У Фёдора была уже своя семья.

В Сибирь хлынули эвакуированные и депортированные переселенцы. Мы жили в центре села в совхозном, так называемом бараке на две семьи. Места в нём было несколько больше, чем в частных домиках, поэтому до расселения в наш дом привозили всех приезжих. И без этого, кто только не стоял у нас на квартире: то родственники, то знакомые.

Отлично помню, как пристрастилась наша семья к чтению книг. Родители были безграмотные. На квартире у нас стоял киномеханик Архип Беспалов. Книги он читал, как строчил из пулемёта. Вечером, после трудового дня и ужина, мы: тятя, Саша, Андрей и я – усаживались на скамью под окнами, Архип с керосиновой лампой и кружкой воды взбирался на полати (спальное место – нары под потолком) и скороговоркой читал нам книжки сериалами. Так мы прослушали всего Жюль Верна и Дюма (отца). Закончив одну книжку, Архип приносил из библиотеки следующую.

Несмотря на скудность, у нас, военных детей, было удивительное стремление и желание учиться. За неимением бумаги писали между строчек газет самодельными чернилами из сажи. Один учебник по каждому предмету на класс, и как же бережно мы с ними обходились!

Одежду шила мама. Вещи носили по очереди. Одна телогрейка, одни обутки на двоих сыновей. Тятя сам шил обувь. Смастерил и мне какие-то опорки.

В 1943 году наша семья понесла первую горькую потерю, если не считать довоенных утрат. Летом заболел мой племянник – молочный братик Толя. На шее у него образовался нарыв, мальчишка корчился в бреду от боли и жара. Местная медичка ничем не помогла.

«Несмотря на скудность, у нас, военных детей, было удивительное стремление и желание учиться. За неимением бумаги писали между строчек газет самодельными чернилами из сажи»

Современный человек скажет, как же, мол, так, не спасли ребёнка?! А как это было сделать? До района сорок пять километров с гаком, лошади в совхозе на вес золота, все взрослые заняты тяжким трудом. Кто бы и на чём его туда доставил?

Уповали на Господа Бога, ждали, что нарыв лопнет, и Толя станет легче. Но он прорвался внутрь и произошло заражение крови. В муках и беспомощности умирал талантливый мальчишка, он ведь уже отучился

в первом классе, перешёл во второй, а какой был старательный, всё мастерил что-то своими руками, подсматривал за дядей Андреем.

На всю жизнь осталась у меня досада. Перед смертью Толя приходил в себя и всё звал свою молочную сестричку, а я была в лесу на заготовке пищи и вернулась только к его холодным ножкам...

Моей первой учительницей стала эвакуированная ленинградка. Она постоянно говорила маме: «Боюсь, как бы она не умерла у меня на уроке, уж до того слабая девочка». Это уже начался откровенный голод.

Выживали как могли. Мальчишки добывали весной яйца диких птиц, упругих, как резина, если сварить их. С весны я собирала в лесу уже не просто травы на чай, но и съедобные: медуницу, лебеду, крапиву, солодку, луковички диких лилий – саранок. Грибы и ягоды были большой удачей и весомой добавкой к столу. Братья вытягивали из озера корни камыша, мама сушила их, молола на муку. Если удавалось подобрать оброненный с воза жмых – выжимки из подсолнечника на корм скоту, то это было большой удачей!

Осенью, после уборки урожая на полях появлялись стаи ребятишек. Как воробьи ходили они, собирая опавшие колоски. Прибегали на поле с раннего утра. Первую добычу жарили в лесочке на палочке (большая металлическая лопата, под которой разводили огонь). Набивали рот жареной пшеницей, жевали подолгу, чтобы насытиться, насладиться хлебным лаком. Остальное уносили домой. Всё бы ничего, но добыча сия доставалась через кнут по спине от объездчика, если не успеешь убежать, увернуться вовремя. Мальчишки осенью в поле водой выгоняли из нор хомячков и забирали у зверушек зимний запас: злаковые и бобовые зёрна.

Нас, школьников, привлекали в помощь совхозу. Голыми руками мы пололи злостные колючие сорняки летом, осенью ходили убирать турнепс (кормовая культура для скота), мы, ребятишки, вечно голодные, объедались этим сырым овощем, чтобы хоть как-то утолить голод. А вот на морковь нас даже не отправляли, знали, что будет большой урон урожаю, будем есть её грязную вопреки всяким запретам и увещаниям.

Однажды зимой в деревню привезли калмыков и оставили у нас до расселения. Мама не брезговала никем, делилась едой и кровом.

Это я смутно помню, а рассказывал Андрей: «У женщин и девочек были чёрные, как смоль, жёсткие, как конская грива, волосы до пят, шевелящиеся от вшей».

Этот отчаянный, смелый народ почему-то впал в немилость, и их везли в теплушках – грузовых вагонах, а нередко и в вагонах, предназначенных для перевозки скота. Погибали они в дороге, заражались сыпным тифом, разносчиками которого являются вши-кровососы. Укусит такая козявка здорового человека и заболит тот страшной болезнью.

В деревне началась эпидемия тифа. Не миновала эта беда и нашу семью. Из всех заболели младшие: Андрей и я.

Мама уложила нас в малюсенькую угловую комнату на две кровати об одном окне. Случилось это зимой, перед новым, 1944 годом. Что было дальше, оба не помнили. Температура, беспмятство и бред.

Это потом мама расскажет, что дела были так плохи, что она держала в печи на загнетке чугунок с тёплой водой. Обмыть тело того, кто умрёт первый...

Очнулась я оттого, что будто что-то ритмично стучало за окном снаружи. Обвела глазами комнату, потрогала голову, там был жёсткий ёршик – всё что осталось от моих роскошных, тяжёлых кос.

Посмотрела на Андрея, он лежал ко мне в профиль с закрытыми глазами, голова его тоже была обрита.

Сил говорить не было. Чуть повернулась и увидела рядом с кроватью табурет, а на нём блюдце с патокой. Патока – густой сироп, по консистенции похож на мёд, сироп этот получается при переработке сахаросодержащего сырья, свёклы, например. Это, по-видимому, то, чем мама пыталась поддерживать в нас угасающую, как свеча, жизнь.

Сил встать не было, даже дышать было трудно полной грудью, потому что кружилась голова. Потихоньку сползла с кровати на пол и там, отдышавшись, поползла на четырёх конечностях к окну. Зацепилась руками за подоконник, подтянулась, положив подбородок на него.

– Что там? – вдруг услышала слабый голос брата за спиной, оказывается, Андрей тоже очнулся.

– Весна пришла, – сказала я, потому что весёлая капля дробно шлёпалась по оттаявшей завалинке. – А ещё – солнце всходит прямо из нашего колодца.

Картинка за окном была именно такая: красный диск восходящего солнца как раз коснулся края сруба, и казалось, что оно вынырнуло, умывшись студёной водичкой, из глубины колодца, который находился в метрах четырёхстах от нашего дома.

Мне вдруг так остро захотелось жить и нестерпимо – есть... Я снова опустилась на колени и поползла

к маме на кухню. Следом за мной так же на четырёх конечностях выполз Андрей. Мама всплеснула руками, когда увидела нас:

– Ребятишки! Значит, к житью! – быстро начала собирать нам на стол то, что было.

В меню была мелкая, как воробьиные яйца, картошка и сдобренный молочком кипяток, что показалось нам с братом райской пищей. Запасы картошки тогда подходили к концу, так что и сажать потом оказалось нечего. Мудрая наша мама вырезала глазки – это белые ростки на картошке, вырезаются они с мякотью для их питания, срез присыпается золой, чтоб не загнили. Это добро мама завязывала в узелок и хранила в подполье. Вот ими потом и засадили поле.

А когда окончательно сошёл снег, мы, оправившиеся от болезни, выкапывали на огороде сохранившуюся в земле подмороженную картошку, из которой мама пекла, как и все женщины, лепёшки-тошнотики. Называли их так оттого, что тошнило от них сильно, и голодный желудок давал о себе знать ещё острее.

В 1944 году Саше исполнилось восемнадцать лет, и ему пришла повестка по мобилизации на войну. Как же горько плакала наша мама:

– Когда закончится эта проклятая война?! Через два года Андрюшу призовут, и останешься ты с нами одна, Полюшка.

Её тоска передалась и нам, этот день врезался в нашу память. Потянулись долгие дни ожидания вестей с фронта. Потом пришло сообщение из госпиталя, наш Саша был тяжело ранен в ногу, рана не заживала, грозила ампутация. Слава Богу, брат

излечился и продолжил свой боевой путь в своей дивизии в составе группы войск Первого Прибалтийского фронта и остался жив, но всю оставшуюся жизнь маялся с ногой. Последствием ранения стал остеомиелит – это когда гниёт костный мозг, сама кость и окружающие её ткани.

Весна сорок пятого года. Да, она пришла с победным маем, но голод не кончался ещё долго. И отголосок ей проклятой – смерть тяти в 47-м, в возрасте 59 лет, Феди в 54-м, в 38 лет...

В феврале 2025-го мне исполнился 91 год. Слава Всевышнему, я ещё на своих ногах и в ясной памяти. Жизнь моя была пёстрая, было в ней хорошее и плохое. Так уж случилось, что последнего как-то больше. Но в самые трудные минуты меня всегда согревало то солнце над колодцем на моей малой, милой родине. Слепяще-румяное, только что окунувшееся в ледниковую свежесть самой вкусной в мире воды и подхваченное воротом-журавлём, явившееся во всей красе пред глазами воскресших после смертельной болезни сибирских ребятишек, на чьи неокрепшие плечи лёг столь тяжкий груз военного лихолетья.

«Патока – густой сироп, по консистенции похож на мёд, сироп этот получается при переработке сахаросодержащего сырья, свёклы, например. Это, по-видимому, то, чем мама пыталась поддерживать в нас угасающую, как свеча, жизнь»

Военные письма

«Эти письма эпохи войны,
Что хранятся в семейных архивах,
На бумаге налёт желтизны,
И протёрты до дыр на изгибах.

Эти письма эпохи войны
Не обычного требуют чтения.
Тем их краткие строки сильны,
Что мы сами их продолжение...»

Автор неизвестен

В последнее время мы всё чаще стали говорить о ценностях семейных архивов, которые помогают нам хранить память об ушедших из жизни близких. Семейный архив – это особый объект повседневной жизни современного человека, который можно образно определить как эстафету памяти. Конечно, собирая и сохраняя биографические повествования, истории жизни и семейные фотохроники, человек не задумывается над тем, что он выполняет наиважнейшую гуманитарную, общекультурную задачу. В конечном счёте, это задача продления памяти человечества в самых мельчайших клеточках семейной жизни.

Семейная память локальна – она относится к близким родственникам или небольшому семейному кругу. Она теплее, достовернее, поскольку опирается на живое ощущение, чувство, характеров и событий, в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти. Однако всегда пересекается, как-то переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории всего общества.

Наверное, самый объёмный, самый сохраняемый в настоящий момент пласт семейных архивов относится к периоду Великой Отечественной войны.

Страница из
книжки «Стро-
ки, написан-
ные войной»

Медали
Пономарёвых

У меня в руках драгоценные реликвии – письма, датированные 1941-1942 годами, фотографии, боевые и трудовые награды. «О документах военной поры хорошо сказал дважды Герой Советского Союза генерал армии П.И. Батов: «Научившийся смотреть смерти в глаза не ждёт, и потому каждая строчка фронтового треугольника – искренняя. Нам и нашим потомкам эти строки, нередко оборванные пулей, многое откроют в психологии старших поколений». Эти военные раритеты бережно хранила Лидия Дмитриевна Пономарёва, жительница Тюмени, ветеран трудового фронта. Теперь этот небольшой семейный архив перешёл к внучке Мироновой Татьяне Леонидовне, с прошлого года ставшей хранительницей семейной памяти. Она выполняет функцию транслятора семейной истории, и эти реликвии могут рассказать об истории семьи больше самых подробных родословных.

**Пономарёва
(Маркова)
Лидия
Дмитриевна,
1980-е**

Маркова (в замужестве Пономарёва) Лидия Дмитриевна родилась в марте 1923 года в селе Катышки Голышмановского района Омской (ныне Тюменской) области в семье сельской интеллигенции. Там в 1941 году она закончила школу-семилетку. Но получить дальнейшее образование и специальность Лиде не довелось – началась война. Её семья переехала в село Голышманово, и девушка устроилась в контору по заготовке скота. Только после войны Лидя смогла окончить курсы счетоводов и устроиться бухгалтером в лесничество. Там в 1946 году она встретила своего мужа Семёна, бывшего фронтовика. Они поженились и прожили долгих 49 совместных лет. Воспитали троих детей. Лидия Дмитриевна награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медалью «Участнику трудового фронта», несколькими юбилейными медалями. В течение всей жизни она хранила все фронтовые фотографии, документы, письма как самое ценное, как святую память о дорогих сердцу людях.

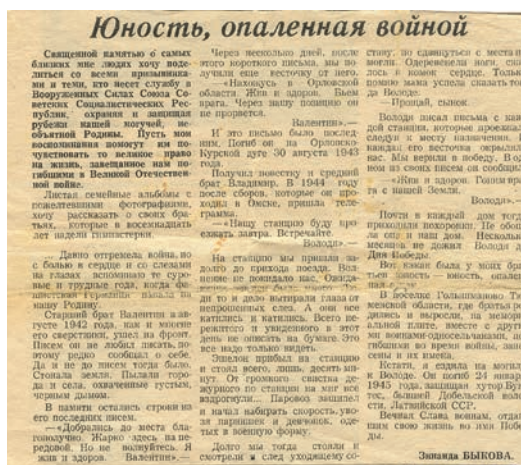
Начнём с самого близкого для Лидии Дмитриевны человека – мужа – Пономарёва Семёна Александровича. Он не любил рассказывать о войне, всячески старался обходить эту тему, но записи в его военном билете и некоторые сведения из его военной жизни всё же сохранились. В 1942 году восемнадцатилетним юношей Семён был призван в 221-й запасной стрелковый полк в качестве писаря, затем выполнял военное задание на полевом армейском техническом складе. В апреле 1943 года он попал в действующую армию стрелком (31-й стрелковый полк), где в 1944 году получил ранение и попал в госпиталь. В воспоминаниях Семёна Александровича сохранился незабываемый случай, произошедший во время его пребывания в эвакогоспитале: он вышел во двор, а в это время на госпиталь посыпались бомбы. Его отбросило взрывной волной, что спасло ему жизнь, а на том месте, где были палаты, зияла огромная воронка, в которой остатки человеческих тел были перемешаны с землей. Он помогал затем проводить захоронение погибших товарищей. Через 3 месяца лечения, в связи с тяжестью полученного ранения, Семёна Александровича отправили в тыл – в 210-й полк войск НКВД и в 1946 году уволили в запас по состоянию здоровья. Семён Александрович был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», знаком «25 лет победы в Великой Отечественной войне», многими юбилейными медалями.

**Пономарёва
(Маркова)
Лидия
Дмитриевна,
1942 год**

**Пономарёв
Семён
Александрович,
1984 год**

Попробуем и мы расшифровать, прочитать между строк, разглядеть эту живую, невыдуманную историю одной семьи, вошедшую героической строкой в хроники большой страны, ведь «История Отечества – это не только летописи и архивы, рукописное наследие, памятники, но и историческая память индивидов, осознающих своё родство с сотнями предшествующих поколений».

Зинаида БЫКОВА.

Сродный брат Семёна Александровича – Георгий, чьи несколько фотографии хранит семейный архив, – тоже фронтовик. Судьба его аналогична многим судьбам советских солдат, попавших в первые дни войны в плен к фашистам. Георгий Гаврилович ушёл на фронт танкистом, в одном из боёв был ранен, попал в плен. Домой жене и детям пришла похоронка. Оплаканный и мысленно похороненный, он находился в то время в концлагере. Когда советские войска освободили пленных, то многие, как предатели и враги народа, перекочевали из фашистских застенков в тюрьмы и лагеря родной страны. Георгий не пожелал рассказывать о себе, не писал писем родным. Вероятнее всего, даже не надеялся, что выживет, а может, боялся, что с ними что-то случится как с семьёй врага народа. Но в 1946 году его освободили, он вернулся домой, где его уже никто не ждал – жена к тому времени вышла замуж. Это событие окончательно подорвало силы и волю Георгия. Он начал скитаться с места на место и очень рано умер.

«Старший брат Валентин, – читаем в газетной вырезке воспоминания Зинаиды Быковой, родной сестры Лидии Дмитриевны, – в августе 1942 года, как и многие его сверстники, ушёл на фронт. В памяти остались строки из его последних писем: «Жарко здесь на передовой. Но не волнуйтесь. Я жив и здоров». Через несколько дней после этого короткого письма мы получили ещё весточку от него: «Нахожусь в Орловской области. Жив и здоров. Бьём врага. Через нашу позицию он не прорвётся». И это письмо было последним. Погиб он на Орловско-Курской дуге 30 августа 1943 года».

В 1944 году получил повестку и средний брат Владимир. Читаем в той же вырезке: «В одном из своих писем он сообщил: «Жив и здоров. Гоним врага с нашей Земли!» Володя погиб 24 января 1945 года, защищая хутор Бунтес в Латвии. Он не дождался

**Пономарёв
Георгий
Гаврилович**

**Газетная
вырезка
о братьях.**

**Автор Зинаида
Быкова,
родная
сестра Лидии
Дмитриевны**

**Марков
Валентин
Дмитриевич**

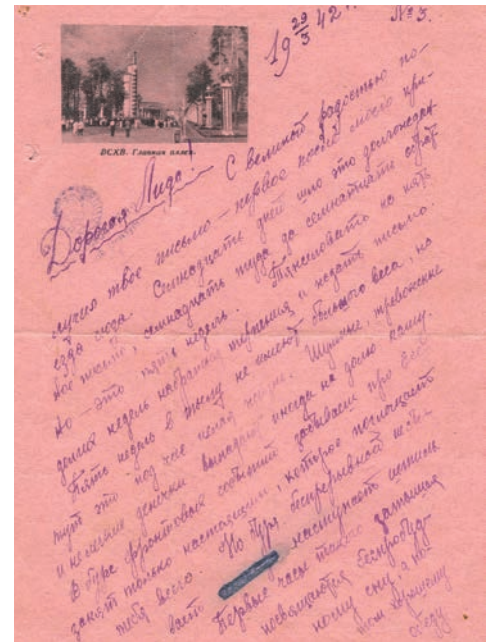
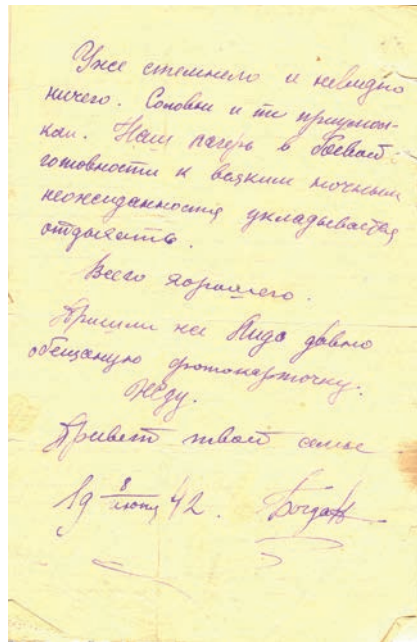
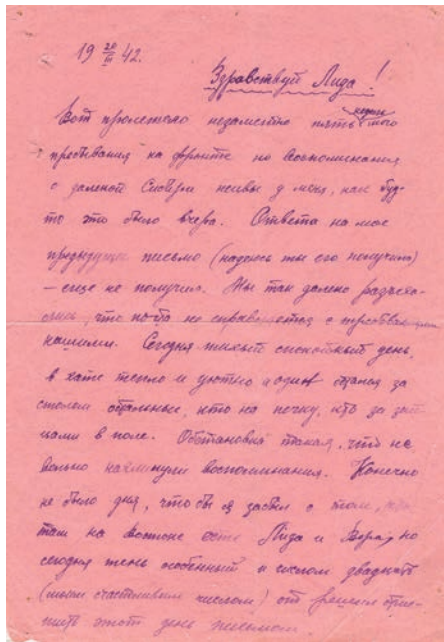
до победы всего несколько месяцев. Долгое время семья Марковых не знала, где захоронен их сын. Лида посылала в военкоматы просьбы о розыске могилы брата. И только в 1975 году было получено письмо из Добельского районного военного комиссариата с уведомлением, что «...останки погибших воинов перезахоронены из отдельных могил на братские воинские кладбища в г. Добеле... Рядовой В.Д. Марков внесён в списки известных воинов по Добельскому райвоенкомату». Вместе с этим письмом был прислан любительский снимок, запечатлевший часть памятной стены на братской могиле с увековеченным именем Владимира в ряду других имён.

В семейном архиве Лидии Дмитриевны сохранилось всего лишь одно письмо и фотография от двоюродного брата Ротбергера Валерия Оттовича (1922 года рождения). Он, как и многие в то время, в 1942 году «...добровольцем ушёл на фронт. Принимал участие в боях под Москвой. Был ранен. После излечения в госпитале вновь отбыл на фронт, сражался за Ленинград. В 1943 году учился на радиста».

В книге «Строки, опалённые войной» напечатано восемь писем, присланных с фронта в родной дом. Сейчас они хранятся в Голышмановском краеведческом музее. Единственное сохранённое письмо, адресованное Лиде, лаконично и образно рассказывает о фронтовой жизни. На оборотной стороне тетрадного листа написано стихотворение «Тебе». Возможно, Валерий сочинил его сам, потому что оно очень личное по содержанию, по тону разговора. Даже начинается словами:

«Просила, чтоб я написал тебе стих,
Желанье твоё исполняю...»

Письмо датировано 6 апреля 1943 года. А 23 мая того же года Валерий погиб. Он похоронен восточнее станции Дубовик Чудовского района Ленинградской области.

Но самой дорогой реликвией в семейном архиве Лидии Дмитриевны являются письма от друга, почти жениха, Богдана Дмитриевича Швеца-Яремы, который погиб уже через несколько месяцев пребывания на фронте (в июле 1942 года).

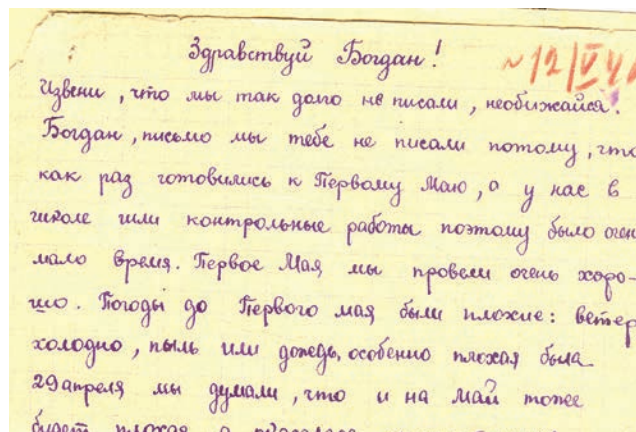
Официальная биография Богдана укладывается всего в несколько скупых строк. Родился 20 ноября 1922 года в городе Запорожье в семье рабочих. С малых лет остался без родителей. Воспитывался у тётки. После окончания школы в 1940 году поступил в Томское военное училище. Ещё в мае 1941 года мечтал побывать в родном городе, но его мечта не осуществилась – началась война. Город был в оккупации, связь с родными оборвалась, а он мечтал поскорее попасть на фронт, чтобы освободить свой родной город. И в январе 1942 года его отправили в действующую армию командиром линейной пулемётной роты. Воевал на Орловско-Курской дуге.

Переписка Лидии и Богдана началась в октябре 1941 года, когда отряд бывших курсантов перебросили в г. Ялуторовск для дальнейшего обучения и подготовки на фронт. Туда неистово рвался молодой лейтенант Швеца-Ярема. Он не мог оставаться в стороне от общего дела защиты Родины. Переживал, что без особой пользы живёт, и добивался своей отправки в действующую армию. А Лиде писал: «...В конце концов, я и твоё дорогое доверие потеряю, если эту Великую Отечественную войну отсижусь в Сибири».

В письмах с фронта нет описаний сражений, воинских подвигов, лишений, клоочущей ненависти к врагу, призывов к

Письма от Богдана Дмитриевича Швеца-Яремы

Письмо Богдану Швеца-Яреме

мести и т.д. Никакого пафоса, никакой героики, нервозности, истерии. Всё чётко, ясно, просветлённо. Всё согрето высокой любовью и надеждой на скорую победу и грядущую встречу.

В марте 1942 года Богдан присылает первое письмо из действующей армии. В нём – ни слова о трудностях и ужасах войны. Он находит такие темы для переписки, которые понятны девушке, которые не огорчат и не напугают её. И всё-таки грозная действительность нет-нет да и прорвётся тревожной строкой в очередном письме. Богдану, как и многим другим бойцам, хотелось верить, что победа не за горами, но он прекрасно понимал, что: «...Пять недель в тылу не имеют большого веса, но тут – это подчас целая жизнь... Пусть Валентин изучает добросовестно все виды оружия, вплоть до трофейного, больше физически тренируется, всё это будет тут очень кстати, а войны на его век хватит с избытком...»

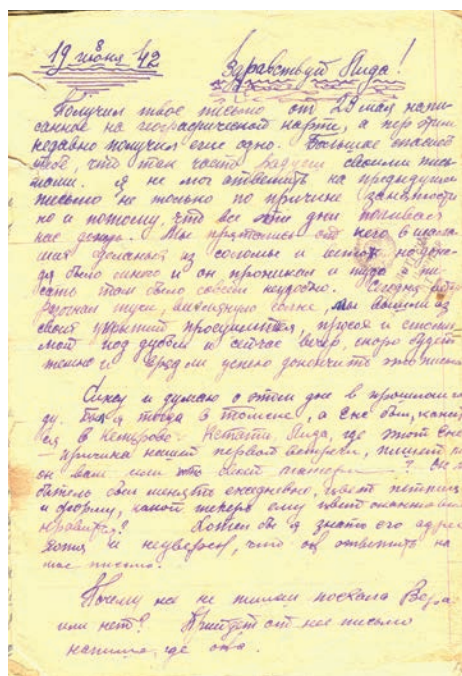
Некоторые фразы во фронтовых письмах поражают своей нарочитой патетикой, вызывающей в какой-то степени подозрение в неискренности автора. Теперь-то мы знаем, что в военные годы существовала такая служба, которая проверяла всю корреспонденцию фронтовиков и письма к ним. На одном из писем Богдана сохранился хорошо различимый штамп «Просмотрено военной цензурой». Военная цензура не позволяла молодому командиру линейной пулемётной роты жаловаться и хандрить ни при каких обстоятельствах. Все верили в скорое окончание войны и жили под девизом: «Наше дело правое! Мы победим!»

Фронтовые письма – эти ветхие от времени клочки бумаги – лучше всего передают атмосферу тех дней. Чувствуется в них и влияние мощной тогда пропаганды, и боязнь сказать что-нибудь «не то», чтобы придирчивый цензор не положил глаз. Но видно и искреннее желание победить, вернуться к семье, есть в них неподдельная любовь к Родине, чего сегодня многие почему-то стесняются, относя к излишне высоким словам.

Последнее письмо Богдана датировано июлем сорок второго года. Оно написано торопливо, в сгущающихся сумерках, возможно, в короткие минуты перед очередным боем: «...Получил твоё письмо, написанное на географической карте. Большое спасибо тебе, что так часто радуешь своими письмами... Уже стемнело, и не видно ничего. Соловьи и те приумолкли. Наш лагерь в боевой готовности ко всяким ночным неожиданностям укладывается отдыхать... Всего хорошего... Привет твоей семье...»

Писем всего 19 – ровно столько, сколько довелось прожить молодому человеку на этой земле прежде, чем война отняла у него жизнь. Розовые листочки из письменного набора довоенных запасов исписаны быстрым мальчишечьим почерком. И в них – целый мир поколения, на долю которого выпало суровое военное испытание. В письмах – мысли и чувства, мечты и надежды вчерашнего выпускника военного училища, вставшего в боевой строй защитников нашей Родины. Это – живые свидетели высочайшего патриотизма нашего народа, его беззаветной преданности Отчизне, несокрушимой веры в неизбежную победу.

В семейных альбомах, как правило, хранится немало фотографий, которые понятны, узнаваемы

Письмо
от Богдана
Дмитриевича
Швец-Яремы
от 08.06.1942

и дороги только для самого хранителя. Эти фотографии «связывают нас не только с прошлым. Они – очень важная часть общения. Благодаря рассказанным историям персонажи фотографий как бы оживают, становятся участниками жизни людей, которые их, может быть, никогда не видели. Связи с прошлым начинают восстанавливаться, укладываясь в длинные семейные истории» и становятся самостоятельной ценностью.

Есть такие и в архиве Лидии Дмитриевны. Это фотографии людей, не входящих в поле родословия, в круг родни, – снимки друзей, одноклассников, случайных знакомых, подаренные на память. Но и они несут в себе интересную информацию, которая способна косвенно охарактеризовать и дарителя фотокарточки, и обладателя подарка. Главное содержание заключено в подписях на обороте каждого снимка. Так,

молодая девушка в гимнастёрке с орденом на груди подписала свою фотографию «На память от Поли. Вспомни чистую дружбу. 07.05.1944 г.». Кто она, эта орденосица Полина? Осталась ли жива в огне военного лихолетья?

На другом снимке – молодой улыбающийся офицер, позирующий с цветущей веткой в руках в каком-то уютном дворике, вымощенном булыжником. На обороте читаем: «На память Лиде Марковой от Пети Мамонтова в день моих именин 11.05.45 года, гор. Угорский-брод (Чехословакия). Помни и не забудь наше заочное знакомство, возможно, встретимся». Встретились ли? Познакомились ли после войны?

Или вот ещё фотография победителя – неизвестного молодого человека с орденами и лычками о ранениях на гимнастёрке, высланная из Германии. Скромная подпись гласит: «На долгую память зна-

Фото на память о тесной дружбе от Поли, 1944 год

Фото на долгую память А.Д. Марковой от Пети Мамонтова, 1945 г.

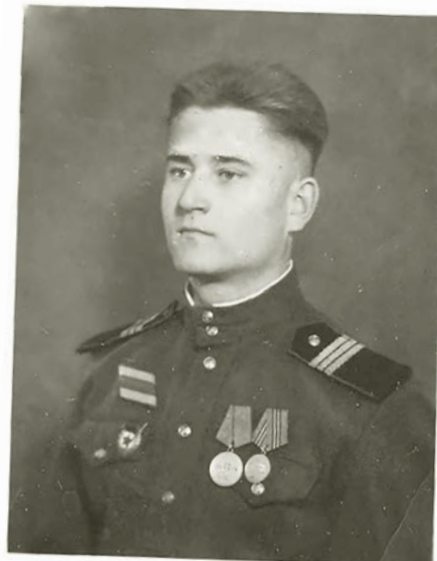

Фото на долгую память А.Д. Марковой от Вади Г., 1945 г.

комой девушке Лиде от Вадима». На фотографии красуется дата – 9.12.1945 года. Для него война не закончилась даже в декабре 45-го года. Какие важные задания задержали его в стране побеждённого врага? Вернулся ли он домой живым и невредимым?

Эти фотографии вызывают желание узнать о дальнейшей судьбе неизвестных героев, продолжить их биографию, установить связи.

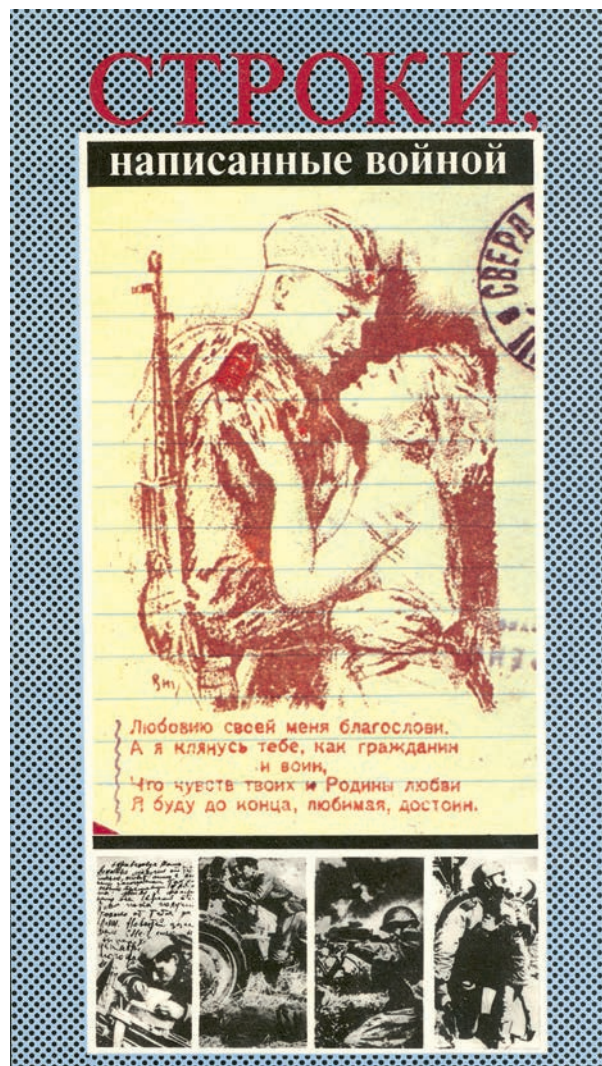
Но главной особенностью некоторых документов из семейного архива Лидии Дмитриевны является то, что они оказались упомянуты в книге «Строки, написанные войной», вышедшей в Средне-Уральском книжном издательстве к 50-летию Победы. «Это сборник писем тюменцев-фронтовиков, – говорится в аннотации к книге. – Письма эти – военные и послевоенные треуголки, такие, какие сегодня можно видеть в музеях, – «это целый мир мыслей, чувств, страстей людей, познавших на себе, что такое война». Читаешь их и мысленно возвращаешься в прошлое, которое кажется поначалу в таком далёком далеке, что и представить себе трудно.

Но они – искренние, нежные, полные заботы и понимания – до сих пор несут своё тепло. В них просвечивает та милая и земная честность в интонациях, бесхитростные подробности, которые рассчитаны на дружеский или внутрисемейный разговор. Но за ними – событие огромного исторического масштаба. Они – волнующая правда о человеке, чья короткая жизнь стала бессмертной.

Встреча ветеранов, 1988 год

Работая с семейными архивами, можно легко сопоставить факты из истории семьи с фактами и событиями истории страны, что помогает не только понять исторический процесс, но и осознать себя частицей огромного государства. Они, эти архивы, позволяют исследователям более объективно взглянуть на уже давно известные события с точки зрения истории повседневности и обыденного сознания сотен тысяч простых людей. Они, несомненно, являются ценными историческими источниками, яркими дополнениями к официальным документам, позволяющими глубоко и всесторонне оценить и осмыслить события Великой Отечественной войны.

Семья Пономарёвых со старшей дочерью Ольгой, 1960-е годы

Книга «Строки, написанные войной» – сборник писем тюменцев-фронтовиков. Екатеринбург, Средне-Уральское книжное издательство, 1995. – 176 с.

«Стоит ли бывшее вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?..
Всё равно – упавших не поднять,
Всё равно – ушедших не вернуть.
И сказала память: «Я могу
Всё забыть, но нищим станешь ты,
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».

В. Шефнер «Спросил у памяти»

«Каменная стена» фронта и «дружеское плечо» тыла:

вклад тружеников тыла Западной Сибири в победу в Великой Отечественной войне

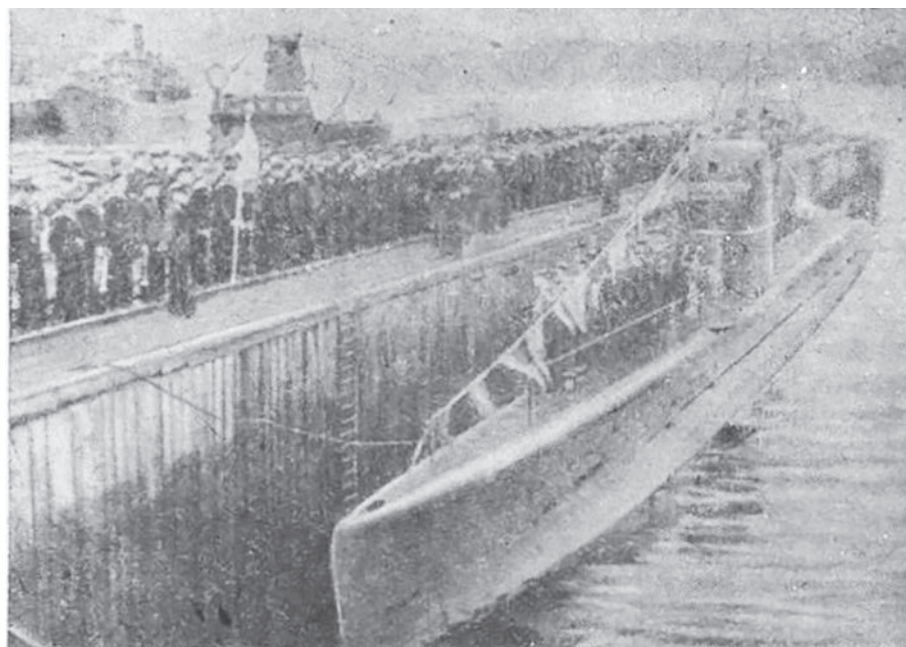
В годы Великой Отечественной войны далёкий тыл Западной Сибири стал для фронта спрятанной от врага, пополняемой силами верных товарищей и родных кладовой, укрытием для раненых и убежищем для тех, кто потерял свой дом. В Западную Сибирь эвакуировали огромное количество производств, здесь возделывали поля и выращивали скот, разворачивали госпитали, а местные жители принимали беженцев...

В конце 1941 года партийные организации Западной Сибири взялись за реализацию особой, немало повлиявшей на состояние и фронта, и тыла инициативы – шефства парторганизаций и тыловых структур над отдельными соединениями Красной армии. Оно подразумевало укрепление связи тыла с фронтом, обеспечение нашим бойцам дополнительной поддержки, которая заключалась не только в сохранении необходимых стране производственных мощностей заводов, в ведении сельских хозяйств с максимально возможной отдачей, но и в поддержании морального духа солдат и офицеров, да и самих тружеников тыла.

1 февраля 1942 года в газете «Сталинская трибуна» (Ханты-Мансийск, №27 газеты) опубликовали письмо раненых бойцов и командиров Красной армии «Спасибо за отеческую заботу»:

«Дорогие товарищи! Рабочие и работники, колхозники и колхозницы, охотники и оленеводы, рыбаки и советская интеллигенция, весь народ Ханты-Мансийского национального округа!

Раненые бойцы, командиры и политработники, находящиеся на излечении в госпитале, с чувством огромной радости встретили сообщение представителя трудящихся вашего округа о взятии шефства над тюменскими госпиталями.

**Митинг,
посвященный
передаче
подводной лодки
«Новосибирский
комсомолец»
Краснознамённой
бригаде
подводных лодок
Северного флота***

Ваше решение о шефстве – яркое проявление отеческого внимания и заботы всего советского народа к воинам Красной армии, не щадящим своей жизни для разгрома немецко-фашистских полчищ.

Ваше решение – наглядное подтверждение того, что все нации, населяющие нашу горячо любимую Родину, представляют дружную семью народов. Ваше решение подтверждает кровное единство фронта и тыла.

Мы будем очень рады всесторонне ознакомиться с историей вашего народа и с его нынешними трудовыми буднями. Нужно только наладить обмен письмами, высылку нам ваших газет и пожелать, чтобы живая, непосредственная связь была непрерывной. Примите от нас сердечный привет и пожелания с удвоенной энергией трудиться на нужды фронта. Помните – ваша повседневная забота о раненом бойце и коман-

дире еще более вдохновляет каждого из нас на выздоровление, на победоносную борьбу и окончательное уничтожение фашистских извергов.

Крепко пожимаем ваши руки.

Раненые бойцы и командиры: Пищиков, Кургузов, Парфенов, Гезмаев, Бражников, Судаков, Дудоров, Стволов, Фроликов, Сутурин, Колесов, Шаров, Коршунов, Мануйленко, Савченков, Каширин, Быстров, Пталючко, Васильев, Демченко, Петров».

Передовики фронта и тыла насколько могли регулярно обменивались почтой, отправляли друг к другу делегации, всегда тепло встречаемые другой стороной. Всё это было частью непростой борьбы за сохранение уже не только одних физических, но и душевных сил и самого народного единства, которое во время страшной войны стало силой большей, чем любое вооружение.

Воспринимаемые в наше время негативно агитация и пропаганда в период Великой Отечественной войны служили сохранению общности народа, позволяли поддержать волю к борьбе и не чувствовать себя одинокими. За общественно-политической жизнью народа тщательно следили, особого внимания требовали регионы, где было сосредоточено важное для фронта производство, в частности вооружения и боеприпасов. Ответственным за состояние регионов был ЦУ ВКП(б). Среди госструктур того времени одной из самых важных стало Управление пропаганды и агитации ЦК, в котором с приходом войны появились новые отделы: пропагандистских групп, искусств, художественной литературы, кинематографии, радиовещания, радиофикации.

В регионах вопросами информирования и «регулирования морального духа» заведовали специальные отделы пропаганды и агитации обкомов и крайкомов, а на предприятиях оборонной промышленности – парторги ЦК ВКП(б) и комсорги ЦК ВЛКСМ. Укреплению идеологического единства народа уделялось внимания не меньше, чем

Трижды Герой Советского Союза

А.И. Покрышкин
с делегатом I и II съездов молодых рабочих области Габайдулиным Николаем*

выполнению производственных планов – больше чем на половине пленумов обкомов и крайкомов затрагивались вопросы общественно-политического воспитания трудящихся.

Одним из основных направлений в агитационной работе было информирование населения о ходе военных действий и работе тыла. Так, 25 июля 1941 года было создано знаменитое «Информационное бюро», ставшее одним из символов эпохи. Сводки информбюро ежедневно печатались в газетах, передавались по радио, собирая у динамика целые семьи и трудовые коллективы.

В Великую Отечественную войну увеличилось и количество изданий периодической печати. В начале войны, в 1942 году, в СССР выходили 4 561 газета и 327 журналов, а к концу печатных изданий стало в разы больше: выпускалось 6 455 газет, 657 журналов. Приобрела и вес, и новый масштаб работа журналистов – редакции центральных газет, Всесоюзное радио и ТАСС получили право на постоянных военных корреспондентов, регулярно готовящих сводки с фронта. В рядах военкоров были писатели и журналисты Всесоюзного радио, «Совинформбюро», «Телеграфного агентства Советского Союза», газет «Комсомольская правда», «Известия», «Сталинский сокол», «Красный флот», «Красная звезда», «Правда».

Между фронтом и тылом курсировало бесконечное количество писем ото всех всем. Заветные строки передавались лично, печатались в журналах и газетах, зачитывались дикторами по радио...

По сохранённым архивами обращениям и письмам можно увидеть, насколько общей для советского народа была война и связанные с ней ответственность и труд и насколько общей и всеми заслуженной стала Победа. В тылу не осталось никого, кто не был бы вовлечён в борьбу за Родину.

Письмо ученицы 1 класса школы №3 Оли Танкилевич в редакцию газеты «Тобольская правда» (Тобольск) о вкладе в строительство танка «Малютка» (21 марта 1943 г., №64 газеты):

«Дорогой дядя редактор! Я прошу моё заявление напечатать в газете. Мне 7 лет, но я уже хожу в школу. Учусь хорошо. Я слышала по радио, что все дети вносят свои деньги на танк «Малютка». Я тоже вношу свои 101 рубль 18 копеек и прошу передать бойцам на фронт, чтобы они скорее разбили фашистов, а я вернулась в своё Запорожье.

Я прошу всех ребят внести свои деньги на танк «Малютка», который поможет Красной армии разбить немцев».

Танк «Малютка» – неожиданная детская, поддержанная старшим поколением инициатива. Первое обращение с просьбой о «Малютке» появилось в феврале 1942 года в газете «Омская правда». Шестилетняя Ада Занегина, как и годом позже Оля

Танкилевич, писала, что хочет вернуться домой. Её с матерью эвакуировали из Смоленской области в Омскую, в деревню Усовка. Теперь девочка просила передать накопленные ею когда-то на куклу деньги на создание танка с по-детски ласковым именем, который помог бы ей скорее возвратиться домой. «Малютку» действительно построили. На сталинградском заводе «Судверфь» собрали лёгкий Т-60. К слову, эти «тэшечки» и правда были малютками в сравнении с другими советскими танками – высота Т-60 была всего 1,7 м, благодаря чему они могли даже «подкрасться» к позициям врага, находясь по башенку в высокой траве. Водителем-механиком детского «Малютки» стала сержант Екатерина Алексеевна Петлюк – одна из немногих женщин-танкисток.

Дети в войну осознанно брали на себя ответственность, подобно взрослым: трудились на заводах и в поле, копили сообща на технику ушедшим на фронт старшим родным и товарищам. И даже в таких условиях не забывали об учёбе, прекрасно понимая, что им ещё отвечать за Родину и вести её к тому светлому будущему, о котором мечтал весь Союз.

В тюменском «Красном знамени» 28 октября 1942 года (№251 газеты) было напечатано обращение фронтовой пионерской бригады школы №13 ко всем пионерам и школьникам города Тюмени и Тюменского района о создании фронтовых пионерских бригад:

Тимуровцы школы №1 г. Искитима везут дрова семьям фронтовиков (1942 г.)*

«Ребята! Наши отцы и братья героически сражаются на фронте, бьют фашистов. Мы должны помогать нашим родным быстрее разгромить фашистских оккупантов. Мы, учащиеся школы № 13 города Тюмени, для того чтобы помочь фронту, организовали бригаду и решили в свободное от занятий время работать на заводе. Нам дали сильную, интересную работу. Мы выполняем её с большим увлечением. Мы работаем для фронта. Своё задание перекрываем в 2-3 раза.

Мы поставили перед собой задачу: тот, кто хочет быть членом фронтовой бригады, должен стать отличником учебы. Тому, кто отстаёт, мы помогаем общими силами.

Мы проработали на заводе несколько дней и уже получили благодарность от директора завода.

Мы обращаемся ко всем пионерам и школьникам нашего города и района с призывом последовать нашему примеру. Учащиеся городских школ должны работать на заводах, учащиеся сельских школ пусть помогут колхозам. Ребята, мы надеемся, что вы откликнетесь на наш призыв и будете помогать фронту.

Б. Ильинский, Ю. Мотовилов, Ш. Богданов, Г. Иноземцев, З. Бондарева, Р. Велижанина, Н. Тихомирова, Мальцев, Митягин, Н. Зенцова, Севастьянова, Г. Бортниченко, Глебова».

Стоит сказать, что с учётом обстоятельств 26 декабря 1941 года нарком просвещения РСФСР

В.П. Потёмкин подписал приказ «О сокращении учебных программ школ ввиду отвлечения учащихся на сельскохозяйственные работы». Настоящий приказ не предполагал урезание знаний школьников, а был нацелен, скорее, на оптимизацию образования. Перед педагогами встала непростая задача – научить хорошо, но в более короткие сроки. Трудно это было и школьникам, но ребята показывали себя ответственными учениками: с уважением относились к стараниям учителей и помогали друг другу. Фактически вышедший приказ узаконивал действия самих пионеров, рвущихся на поля и в цеха. Даже в войну школы и школьники не были предоставлены сами себе. Государство тщательно следило за качеством образования, регулируя процесс законодательно, inspectируя учебные заведения. Кроме «образовательной базы» особое внимание стало уделяться идеологическому воспитанию и физической подготовке ребят, а в географии, химии, русском и иностранных языках стали полнее военно-прикладные разделы.

Удивляли и пожилые коммунисты. Казалось бы, стар-мудр, да уже слаб, – руководи и наставляй. Но старики брали на себя куда больший труд, чем от них могли ожидать. В это ответственное время они не просто возвращались к работе, а становились для молодых примером профессионализма и выносливости.

Интересную и воодушевляющую новость 7 апреля 1942 года напечатала газета «Сталинская трибуна» (Ханты-Мансийск, №82 газеты):

«Высокопроизводительно организовали свой труд в дни войны рыбаки Амнинской артели Микоянского района. Заслуживает внимания самоотверженная работа бригады Ксенофонта

**Ученики
начальной школы
села Михайловка
за сбором
колосьев на
колхозных полях***

Максимовича Тарлина, которая задание первого квартала по рыбодобыче выполнила на 500 процентов. Характерно, что эта бригада состоит из стариков. Бригадиру – 76 лет, рыбаку Ивану Афанасьевичу Каксину – 75 лет, Егору Ефимовичу Каксину – 77 лет и т.д.

Когда создавалась эта бригада, отдельные сомневались в успехах старых рыболовов, заявляя: “Не добудут старики рыбы. Так себе бригада – для счёта”.

Но колхозные старики развеяли сомнения людей, настроенных скептически. Старики работают без устали, показывают пример молодым, как нужно самоотверженно трудиться на производстве.

Старик-патриот, возглавляющий рыболовецкую бригаду, Ксенофонт Максимович Тарлин заявляет:

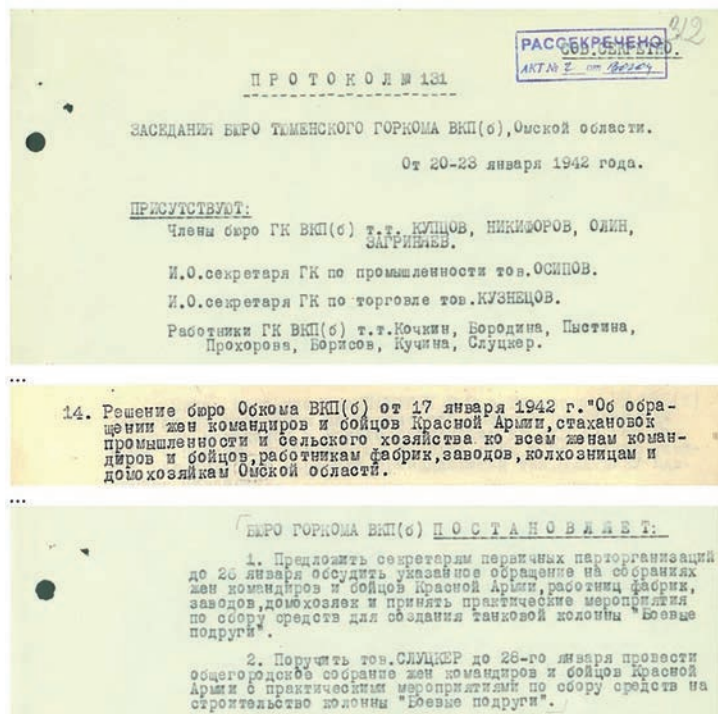
– Мой сын Пётр ушел в Красную армию с оружием в руках защищать Родину. Пусть он нещадно уничтожает фашистских разбойников. Мы, оставшиеся в тылу, стар и млад, будем работать не покладая рук и давать больше рыбы нашему государству, чтобы Красная армия и люди, работающие для фронта, получили больше продовольствия.

Старики колхоза – подлинные герои трудового фронта. Они продолжают самоотверженно работать».

За трактор, чтоб построить танк

Каждая единица военной техники была бесценна. Уже осенью 1941 года оформилось патриотическое движение «За создание фонда обороны». По собственной инициативе трудящиеся в тылу сибиряки на протяжении всей войны собирали деньги, чтобы у бойцов на передовой было на один танк, самолёт, подлодку больше. На постройку военной техники тыловики откладывали средства с собственного небольшого заработка, зачастую и ради лишнего рубля трудились дольше, словно каждая монета – сантиметр брони на танк. На поддержку фронта шли и заработки с воскресников, на которые массово собиралась молодёжь и комсомольцы. 17 августа 1941 года прошёл первый Всесоюзный комсомольско-молодёжный воскресник. Собрались на него и старшие трудяги, не упуская возможности поддержать и страну, и свою молодёжь. Люди работали на заводах и фабриках, в цехах, в колхозах... Многие перевыполняли норму более чем в два раза! На протяжении всей войны труженики тыла по всей стране собирались на воскресники, удивляя государство и фронт своим рвением и выносливостью.

Из доклада помощника начальника политотдела по комсомольской работе 2-го пограничного полка старшего лейтенанта Красно-

ва о переписке комсомольских организаций полка с тружениками тыла. 5 июля 1944 года:

«...Любовь советского народа к своей Красной армии, её бойцам и офицерам проявляется в целом ряде многочисленных благородных подвигов. В народных массах по почину тамбовских колхозников началось великое по своему значению движение – сбор средств в фонд обороны страны на постройку танковых колонн, авиаэскадрилий и т.д. Колхозник Саратовской области Феропонт Головатый на свои трудовые сбережения купил два самолёта-истребителя и передал их Красной армии. Ярким проявлением советского патриотизма явилась реализация 3-го Государственного военного займа, который в короткий срок прошла с невиданным успехом».

Стоит помнить, что с началом войны колхозы остались практически без мужчин – трудиться на поля, заботиться о скоте пришли женщины, старики, дети, инвалиды.

В Новосибирской области развернули сбор на строительство подводной лодки. Даже из самого Новосибирска на флот ушло немало ребят, а сколько со всей области... Для родных моряков комсомольцы собрали почти 7 млн рублей. Тогда бюро Новосибирского обкома ВЛКСМ обратилось к наркому ВМФ Кузнецову с просьбой приобрести на эти средства подводную лодку. Подарок для флота оказался не совсем «новостройкой» – это была небольшая субмарина из числа тех, что начали строить ещё до войны. Но с началом военных действий работа над подводным кораблём встала, вероятно, понадобились финансы и рабочие руки на более срочные работы. Вклад сибиряков спас ситуацию, и в октябре 1942 года строительство подлодки воз-

Из протокола заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) №131 о сборе средств для создания танковой колонны «Боевые подруги»**

обновилось. Лодка проекта 641Б «Сом», а ласково (из-за небольшого размера, относительно лёгкого вооружения и скромной глубины погружения) «малышка», получила 18 июня 1943 года имя – «Новосибирский комсомолец», а 10 августа была торжественно передана морякам.

О церемонии передачи подлодки 26 сентября 1943 года написала выездная редакция «Комсомольской правды»:

«10 августа 1943 г. Полярный неугасающий день. Мирное для красных моряков, но грозное для врага Северное море тихо гнало волны на безбрежных своих просторах. Мерно плескались они о причалы. Море приветствовало великие патристические дела молодёжи нашей родины, любовь народа к своим воинам, благословляло героев на ратные подвиги.

На торжественную передачу лодки и подъём военно-морского флага прибыли командующий флотом, начальник политуправления, начальник подводного плавания, начальник штаба флота и другой офицерский состав, командиры подводных и надводных кораблей. Состоялся торжественный митинг, на котором был зачитан приказ командующего флотом о вступлении в строй подводной лодки «Новосибирский комсомолец». Командующий благодарил комсомольцев и молодёжь Новосибирской области за проявленную инициативу в сборе средств на строительство подводной лодки и передачу её личному составу Северного Военно-Морского Флота. Приказом командующего на лодке учреждена мемориальная доска с текстом:

“Смерть немецким оккупантам!

Подводная лодка “Новосибирский комсомолец” построена в дни Великой Отечественной войны на средства, собранные комсомольцами и молодёжью Новосибирской области. Передана личному составу Северного флота 10 августа 1943 г.”. После подъёма флага на подводной лодке состоялся торжественный обед; делегация от комсомольцев Новосибирской области вручила индивидуальные подарки каждому члену экипажа лодки».

Подлодка, пусть и «малышка», – большой вклад в защиту Родины. Но на этом поддержка фронта техникой от Новосибирской области не закончилась. В октябре 1941 года бюро Новосибирского обкома ВКП(б) дало добро на новую инициативу местных комсомольцев – постройку боевой авиаэскадрильи «Новосибирский комсомолец». Уже к началу 1942 года комсомольцы и молодёжь собрали средства на девять самолётов. Каждый летательный аппарат получил патристическое имя, соответствующее комсомольской организации, вложившейся в строительство. Так, вылетели в бой два «Новосибирских комсомольца», три «Комсомольца Нарыма», три «Комсомольца Кузбасса» и даже один «Новосибирский пионер».

Подобная идея появилась и у тружеников Омской области. Комсомольцы завода «Сибсельмаш» тоже решились собрать авиаэскадрилью. По предложению Омского обкома ВКП(б) копить на самолёты решили с воскресников и личного заработка. Первый воскресник провели уже 5 октября 1941 года и, как и планировали, весь заработок его участников перечислили на строительство авиаэскадрильи «Омский комсомолец». Скоро к патриотическому движению присоединился и завод «Прогресс», заодно созывая рабочую молодёжь на ноябрьский двухдневный (7-8 числа) новогодний воскресник в Омске. Всего на мероприятие собрались 49 517 омичей, стараниями которых удалось собрать 884 556 рублей! Вот такой щедрый вклад в авиацию.

17 января 1942 года бюро Омского обкома ВКП(б) одобрило инициативу жён военнослужащих, призывающих всех тружениц помочь со сбором средств на танковую колонну «Боевые подруги».

Супруга командира советской армии Д.П. Воронцовская 28 декабря 1942 года обратилась с письмом:

«Желая активно участвовать в разгроме общенародного врага – немецкого фашизма – вношу свои сбережения – 2 000 рублей на построение танковой колонны. Призываю моих подруг – жён начальствующего состава второго эшелона Северо-Западного фронта – последовать моему примеру и внести свои сбережения на построение танковой колонны «Боевые подруги», чем оказать помощь нашей героической Красной армии быстрее уничтожить ненавистного врага и очистить нашу родную землю от гитлеровской нечисти.

Д. Воронцовская.

28 декабря 1942 г.»

(ГАЯО, ф. Р-2225, оп. 4, д. 60, л. 75.)

Бюро Омского обкома ВКП(б) также предложило секретарям окружкомов, горкомов, райкомов ВКП(б) обсудить обращение на собраниях жён командиров и бойцов Красной армии, работниц фабрик, заводов, колхозниц, домохозяек и принять практические мероприятия по сбору средств для создания колонны. К 15 июня 1942 года на танковую колонну совместными усилиями собрали 2,8 млн. рублей.

В январе 1942 года поддержать военную авиацию взялась Тюмень. «Купеческий» город уже к марту собрал на эскадрилью «Тюмень – фронту» почти 9 млн рублей. За своё рвение тюменцы получили телеграмму с благодарностью от Верховного Главнокомандующего – Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вся Западная Сибирь стала огромной производственной базой для фронта. Сколько было эвакуировано только в Тюмень заводов и фабрик,

работников... Тюменская судостроительная заводская ответственна снабжала фронт, выполняя один госзаказ за другим. Только в Тюмени строились шустрые торпедные катера. Работники судостроения, немало из которых тогда были эвакуированными ленинградцами, взялись собрать средства на самостоятельное строительство целого звена торпедных катеров. Так, сверх заказа было собрано звено катеров «Тюменский рабочий».

Обращение рабочих и служащих судостроительной заводской к всем трудящимся Тюмени о сборе средств на строительство звена боевых катеров «Тюменский рабочий»:

«Дорогие товарищи! Наша любимая Родина вступила в решающий момент Великой Отечественной войны.

Для того чтобы окончательно разгромить врага и очистить Советскую землю от гитлеровских разбойников, мы, бойцы трудового фронта, трудящиеся тыла, должны с каждым днём и часом увеличивать производительность труда, усиливать всемерную помощь героической Красной армии.

Коллектив рабочих и инженерно-технических работников нашего завода работает не покладая рук. За дни войны на нашем заводе выросли сотни стахановцев, гвардейцев тыла, отдающих все свои силы и знания производству. Наши рабочие тт. Котов, Голованов, Москаленко, Заборовский, Колегова и многие другие работают, не считаясь со временем, широко применяют рационализацию, выполняют производственные задания на 150-200 процентов и выше.

Коллектив нашего завода провёл большую работу по замене цветных металлов и других остродефицитных материалов.

Следуя патриотическому почину тамбовских колхозников, рабочие и инженерно-технические работники нашего завода внесли на строительство боевых самолётов «Тюменцы – фронту» 138 тысяч рублей. Но это далеко не всё. Всего за год коллектив нашего завода вложил в дело обороны нашей любимой социалистической Родины 1 367 000 рублей. Мы не успокаиваемся на достигнутом. Мы решили организовать сбор средств на строительство звена боевых катеров «Тюменский рабочий». Сразу же на митинге мы собрали 60 000 рублей. Сбор средств продолжается.

Мы призываем всех рабочих и работниц, инженерно-технических работников и служащих, всех трудящихся города Тюмени последовать нашему примеру и развернуть сбор средств на строительство звена боевых катеров.

Пусть катера, построенные на наши трудовые сбережения, беспощадно уничтожают фа-

«Купеческий» город уже к марту собрал на эскадрилью «Тюмень – фронту» почти 9 млн рублей»

шистских гадов, приближают радостный день полной победы над ненавистными захватчиками!»

«Красное знамя», №69, 27 марта 1943 года
(Тюмень)

По примеру старших учащиеся тюменской школы №25 Центрального района обратились ко всем трудящимся города с просьбой поддержать их в сборе средств на постройку боевого катера «Тюменский пионер». 24 ноября 1944 года вышло постановление бюро Тюменского горкома ВКП(б) и горисполкома, в котором секретарь Тюменского горкома ВКП(б) А. Ремнев указал «одобрить и поддержать замечательную патриотическую инициативу комсомольцев, пионеров и школьников школы №25» (ГАОПОТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1096. Л. 41. Подлинник.).

В заключение

На протяжении всей Великой Отечественной войны труженики тыла были поддержкой и опорой для своих защитников, сражавшихся на передовой. Доверие между тылом и фронтом было абсолютным, словно каждый солдат был родным каждому работнику.

Письмо командиров РККА в редакцию газеты «Сталинская трибуна» - «Неустанно крепите тыл», напечатанное 6 сентября 1941 года:

«Дорогие товарищи! Прошло свыше 2 месяцев, как наша героическая Красная армия ведёт смертельную борьбу против кровавых орд германского фашизма. За свою честь, независимость и свободу сражается весь многомиллионный советский народ. На фронте и в тылу куётся победа над врагом. Вы, наши земляки, работаете на трудовом фронте, а нам государство вручило боевое оружие. Мы - в рядах Красной армии.

На нашу долю выпала великая честь сражаться за свою Отчизну, за своё счастливое и ещё более светлое будущее, за свободу и независимость, за освобождение от порабощения и угнетения всех славянских народов. Мы, ваши сыны, братья и мужья, друзья и знакомые, заверяем вас, что будем уничтожать фашистских варваров до испепеления.

Находясь в действующей армии, мы видим, как наши сибиряки, сохраняя традиции своих отцов и дедов, вместе со всеми воинами Красной армии самоотверженно, не щадя своей жизни, сражаются с гитлеровскими ордами. Нам не страшны до зубов вооружённые варварские выродки. Их танкам, самолётам, орудиям мы противопоставляем своё смертоносное оружие, изготовленное советскими патриотами на социалистических предприятиях. Будьте уверены, товарищи земляки, час разгрома фашистских

И. КОП. - КОП. 1-е ЗАВЕРШ. УПРАВЛЕНИЕ ЗАВОД № 639

Первый отдел 31. 9. 1944 г. № 425с.

Т. Осипов 2/5 1944 г.

ПАСЕКРЕЧЕНО

В ответ на Ваш запрос сообщаем, что завод № 639 является постоянно действующим в г. Тюмени предприятием / бывш. Тюменская Судовая. В период августа-сентября 1941г. на завод № 639 привозят отдельные оборудование, незавершенное производство и частично рабочие, ИТР и служащие с заводов № 363, 445, предприятия торпедных катеров заводов № 332 и № 341 и Херсонского ин. "Коминтерн" эвакуируются в полном составе / находятся частично в пути.

1. Наименование предприятия	Завод № 639
2. Какого Наркомата	НКСП Народный Комиссариат Судостроительной Промышленности
3. Откуда прибыло предприятие	Завод действующий в Тюмени с 1928г. Завод № 363 из Ленинграда Завод № 445 - Москва " ин. Коминтерна - Херсон " № 341 - Гибидас " № 332 - г. Керчь
4. Дата постановления правительства об эвакуации в г. Тюмень	Завод № 363 постановл. № 32-СР от 17. VII-41г. З-д ин. Коминтерна-постан. ГКО от 14. IV-41г. Завод № 445 - № 473сс от 18/IV-41г. Завод № 532 - постанов. Совета по эвакуации № 14159-СР от 6/X-41г. Завод № 341 - постановл. Совета № 14974-СР от 29/XI-41г.
5. Год основания з-да /для стар. предприятия/	Завод основан в 1928 году
6. Время прибытия оборудования	Оборудование поступает с 10/Ум по настоящее время и еще полностью не поступило.
7. Начало работ по устройству и размещению завода	с 10/Ум-1941г.
8. На какой базе размещен завод	Тюменская Судовая НКСП
9. Количество единиц прибывшего оборудования	40 единиц
10. " установленного	33 единицы
11. " действующего металлорежущего оборудования	26 на 21, XI

Из справки завода №639 I Главного управления Народного комиссариата судостроительной промышленности СССР в Тюменский городской комитет ВКП(б)***

орд приближается с каждым днём. Наше дело правое, и мы победим.

Чтобы победа пришла как можно быстрее, неустанно крепите тыл. Самоотверженно работайте на производстве. Досрочно перевыполняйте все государственные задания. Таков наш вам совет. Вперёд к победе! За нашу Родину!

Командиры Красной армии

Н.М. Немков, Л.Н. Таногин,
П.Я. Добрынин, А.П. Немков,
И.А. Шабанов, М.И. Свешников».

* - Источник: Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / Партавтор Новосибирск. обкома КПСС, Гос. арх. Новосиб. обл; Сост. М.Р. Акулов и др. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1964.

** - ГБУТО ГАСПИТО. Ф.П-7. Оп.1. Д.595. Л.312, 313, 329.

*** - ГБУТО ГАСПИТО. Ф.П-7. Оп.1. Д.581. Л.57, 58, 59.

Ключевые точки тюменской истории этого года

Тобольск, 60-е

2025 год для нашего края полон знаменательными и юбилейными датами и событиями. Исторические знания составляют основу, фундамент народного бытия, если, конечно, народ хочет оставаться народом, а не коллективным потребителем, живущим по принципу «хлеба и зрелищ». Осознание этой основы пришло к ослеплённому движением в «общечеловеческий» мир большинству, когда в 90-е годы «цивилизованный» мир начал выбивать из-под нас главную точку опоры – Великую Победу в Великой Отечественной войне. Огромность даже урезанной, униженной и ослабленной России не давала покоя тем, кого интересовали её природные богатства, составляющие, по самым скромным подсчётам, треть всего, что есть на планете Земля. И львиная доля этих сокровищ находится в Сибири...

Потому и самое время вспомнить, что 435 лет назад (в 1590 году) был издан царский указ, положивший начало уже не стихийному, а осмысленному государственному движению за Камень (как называли Урал) – в Сибирь. Уточняю: 29 мая 1590 года по царскому наказу Фёдора Иоанновича из Сольвычегодска отправлены в Сибирь 30 хлебопашенных семей. Тем самым было положено начало заселения Сибири. Расшифровываю: в Сибирь шли выращивать хлеб! Но тут важно отметить, что это заселение никогда не было движением в одну сторону – с запада на восток. Ещё во время великого переселения народов в первом тысячелетии сибирские угры (будущие венгры) прошли мимо Киева в Европу (898 год), что и отмечено в русских летописях. Даже гора у Киева с тех пор называется Угорской. Причем угры, по свидетельству летописца Нестора, были и белые, и чёрные, а до них ещё двигались болгары... Кстати, греки тогда всю территорию древнерусского славянского расселения называли Великой Скифией.

А вот встречное движение, главным образом, вели те самые древние русичи. И сначала это были предприимчивые новгородцы. Предоставлю слово своему другу, писателю и историку Вячеславу Софронову: «...Первые сведения о северной части Сибири (Югре) появляются в русской летописи в 1096 г. В ней приводится рассказ новгородца Гюраты Роговича о посылке им своего «отрока» на Югру и Печеру. Привлечённые слухами о богатствах «полнощных стран», туда устремляются предприимчивые новгородцы, и уже во второй половине IX в. Югорская земля считалась одной из волостей Великого Новгорода. Жители Югры неоднократно восставали и пытались освободиться от своих притеснителей. Так, в 1187 г. ими было убито сто именитых новгородцев, а в 1194 г. был истреблен почти весь русский отряд, о чем сообщает Новгородская летопись. Наиболее успешный поход за Каменный Пояс был совершен новгородцами в 1364 г. Во главе отрядов шли воеводы Александр Абакумович и Степан

Роспись
у входа в Свято-Троицкий
Собор обители
Филофея

Ляпа. На Оби они разделились на два отряда: один направился в верховья Оби, а второй – в низовья «до моря». Уже тогда новгородцами были заложены первые русские городки за Уралом, в том числе и Ляпин городок.

Но не только новгородцы претендовали на владение сибирскими землями и богатствами. Суздальские князья неоднократно совершали походы на богатую мехами землю. В 1218 г. на пути «за Камень» в Югорскую землю был основан город Великий Устюг, сыгравший огромную роль в освоении Сибири».

Но определить государственную принадлежность Сибири суждено было Москве. Ещё в середине XVI в. Сибирское ханство вступило в непосредственные отношения с Москвой. Причем сибирские ханы добровольно вставали под руку московских царей, начиная ещё с Ивана III. Я не ставлю своей задачей даже кратко пересказать историю освоения Сибири, лишь напоминаю о ключевых датах этого года.

Спустя чуть более века после указа Фёдора Иоанновича, **325** лет назад (1700) в Тобольске началось строительство каменного кремля по проекту **Семёна Ульяновича Ремезова**. С особого разрешения первого императора России **Петра Великого!** И благодаря этим событиям каждый из нас может любоваться **единственным (!)** за

Уралом каменным кремлём. Напомню лишь, что в первом номере журнала за этот год мы рассказывали о человеке, который его восстанавливал и спасал во второй половине XX века – Рusanове Александре Павловиче, в том числе реставрировавшем сияющие ныне куполами храмы духовной столицы Сибири. А далее шёл труд и старания Митрополита Тобольского и Тюменского **Димитрия**, ибо **35** лет назад была возрождена наша епархия. Но одно дело объявить об этом деле на бумаге, другое – наполнять разрушенные и пустующие храмы жизнью, восстанавливать и строить, возрождать духовные учебные заведения и, как первые святители Сибири, нести слово Божие на север – до Ледовитого океана.

И здесь уместно обратить внимание читателя на другое ключевое событие – **315** лет назад (1710) была выдана царская грамота о христианизации северных народов митрополиту Сибирскому и Тобольскому **Филофею (Лещинскому)** в схиме **Феодору**. Напомню, что родом святитель был из Малороссии (с Украины), а учился в знаменитой Киево-Могилянской академии, как и его друг и соратник, святитель **Иоанн Тобольский**. Мощи первого почивают в нашем Свято-Троицком тюменском монастыре, а второго – в Софийском соборе Тобольска рядом с мощами священномученика епископа Гермогена. Филофея называют апостолом Сибири. Почему? Потому что до сих пор потомки крещённых им северных людей называют его «добрый старик». Здесь становится особенно важна убедительная сила слова святителя Филофея и его видение в каждом человеке образа Божия, его незамутнённая христианская любовь к каждому из тех, кто встречался на его тернистом пути проповедника. Даже к тем, кто покушался на его жизнь. Именно это слово, данное ему Всевышним, имело намного большую силу, чем пушки, пули, топоры и сабли. А ведь и в него стреляли! Пуля прошла навывлет через его монашеское одеяние, не повредив по промыслу Божию тела святителя. О том, как именно нёс слово Божие святитель Филофей, каждый может прочитать в трудах его спутника, казачьего полковника **Григория Новицкого** или в исследованиях епископа Ишимского и Аромашевского **Тихона (Бобова)**, а детям изложил эту историю писатель **Мирослав Бакулин**.

Епископ Тихон Бобов пишет: «Преосвященный Филофей, судя по портретам его, роста был высокого, сухощав и под старость несколько согбен; на бледном лице его как бы написаны кротость и одушевление; нос имел длинный, волосы седые. «Нравом, – по выражению сибирской летописи, – был тих, весьма снисходителен ко всем и тщеславия весьма не имел». «1726 г. был последним годом жизни и деятельности митрополита Филофея в обращении неверующих к вере Христовой: в

следующем 1727 году 31 мая он скончался среди благодетельствованной им монастырской братии и детей новокрещённых на 77 году от рождения своего. Тело его, согласно завещанию, погребено в Троицком Тюменском монастыре, вне церкви, подле западных дверей, против самого входа, «дабы, как выражался Преосвященный, – мимоходящие попирали прах его ногами».

«Лет 100 так и было: прах Филофея выходящие из церкви и входящие в нее попирали ногами, но лет 60 тому назад над могилой его бывшим настоятелем монастыря архимандритом Амвросием было устроено каменное надгробие с изображением креста и лика святителя, также и с надписью, а над сим небольшой из листового железа навес. Место упокоения святителя стало местом паломничества, люди приезжали не только с близлежащих селений и городов, но и из других губерний. В монастыре совершались панихиды, народ обращался за помощью к схимитрополиту, и многие получали просимое», – рассказывает епископ Тихон. Советской власти и митрополит, и монастырь помещали с точки зрения воинствующего атеизма, и потому мощи были из обители удалены, а монастырь закрыт. История сбережения мощей и их обретения в нашем времени детективная и чудесная одновременно и требует отдельного рассказа, что мы обязательно сделаем на страницах журнала.

Что ещё с этим связано? 30 лет назад: 23 мая 1995 г. в Москве было подписано соглашение Министерства культуры Российской Федерации и Московской Патриархии Русской Православной Церкви об использовании комплекса Свято-Троицкого монастыря в г. Тюмени, памятника истории и архитектуры федерального значения. Объекты горводоканала, располагавшиеся тогда на территории монастыря и являвшиеся охранной зоной, вывели в другую часть города, а разрушающиеся исторические здания обители вернули Церкви.

И сегодня, когда вы любуетесь золочёными куполами обители, ставшей символом первого русского города Сибири, когда видите российских и зарубежных туристов, восхищающихся ансамблем Тобольского кремля или «приковыва-

Икона
святителя
Филофея в
Вознесенско-
Георгиевском
храме.
Фото
А.А. Павлычева

ющих» себя к кандалам памятника Достоевскому, вспоминайте и детям рассказывайте об этих опорных точках сибирской истории. Как и о главной опорной точке истории России XX века, юбилейной в этом году – **80-летию Великой Победы**, в которую Тюменская область внесла и ратный, и трудовой вклад.

Напомню читателям, что Тюмень в годы Великой Отечественной войны приняла более тридцати эвакуированных из западных областей промышленных предприятий. Только осенью 1941 года – 22! Все эти мощности, включая людей, надо было разместить и запустить производство. И уже весной 1942 года эвакуированные предприятия начали выпускать продукцию для фронта. А ещё в Тюмени и области один за другим открывались госпитали. 305 госпиталей было открыто на территории нашего региона, 26 – в Тюмени. Медицинским учреждениям нужны были доноры, и тысячи наших земляков

стали сдавать кровь для раненых воинов. Тюменская область отправляла на фронт авиафанеры, ружейные приклады и лыжи (вспомните фото – легендарные сибирские дивизии на лыжах наступают под Москвой!), был налажен выпуск планеров, которые перебрасывали через линию фронта к партизанам специалистов, диверсантов, оружие, боеприпасы, продовольствие. Город выпускал катера и миномёты, военные сани, бронепоезда и поезда-бани для армии. От трудящихся Тюменской области было передано на оборону страны более 100 млн. рублей, а во время переломной Сталинградской битвы родился ещё один патриотический почин – добровольные пожертвования на постройку танков, самолётов, боевых кораблей. А ещё наш край принимал беженцев, детей блокадного Ленинграда, многие из которых сегодня называют себя сибиряками...

И война, и работа тыла, которую маршал Г.К. Жуков называл половиной победы, это не только brave доклады, отчёты и победные репортажи, это и трудности, и ошибки, и сломанные судьбы людей. И об этом мы тоже будем рассказывать на наших страницах. Потому что Победа – одна на всех. Как и та, которая нам ещё предстоит, ибо другого выхода история нам не оставляет.

Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Музейная современность

Знаковая дата в истории нашей области: 155 лет назад в Тобольске был создан музей, который сегодня с полным правом входит в число не только старейших, но и крупнейших в Западной Сибири.

Здание
Тобольского
губернского
музея, 1890-е гг.
Фото
И. Шустера

Вспомним некоторые факты... Инициатива открыть для внимания широкой общественности собрание предметов, дающих представление об истории и этнографии края, принадлежала секретарю губернского статистического комитета при Тобольском губернском управлении Ивану Николаевичу Юшкову – талантливому журналисту, исследователю и собирателю редкостей.

Изначально музей подчинялся департаменту земледелия и государственных имуществ и до последнего десятилетия XIX века оставался единственным в регионе научно-просветительским учреждением. Говоря о деятельности, которую его сотрудники вели в те годы, можно вспомнить, например, организацию ежегодных экспедиций по северным территориям тобольской губернии и участие в крупных всероссийских и международных научно-хозяйственных выставках. Не случайно музеем покровительствовали представители Дома Романовых, а в годы Гражданской войны глава Белого движения Александр Колчак, прежде сам известный учёный-океанограф, увидев собранные здесь коллекции, распорядился об их охране и выделил крупную сумму денег на продолжение научной работы.

Представители советской власти также сумели по достоинству оценить музейные собрания и вклад его сотрудников в дело народного просвещения. В 1921 году прежний Тобольский губернский музей

получил новое название и был более чётко сориентирован на дальнейшую деятельность, теперь уже как музей Тобольского Севера. Следующая крупная веха в его истории – принятое в 1961 году правительством РСФСР решение о создании на имеющейся базе Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника с включением в единый комплекс местных архитектурных памятников. В 1995 году, согласно Указу Президента Российской Федерации, ТГИАМЗ вошёл в перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального значения, и с этого момента уже совсем немного времени оставалось до поворотного этапа в его работе, до тех кардинальных перемен, которые сегодня мы называем его «вторым рождением».

Жители Тюменской области хорошо помнят «нулевые» годы нашего века и первый визит в Тобольск Владимира Владимировича Путина. Кажется, все мы тогда с волнением ждали: какое же впечатление произведёт на главу государства древняя сибирская столица? Ответом на переживания тюменцев стало данное президентом поручение: разработать комплекс мер по созданию туристического центра Западной Сибири на базе историко-архитектурного наследия Тобольска – долгожданная высокая оценка! Жизнь вокруг начинала меняться, и прежде всего нужны были люди, способные взяться за преобразования, принять на себя сложнейшую часть предстоящей работы.

Генеральный директор
Тюменского
музейно-просветительского
объединения
С.Ю. Сидорова

В гостях у редакции журнала «Сибирское богатство» кандидат философских наук, доктор музейного дела, почётный работник отрасли культуры Тюменской области, генеральный директор ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» Светлана Юрьевна Сидорова.

На протяжении десяти лет она возглавляла деятельность Тобольского музея-заповедника, меняла его ритмы, определяла направления развития, формировала команду, готовую не только откликнуться на вызовы дня настоящего, но и смотреть в будущее. Заслужила славу руководителя жёсткого и принципиального. Доказала свою дальновидность. Создала тот самый ТИАМЗ, который мы знаем сегодня – одиннадцать музейных комплексов (55 объектов, в том числе 31 историческое здание федерального значения). Фонды, хранящие около четырёхсот тысяч предметов: уникальные этнографические, археологические и палеонтологические коллекции, рукописные и старопечатные книги, вещи, принадлежавшие некогда царской семье, редкие фотографии, шедевры косторезного искусства... И что, пожалуй, особенно важно – коллектив, ведущий активную исследовательскую работу, ежегодно проводящий на музейных площадках симпозиумы, семинары и конференции, посвящённые различной краевой проблематике.

Лицо региона

– Светлана Юрьевна, тобольский музей-заповедник по-прежнему под вашим крылом: он – один из «трёх китов» ТМПО, туристическая жемчужина нашего края... Спрошу вас о городе: помняв место жительства, вспоминаете Тобольск, скучаете по нему?

– Конечно, вспоминаю, хотя тобольский период был непростым в моей жизни и работе. Я человек открытый, а Тобольск – город своенравный. Со своим статусом, авторитетом, сложившимся имиджем. Известно, что небольшие города трудно принимают новых людей – думаю, можно сравнить этот процесс с попытками тела отторгнуть вонзившуюся занозу... Похожее ощущение мне тоже пришлось пережить. Казалось бы, как будущий руководитель музея-заповедника я ко многому была готова: до этого в Нижней Тавде с нуля создавала муниципальный музей, руководила крупной сетью учреждений культуры, занималась строительством, была заместителем главы района по социальным вопросам. Но там я жила с самого детства: люди меня хорошо знали и поддерживали. А поскольку я «клубница» – окончила Челябинский институт культуры по специальности «методист-организатор клубной работы», то, помимо прочих обязанностей, руководила двумя коллективами народной песни: взрослым «Околица» и детским «Камелёк», кстати, лауреатом конкурса славянской песни в Болгарии... И, естественно, ездила с этими ансамблями на различные областные музыкальные мероприятия, в том числе на фестиваль «Тобольский музей встречает друзей». Там меня хорошо запомнили – в сарафане и кокошнике! И когда я приехала в качестве руководителя, этот образ, разумеется, мне не могли не припомнить...

– Не разглядели в вас человека, способного произвести революцию?

– Напротив. Коллектив понял, что я собираюсь ломать привычный уклад работы, но совершенно не был готов к переменам и, главное, их не хотел. Вместе со мной в спокойную повседневность тобольского музея пришла тревога. Я постаралась объяснить людям, что тот, кто сумеет сейчас перестроиться, получает шанс «запрыгнуть в последний вагон».

Визит в Тобольск Ольги Николаевны Куликовской-Романовой, общественного деятеля, почётного академика Российской академии художеств, члена Союза писателей России, председателя Благотворительного фонда имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, июль 2015 г.

А торопиться надо: согласно федеральной программе, разработанной по поручению президента, полным ходом шла реставрация кремля. Вот-вот она завершится, и что дальше? Что показывать туристам, которые приедут в Тобольск? Дворец наместника – 24 зала – совершенно пуст. Можете себе представить: 3 700 квадратных метров площади, голые стены и лампочки, свешивающиеся на проводах с потолка? Я сказала коллегам: музею нужна жизнеспособная концепция. Мне предложили: давайте на первом этаже разместим отдел археологии, на втором – этнографии, на третьем – природоведения. Пришлось им напомнить, что это объект огромной исторической важности. Поскольку отсюда несколько веков осуществлялось управление Сибирью – сперва воеводское, потом губернаторское, я попросила подумать, как показать его именно в этом качестве, подчеркнув значение Тобольска – центра сибирского православия.

И после этого началась война: сотрудники почему-то решили, что если я не выдержу и уйду, их жизнь вернётся к прежнему спокойному течению. Были попытки открыто игнорировать мои приказы, было бесконечное количество жалоб, которые рассылались в самые разные инстанции. Доходило до того, что порчу пробовали навести: сыпали у порога соль, втыкали в косяк лезвия и булавки. Уборщица, следившая за порядком в моём кабинете, однажды распоролла об них руку... А одна всеми уважаемая музейная работница даже сшила моё чучело. В первый момент, увидев его у лестницы, я испугалась, что какой-то женщине стало плохо. Подбежала, а там большая тряпичная кукла в человеческой одежде. И табличка на ней: «Сидорова С.Ю. – ликвидатор музея-заповедника». Я тогда же попросила начальника охраны отнести её в фонды, объяснив ему, что это теперь тоже наша история. Правда, скоро кукла оттуда исчезла – уверена, что мои недоброжелатели её унесли и сожгли в каком-нибудь укромном уголке. Сегодня, оглядываясь назад, с трудом верю, что всё это действительно было в моей жизни.

– Несмотря на мощное сопротивление, вы своего добились: два года спустя Дворец наместника распахнул перед гостями двери!

– Я не имела права отступать. Помню, как-то вернулась с работы, лежу дома и просто реву. И мой муж – умный и очень надёжный человек, которого я знаю и люблю со второго класса школы, мне говорит: если чувствуешь, что не выдержишь, давай вернёмся назад! Вот тут у меня слёзы высохли: «Как назад? Назад я не могу!» – «А если не можешь, тогда работай!»

На самом деле, с Тобольском связано много хороших, светлых воспоминаний. Даже жалобы коллег иногда имели совершенно неожиданные последствия. Искренне считая, что выживут меня, они писали, в том числе руководителям популяр-

Посещение Тобольского музея-заповедника Александром Викторовичем Моором, врио губернатора Тюменской области, в рамках рабочего визита в Тобольск, август 2018 г.

ных политических партий – КПРФ и ЛДПР. Зюганов не отреагировал, а Жириновский прислал ребят, чтобы вникли в ситуацию. И когда они во всём разобрались, когда объяснили ему суть дела, он принял мою сторону. Поздравлял со всеми праздниками, иногда даже присылал подарки. До сих пор храню открытки и телеграммы, подписанные Владимиром Вольфовичем... И ещё один момент вспоминается: охрана Гостиного двора однажды принесла мне много-много цветов. Пять больших вёдер с розами, лилиями, гладиолусами! От кого – это осталось тайной, но я чувствовала: человек знал, насколько мне сейчас тяжело, и вот так красиво решил меня поддержать. Я тогда оставила себе несколько розочек, а остальные раздала нашим именинникам – их в те дни было много. Даже мои самые активные недруги получили от меня прекрасные букеты.

– Но увольнения всё-таки были?

– В какой-то момент люди поняли, что начатое будет доведено до конца, и те, кто так и не принял этих изменений, предпочли написать заявление. Тобольск ясно открывал передо мной многие истины. Была, например, такая история: мой кабинет на протяжении трёх лет располагался в штабе Тюменского замка – смеюсь, что честно этот срок отсидела... И как-то рабочие начали выкладывать у меня под окнами брусчатку. Я сверху смотрю: неровно. Выхожу, говорю им об этом, а они в ответ: «Ты кто? Директор музея? Вот и руководи музеем...» На следующий день то же самое – я опять им указываю, что дорожка выложена с изъянами. И опять они со мной спорят. А потом прихожу с утра на работу и вижу: плитки убраны, и мастера начинают класть их заново – на этот раз практически идеально... Может быть, совесть в них заговорила, может, профессиональная гордость. Вот тогда я как-то очень отчётливо поняла, что дорожки поправить легко, а человеческие мозги – сложно.

– И начали формировать новую – свою – команду музейных работников?

– Это обязательно надо было сделать, ведь многие из тех, кого я позвала с прежнего места работы, не выдержали и уехали. Опорой для меня стали выпускники местных учебных заведений – педагогического и индустриального институтов, колледжа искусств и культуры. Сегодня с удовольствием наблюдаю, как эти молодые ребята, любящие свой город, ценящие его богатейшую историю, превращаются в серьёзных специалистов. Из их числа вырос нынешний директор Тобольского музея-заповедника, его заместители, главный хранитель, главный научный сотрудник... А когда-то именно с ними мы стали менять подходы к музейной работе, научились генерировать животворные, порождающие творческий процесс идеи.

Вот один только пример: у нас планировалась экспозиция, посвящённая правлению императрицы Елизаветы Петровны. Небольшая – на площади всего в тридцать квадратов... Накануне открытия я решила посмотреть, что же в итоге получается? Захожу и вижу: помещение абсолютно пустое, а опытная сотрудница, ответственная за эту работу, прижав пальчик к щеке, задумчиво так говорит: «Я не чувствую динамику выставки...» Вот тут я не выдержала. Сказала ей: «Идите домой и там подумайте о динамике...» – а сама позвала ребят, и мы за несколько часов всё обсудили, всё подобрали, всё расставили по местам. Утром эта женщина пришла, оценила результат и сообщила, что увольняется. Я с огромным уважением отношусь к нашим стажёвикам: эти люди прекрасно знают фонды, их опыт необходим всем музеям объединения, но и с молодыми очень люблю работать. 45% нашего сегодняшнего коллектива – молодёжь до сорока пяти лет.

Светлана Юрьевна Сидорова с коллективом Тобольского музея-заповедника, декабрь 2022 г.

– Светлана Юрьевна, за десять лет вашей работы в относительно небольшом городе Тобольске было открыто 11 музеев, каждый из которых отличается собственной уникальной направленностью...

– Других вариантов и быть не могло: в реставрацию памятников вкладывались огромные деньги, и как только очередной объект сдавался, мы начинали готовить его к открытию. Скажу честно: я не всегда оставалась довольна качеством и актуальностью подготовленных экспозиций, со временем их приходилось дорабатывать, и тем не менее любой гость Тобольска сегодня может выбрать для знакомства с городом направления, которые его интересуют. Об истории предпринимательства рассказывает Гостиный двор, о развитии промыслов и ремёсел – Дом мастеров, о судьбах ссыльных и каторжан – Тюремный замок, о пребывании на нашей земле семьи последнего российского императора – мемориальный кабинет Николая II... Но, естественно, всё это было бы невозможно без серьёзной поддержки со стороны правительства Тюменской области.

В Тобольск часто приезжал Владимир Владимирович Якушев, в то время наш губернатор, и все мы видели его заинтересованность. Он человек конкретный, дисциплинированный, даже жёсткий, но как только чувствовал, что нам нужна помощь, в том числе финансовая, обязательно шёл навстречу. Я знаю, что когда музей уже начал принимать посетителей, когда о нём появились первые хвалебные отзывы, некоторые люди со стороны прежнего директората заговорили о том, что с подобным финансированием легко было добиться таких результатов. Но финансирование-то выделялось учреждению, не мне лично... Сейчас вот листаю ваш журнал и вижу статью, посвящённую Альберту Акрамовичу Суфианову, руководителю

Вид на
Софийско-
Успенский собор
и колокольню,
г. Тобольск,
1950-е гг.

нейроцентра, нашему блестящему хирургу... Когда-то его привезли к нам в гости, а мне сказали: «Этот человек очень нужен Тюменской области. Постарайся, чтобы он в неё влюбился!» Да, именно так – через Тобольск, через музейное собрание, через нашу историю! Кстати, мы с Альбертом Акрамовичем до сих пор дружим!

– Этот город – мощный духовный центр России. Ощущали его влияние?

– Не просто ощущала – именно там я пришла в православие, начала ходить на службы, на исповедь, причащаться. Там научилась молиться и до сих пор делаю это ежедневно – утром и вечером. А соседство с мудрейшим Владыкой Димитрием, Митрополитом Тобольским и Тюменским укрепляло и смиряло меня. И Господь стал меня направлять, посылать людей, на которых можно положиться. Я уже говорила о своём коллективе, но добавлю ещё... Сегодня в музее-заповеднике 160 сотрудников – патриотичных, профессиональных моих единомышленников и соратников, которых, без всякого сомнения, можно назвать «лицом региона». Это подтвердят миллионы туристов, ежегодно туда приезжающих...

Воспитывать и удивлять

– После тобольской истории успеха ваш переезд в Тюмень стал заслуженной наградой или новым испытанием на прочность?

– Он стал необходимостью. Тюмени тоже требовалось развивать туристическое направление, в планах был запуск главного корпуса музейного комплекса имени И.Я. Словцова, а между тем недавно построенное для него здание на улице Советской всё ещё пустовало. В Тобольске у меня к тому времени сложились хорошие отношения с руководством, с учреждениями культуры и образования, с местными турфирмами, и вот теперь всё предстояло начинать заново. Тюмень – город более высокого уровня, и амбиций в профессиональной среде здесь

гораздо больше. Было совершенно очевидно, что искусствоведы и краеведы не хотят объединяться.

Первые, прекрасно осознавая, что они – элита, обосновались в бывшем доме Политпросвещения, в отдельных кабинетах с телефонами, вторые – в краеведческом музее, размещённом в историческом здании городской Думы, используя для хранения фондов объект культурного наследия – Спасскую церковь. И хотя это фондохранилище было в ужасном состоянии, и те, и другие, как только заходила речь об объединении, занимали «круговую оборону». Татьяна Михайловна Исламова, более четверти века возглавлявшая Тюменский областной краеведческий музей, участвовавшая в создании многих музейных комплексов города, – я искренне восхищаюсь всем, что она сумела сделать, – к тому моменту перешла работать в другое музейное учреждение, и временные руководители не справлялись с актуальными задачами. На этапе, когда нашей музейной отрасли потребовался ребрендинг, заниматься этим должен был профессиональный управленец.

Здесь снова огромную поддержку мне оказали губернатор Владимир Владимирович Якушев и Наталья Александровна Шевчик, его первый заместитель, куратор социального блока, включавшего культуру, образование и здравоохранение. Мы начали освобождать Спасскую церковь от краеведческих экспонатов, параллельно перемещали в новое здание уникальные художественные коллекции. Естественно, на меня опять писались жалобы, в том числе в ИКОМ (Международный совет музеев) и в прокуратуру. Оттуда приезжали представители, смотрели на происходящее и очень удивлялись, когда слышали, что сотрудники музея отказываются от условий, созданных для них на современных просторных площадях. Дело опять, вероятно, было в привычке: я человек динамичный, и эту профессиональную динамику постоянно пытаюсь пробудить

ТИАМЗ, День
города, 2015 г.

в окружающих, а люди, называющие себя творческими, живут собственными ритмами. До сих пор чувствую сожаление: в то время увольнялись даже специалисты, которых я давно знала, на которых надеялась, от которых ждала поддержки. Очень ясно поняла, как же это страшно – в ком-то разочаровываться, особенно, когда стараешься видеть в человеке только хорошее... Но, с другой стороны, возможно, именно это желание, стремление к лучшему нас и спасает... Не случайно одна бывшая сотрудница как-то мне сказала: «Не каждый может выдержать ваше доверие...»

Так или иначе, рубеж 2017-2018 года стал невероятно продуктивным: было создано музейно-просветительское объединение, включившее в себя комплексы Тюмени, Тобольска и Ялуторовска, открылся мультимедийный парк «Россия – моя история», один из первых в стране, начал принимать посетителей главный корпус музея имени И.Я. Словцова. В Тобольске появился Музей семьи Императора Николая II, а в Ялуторовске, наконец-то, был закончен местный долгострой и заработал новый музей «Торговые ряды».

– Светлана Юрьевна, музейное дело сегодня на подъёме?

– Да, можно сказать, что мы – свидетели и участники его возрождения. Вы заметили, что в последние годы не только в Тюменской области, но и по всей стране появляются новые музейные пространства, в том числе частные? Это стало моментом престижа: в универмагах, торговых центрах, ресторанах, даже на вокзалах открываются собственные музейчики. И люди проявляют к ним интерес, причём не только потому, что активно развивается туристическая сфера. В музеи идут за неким постижением и осознанием, часто пытаются пересмотреть, переосмыслить моменты истории, вернуться к традиционным ценностям. А ещё – чтобы соприкоснуться с некой живой средой. Так что с одной стороны мы говорим

Дом мастеров,
г. Тобольск

об их идеологическом и воспитательном значении, с другой – должны понимать, что в человеке сильна потребность впечатлений, его надо удивлять. Некогда привычные всем нам залы с сонными зрителями остались в прошлом. Сегодня гостям ТМПО предлагаются квесты, мастер-классы, иммерсивные мероприятия и различные тактильные ощущения. С нами можно поучиться рисовать, вышивать или, допустим, ткать. Можно попробовать какое-нибудь лакомство. Можно ночью походить по музейным залам с фонариком. У нас предусмотрены бесплатные парковки, зоны питания, гостиницы. Проработана стратегия безопасности, чтобы каждый, кто сюда приходит, ощущал себя абсолютно комфортно. При этом я хочу заметить, что труд музейщика – очень непростой. Достаточно вспомнить, что мы работаем в те дни и часы, когда другие люди отдыхают.

– Обычно пишущий о работе музея журналист освещает, прежде всего, его выставочную деятельность. А я хотела бы поспрашивать вас о том, что остаётся «за кадром». Например, как сегодня формируются музейные коллекции? И какие последние пополнения вы назвали бы самыми интересными?

– Начну с того, что даже те коллекции, которые сформированы достаточно давно, у нас регулярно расширяются. Например, собрание музейного комплекса имени И.Я. Словцова обогатилось 121-м произведением живописи и графики Михаила Михайловича Гардубея, недавно ушедшего замечательного тюменского художника. Коллекция «Живопись» активно пополняется и в Тобольске. За последние два года в неё поступило более ста работ местных мастеров: Николая Ситько, Григория Бочанова, Ильшата Хусаинова, Геннадия Губина. Благодаря тому, что свои находки музею передали Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН и Институт проблем освоения Севера, была значительно пополнена коллекция «Археология».

Дворец
наместника,
г. Тобольск

Другая часть музейной деятельности – приём в собрание экспонатов, которым предстоит стать составляющими будущих выставок. Например, сейчас, когда Мемориальный музей декабристов в Ялutorовске закрыт на реставрацию, мы заняты поисками предметов первой трети XIX века, способных оживить экспозицию, помочь полнее развернуть перед посетителями эту удивительную эпоху. Подлинные, принадлежавшие декабристам вещи – в наши дни огромная редкость, но сохранилось немало различных мелочей, рассказывающих о мужском и женском досуге того времени: фарфоровая посуда, дамские сумочки, бисерные портмоне, шкатулки, различные образцы рукоделия, а также портсигары, курительные принадлежности, игральные карты, мел для расчерчивания столиков... И когда наши экскурсоводы начнут рассказывать об их предназначении, будет уже совсем легко представить их бытовавшими в семьях декабристов.

За счёт новых поступлений обновляется также Музей семьи Императора Николая II. В последние годы нам удалось шире раскрыть тему, связанную с обществом Красного Креста – в музее появились его памятные жетоны и нагрудные знаки, печать, благотворительные открытки. А настоящим украшением экспозиции стал кинжал с надписью на клинке: «В память об охоте в Высочайшем присутствии» и вензелем Николая II с изображением императорской короны. По легенде, клинок принадлежал офицеру царской армии, получившему его в подарок из рук императора. Вероятно, такие кинжалы носили чисто декоративную функцию – их дарили как памятный сувенир. Известно, что последний российский самодержец очень любил охоту, считал её настоящим мужским занятием, был большим поклонником холодного оружия.

– Самые первые музейные коллекции, как правило, являлись дарами меценатов – путешественников, краеведов, просто состоятельных людей, стремившихся оставить о себе добрую память. А сегодня сохраняется эта традиция – делать музеям подарки?

**Музей семьи
Императора
Николая II –
Дом Корнилова,
г. Тобольск**

– Да, люди нередко безвозмездно передают нам хранящиеся у них ценности музейного значения. Ярким тому примером стала японская армейская сабля образца 1886 года, которую мы получили от нашего большого друга Андрея Петровича Родионова, – она тоже сейчас экспонируется в музее семьи императора. Постоянный наш даритель – патриот города Тобольска и некогда его глава, Аркадий Григорьевич Елфимов, председатель благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». А одним из крупных пожертвований была передача компаний СУЭНКО ценной коллекции дореволюционных и советских открыток – более двух с половиной тысяч экземпляров!

Жители Тюменской области часто приносят нам предметы и документы, представляющие определённый исторический интерес: награды, фотографии и письма участников Великой Отечественной войны или тружеников тыла, материалы по нефтегазовому комплексу, архивы известных личностей. Так, в прошлом году нам передали архивные материалы фотожурналиста Александра Ефремова... Вместе с тем я бы хотела отметить, что благотворительная помощь музею не всегда связана с какими-либо подношениями. Буквально на днях был заключён договор с тюменской компанией «Квартал Культура», решившей пожертвовать средства на реставрацию находящейся в собрании музейного комплекса имени И.Я. Словцова картины Айвазовского. А если продолжать разговор об источниках пополнения наших коллекций, очень часто мы покупаем интересующие нас экспонаты – на деньги, выделяемые в рамках государственного задания или на внебюджетные средства. В прошлом году приобрели 383 предмета на общую сумму 7 044 800 рублей, в этом году – уже 92 предмета на сумму 1 550 000.

– А есть ли у музея друзья среди краеведов, искусствоведов или историков, не являющихся его сотрудниками? И как строится это взаимодействие?

– С этими людьми у нас установлены самые тесные связи: известные тюменские краеведы и исто-

рики входят в Учёный совет ГАУК ТО ТМПО, со многими мы сотрудничаем по вопросам издательской деятельности и исторической экспертизы. Подобные дружеские контакты налажены по всей стране: единомышленники из других регионов оказывают нам большую помощь в проведении атрибуции произведений живописи и графики, также мы постоянно поддерживаем друг друга в осуществлении различных выставочных проектов.

– Светлана Юрьевна, на ваш взгляд, чем музеи Тюменской области отличаются от других сибирских музеев?

– Прежде всего, я отметила бы уникальные мемориальные предметы, принадлежавшие историческим личностям – они неизменно вызывают большой интерес посетителей. Кроме того, у нас богатые археологические собрания и коллекция редких книг, а главной гордостью ТМПО можно назвать раздел живописи, наиболее яркие и ценные произведения которого представлены в экспозиции «Шедевры художественной коллекции». Очень важно подчеркнуть, что редко в каком музее найдутся настоящие реликвии, поэтому, отвечая на ваш вопрос, я обязательно назову волос пророка Мухаммеда, который мы бережно храним. Когда-то он был привезён в село Ембаево для местной мечети известным меценатом, купцом Первой гильдии Нигматуллой Сейдуковым, а после революции передан в областной краеведческий музей. Волос помещён в стеклянную колбу, оправленную в серебро, – это не столько экспонат, сколько редчайшая

**Губернский музей,
г. Тобольск**

мусульманская святыня, и в праздничные дни верующие люди имеют возможность к ней прикоснуться. Что же касается общего числа музейных предметов в собрании объединения, их насчитывается более 930 тысяч.

– Музеи ТМПО постоянно нас радуют новыми, часто неожиданными проектами. И всё-таки приоткройте, пожалуйста, тайну: что вы готовите в нынешнем году для жителей области и её гостей?

– Каждый из наших комплексов обязательно представит что-нибудь интересное. Прежде всего, это будут проекты, посвящённые 80-летию Великой Победы «Время героев». Также в Тюмени реализуется новая программа для учащихся школ «Увертюра. Врата Сибири», включающая экскурсии и интерактивные мероприятия, продолжает работу салон «Музейно-ремесленный цех», задуманный как многофункциональное пространство для реализации совместных идей с мастерами народных промыслов и ремёсел. В Тобольске будут развиваться проекты, связанные с экспозициями Рентереи и открытого фондохранилища. Наконец, настоящий музейный бум ожидает Ялуторовск. После реставрации там вновь откроется дом декабриста Муравьёва-Апостола. Готовим к открытию Уездную читальню, Кофейный домик и Зелёную лавку. И конечно, у нас будет ещё много тематических выставок, пусть не таких крупных, но при этом значимых и содержательных, которые, как мне кажется, обязательно найдут своего поклонника и зрителя.

Геннадий Богомяков: Из воспоминаний дочери

К 95-летию

Рассказывая непосвящённому собеседнику о российском поэте Владимире Богомякове, я невольно говорю: «Это сын Геннадия Богомякова, первого секретаря Тюменского обкома КПСС». И неизменно получаю ответ: «А, да, такого помню».

Обком
КПСС, 1967 г.

Но кроме имени, к сожалению, сегодня мало кто вспомнит о том, каким был этот удивительный человек, много сделавший для процветания нашей области в 70-80-е годы прошлого века. Тем более мало кто знает, что в нынешнем году исполняется 95 лет со дня рождения и пять лет с момента его смерти. Исправить это упущение насущно и важно!

Беседуем с дочерью Геннадия Павловича Надеждой Богомяковой, которая в содружестве с издательством «ТюмГУ-Press» выпускает книгу воспоминаний о своем отце под названием «Абсолютно счастливый человек». Уже этим летом книга поедет на книжный фестиваль «Красная площадь» представлять издательство.

- Надежда, как пришла мысль издать книгу об отце?

- Идея появилась давно, но тогда думалось о самиздате для внуков и правнуков - хотелось описать какие-то мелкие милые детали, которые могут забыться. Когда же мне предложили написать книгу для широкого круга читателей, при-

Геннадий Павлович Богомяков - советский партийный деятель. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС. Один из создателей нефтегазового комплекса в Западной Сибири. Депутат Совета Союза Верховного Совета СССР 9-11 созывов (1974-1989) от Тюменской области. Депутат Верховного Совета РСФСР 8-го созыва. Член ЦК КПСС (1976-1990). Годы, в которые Богомяков был у руля области, ознаменованы бурным ростом промышленности, транспорта, социальной и культурной сферы, здравоохранения. Промышленность области в 1980-е годы давала в год свыше 400 млн тонн нефти, свыше 500 млрд кубометров газа и свыше 9 млн кВт электроэнергии. В этот период развивались производственная и социальная инфраструктура, транспортное сообщение, сельскохозяйственное производство обеспечивало область продуктами питания.

шлось немного переделать задуманный формат. Вместо камерного повествования для близких я попыталась рассказать о главном, что составляло дело жизни отца: о становлении энергетического комплекса, о годах руководства областью и так далее. Хотя я в этих темах не эксперт. Все места в книге, которые отведены экономике и политике - в основном цитаты из его собственных выска-

Дочь Надя с мамой Еленой Дмитриевной, апрель 1975 г.

Встреча с другом (Август Эдуардович Восс, латвийский и советский государственный деятель)

званий, взятые мной из ранее опубликованных источников. Одним из них стала книга Александра Леонидовича Вычугжанина «Это наша с тобой биография». Стыдно признаться, но раньше я её «не увидела» и не поняла, насколько она глубокая, подробная! Сейчас, когда наконец в неё окунулась, осознала, что с точки зрения политики и экономики о делах отца лучше сказать не смогу. И один из смыслов моей небольшой книги – дать вторую жизнь труду Вычугжанина.

Если говорить ещё об источниках, было очень хорошее интервью отца (он мало давал интервью) с Анатолием Константиновичем Омельчуком в программе «Персона» на ГТРК Регион-Тюмень. Омельчук – талантливый журналист: в передаче были интересны как его вопросы, так и ответы отца. И вот, когда мы с редактором Натальей Юсупхаджиевой книгу уже согласовали, утвердили и придумали эпиграф, я нашла диск с записью отцовского юбилея. И там, на диске, в заглавии были выделены те же слова, что я взяла для названия книги – «Могу считать себя абсолютно счастливым человеком»! Это он сам на своём юбилее сказал: «Неплохо сложилась жизнь, хорошо сложились отношения с женой и детьми, делал любимую работу, поэтому могу считать себя абсолютно счастливым человеком». Ну как было не зацепиться за такие слова! Одно из качеств отца – непрошибаемая жизнерадостность. Что бы ни происходило, он легко возвращал душевное спокойствие и равновесие.

– Наверное, приходилось при написании книги Вам как-то себя сдерживать, фильтровать? Когда, например, я пишу воспоминания о своем отце, вспоминаются такие характерные детали: се-

меняющая походка, любил щипать мочку уха, был суетливый, каждый день брился, здорово играл на бересте... Я имею право рассказывать такие вещи – папа не был большим начальником...

– Когда я собиралась писать текст для внуков, были одни идеи, но во время работы над книгой, задуманной к юбилею области, всплыли совершенно другие смыслы и планы. Очень личные вещи я там не привожу, к тому же встала перед дилеммой: если я рассказываю от своего имени, истории получаются про меня и про папу, а это не очень скромно. Иногда советовалась с друзьями... Когда захотела написать фразу, услышанную от отца под закат его лет: «Я уже давно по ту сторону добра и зла», – многие были против. «Не надо, не пиши об этом. Это какая-то странная фраза». Но я её оставила потому, что очень её понимаю!

Награды носил редко...

Я наблюдала в жизни отца много ситуаций с близкими или коллегами по работе, когда кто-то ему делал большую гадость, а он абсолютно прощал: будто просто встряхнул ушами – и всё, как не бывало. Он был поразительно незлопамятен. И когда я читаю про отца в публикациях 90-х годов фразу: «Со свойственной ему византийской расчётливостью», – улыбаюсь. Чего не было – того не было! По своей природе это был очень искренний, добродушный и не помнящий зла человек.

Они очень дружили с мамой: с ней он иногда обсуждал что-то рабочее, но никто из детей к этим беседам допущен не был.

Если же говорить о его характере, думаю, из-за напряжённой работы отец бывал вспыльчив. Все об этом говорили: если происходил какой-то серьёзный разбор и приезжал первый секретарь обкома, там чуть ли не скорая помощь дежурила. От него могло сильно достаться, впрочем, и остывал он также быстро.

А мама никогда даже слово «дурак» не произнесла. Она ни на кого не повышала голос и совсем не умела раздражаться! В то же время она четко провела черту: если папа хоть на децибел на неё голос повысил, долго потом извинялся, «ходил на задних лапах». Поэтому родители не общались на повышенных тонах.

Мама какие-то вещи (зная, что папа будет против) научилась делать без его разрешения. Так, очередную кошку я приносила с улицы, когда он был в командировке. Приезжал, и мы говорили, что кошка неделю уже здесь живет. Папа делал характерный жест – поднимал руку и махал ею с экспрессивным «а!». И кошка оставалась, хоть и вела себя не всегда прилично.

Он любил животных, но без нашего с мамой пиетета. Часто рассказывал про свою гончую Розку, с которой в детстве ходил в тайгу. Любил умных охотничьих собак, а дворняг, которых я подкармливала, в шутку называл «пустобрешка» и «кабздох».

Ещё один редкий кадр: обычно супруга Геннадия Павловича на встречах не присутствовала...

– Любовь к охоте и рыбалке у Геннадия Павловича, получается, родом из детства?

– Да, семья Богомяковых жила в таёжном поселке Яя Кемеровской области. Трудные военные годы, 11 своих детей в семье, плюс дед Паша взял на воспитание двоих сыновей репрессированного брата. Помогали выжить этой ораве и охота, и рыбалка, и грибы – тайга кормила. Отец вообще не умел просто гулять по лесу. Мы собирали всё, что могли: с весны березовый сок – святое дело! Потом начинался папоротник орляк, веники для бани, травы к чаю, ягоды и грибы. Отец привёз из Восточной Сибири луковицы черемши, которую в далёком детстве собирал в тайге и носил продавать к проходившим поездкам. На нашем огороде таёжная черемша стала одной из его любимых культур.

Что мне ещё нравилось в отце, это то, что за исключением каких-то форсмажорных случаев он свою добычу обрабатывал сам. Уток я ему помогала щипать и палить, но в основном сам. Рыбу чистил. А вот с грибами сидели всей семьёй. Но он умел это делать быстро.

Когда охотился на лося, то и меток был, знал, куда пойдет зверь. И когда отцу было уже за 80 лет, если у его знакомых истекала лицензия, они звали его на охоту – чтоб наверняка подстрелить добычу.

– Огород же ещё был, много сортов картошки...

– Не только картошка. Это абсолютно нормальная история – человек отдыхал на земле, копал грядки, радовался урожаем.

Отец категорически отказывался от наёмного труда. Из «внешних» помощников приезжали толь-

За целебными травами Геннадий Павлович любил ходить сам

ко газавики, землю в огороде тракторист пахал. А уборку в доме у нас никто не делал, кроме членов семьи, и грядки пололи сами – на старой обкомовской даче и в Исетском. У мамы пол-огорода было в цветах, она их раздаривала. Когда я оставалась на хозяйстве, меня удивляло, что люди идут со всей деревни, едут на машинах за цветами. Причем не так: «Дайте нам, пожалуйста, букетик», – а вот так: «Мне вот этот цветок, вот тот». Я потом шутила: «Ох, и избаловала ты, мама, соседей».

– Говорят, что великих мужчин делают их великие жены...

– Во многом – да. Мама поддерживала папу во всём, что касалось его работы.

– В вашем самоопределении родители участвовали? После школы куда-то вас направляли?

– Папа оказал некоторое давление. Я хотела стать геологом, как он. Мне хотелось ходить по лесам и полям, вся эта романтика. Но когда я ему сказала об этом, он ответил – нет, геолог – не женская профессия. И я пошла в мамину династию (мама и бабушка – биологи). Но сути это не поменяло – моя работа связана с полевыми сезонами!

В студенческие годы и мои однокурсники, и руководитель дипломной практики, в каком бы «затрапезном» после поля виде они ни были, всегда оставались у нас ночевать. Мне в гости позволено было приводить всех. После второго курса мы, студентки, были на сельхозработах и познакомились там с шофёрами из Сургута, подружались. Когда же одного из шоферов обокрали в аэропорту в Тюмени, он позвонил нам, и родители его выручили деньгами.

– Когда в кино показывают жирующих советских руководящих деятелей – это категорически не про вас, у вас перпендикулярная была жизнь...

– Мне говорят: «Ты же была золотая молодёжь», а я отвечаю, что каким-то удивительным образом ухитрилась не быть ею. Для отца понятие «друг» было очень важным. Важнее даже, чем родственник. Отец был очень хлебосольный, любил гостей, любил их угощать, песни за столом попеть, анекдоты порассказывать. Мама, напротив, не любила застолья и не хотела «пустого общения». Ей было приятнее сходить в театр, в филармонию.

– Наверняка есть истории о том, что народная память, молва – неблагоприятная вещь...

– На мой взгляд, отцу социум задолжал. Он бескорыстно отдавал себя всего, за исключением небольших «дивидендов» в виде наполненности и содержательности его жизни. Но в 90-е года разрушали всё, что создано. У нас жгли и резали дверь в квартиру. Каждый день на протяжении месяца разбивали камнями стекла. Я тогда поняла страшный факт: человека можно настроить против кого угодно, была бы проведена пропаганда.

С.А.И. Брежневым

Сама тогда читала в «Тюменском комсомольце» вымышленную обвинительную статью с фотографией трехэтажного дворца своего отца. Знаю точно: если бы мама не откладывала деньги, они бы даже в Исетском дом 40-го года постройки не купили. Отец много помогал родственникам – раздал бы всё. Он и на маму ворчал за то, что она «заялась накопительством».

Я думаю, что мой отец – человек, бескорыстно прослуживший людям, заслуживает того, чтобы о нем помнили. Но время идёт, а кроме того, что авиакомпания Ютэйр назвала его именем боинг, ничего больше не сделано. Нет пока ни памятной доски на доме на Хохрякова, 83, ни бюста...

Год назад группа ветеранов нефтегазовой отрасли попросила меня принять участие в их обращении в областную Думу с предложением назвать в Тюмени улицу именем Богомякова. Пришлось написать немало разнообразных писем и документов. Самым запоминающимся был для меня запрос, пришедший на электронную почту: «Перечислите заслуги Богомякова Г.П. в жизни области и города». Хотелось в ответ выслать ссылку из Википедии...

Вроде бы вопрос решился положительно... Улицы пока нет, но есть надежда, что она появится в «Ново Комарово» рядом с улицей Салманова. Хорошо, что в новой части города, где не надо ничего менять и переименовывать.

Иногда знакомые мне советовали не продавать дом в Исетском – сделать музей. Но нужны большие средства, чтобы его содержать. И, к тому же, дом этот отец после смерти мамы продал сам.

Когда мы в 2020 году разговаривали с Сергеем Корепановым, бывшим председателем Тюменской облдумы, моим предложением было учредить премию имени Богомякова для лучших студентов геологического факультета Тюменского нефтегазового университета, задействовав спонсорские средства

крупных компаний. Отец любил геологию и, если бы не партийная карьера, мог бы стать замечательным учёным. Вот это была бы Память!

Мы поговорили о книге и о самой Надежде с редактором издания – Натальей Юсупхаджиевой. Вот что она рассказала:

– Мы начали работу над книгой в августе 2024 года, закончили в декабре. Могу сказать о своей части работы – редакции. Для меня самое главное – установить связь с автором. Когда первый раз иду знакомиться, всегда немного волнуюсь. Мы работаем минимум два месяца над рукописью, тесно общаемся, потому что нужно понимать и стилистику, и его эмоциональную составляющую, и настроение. Сюжетный каркас Надежда Геннадьевна выстроила: нужно было его дополнить, разбавить эмоциями, впечатлениями, конкретными житейскими историями.

К примеру, она говорит: «Мой папа был артистичным». А что значит «артистичным»? Нужна какая-то краска, поскольку это художественная книга. И Надежда Геннадьевна начинает вспоминать семейные застолья, где папа пел или рассказывал стихотворения – живые детали дополнили книгу.

У Надежды Геннадьевны свой авторский стиль: она пишет достаточно длинные витиеватые пред-

На трибуне во время демонстрации

ложения, но они легко и гармонично читаются. И если я как редактор начну их урезать, то этот стиль нарушу, поэтому оставила текст практически нетронутым. Книга вышла в серии «Выдающиеся люди Тюменской области». Предполагается, что «ТюмГУ-Press» в дальнейшем будет издавать подобные книги о разных известных людях региона.

Жанр определили как документально-художественное издание. В книге много фотографий. Работа с фотоархивами – отдельный этап. На очередную встречу Надежда Геннадьевна пришла с чемоданом на колёсиках, наполненным фотографиями. Это сокровище для нас, потому что многие снимки ранее нигде не печатались. Они отличного качества, черно-белые и цветные. Геннадий Павлович в основном изображен в рабочей среде, но есть кадры из личного архива, например, где он на рыбалке, охоте. Как раз та сторона, которая нам была необходима, чтобы показать его в жизни, в быту. Так повелось, что у меня одновременно в работе бывает по несколько книг. Они абсолютно разные и по тематике, и по объёму, и по настроению. Но к этой работе я всегда возвращалась с улыбкой: так приятно мне было сотрудничать с Надеждой Геннадьевной и соприкасаться с выдающейся личностью Геннадия Павловича Богомякова.

Прибыл Август Эдуардович Восс, латвийский и советский го- сударственный деятель

С.Н.И. Рыжковым
в магазине
«Универсам».
Тюмень, 1987 г.

За теплоту в здоровом сердце: 40 лет Тюменскому кардиологическому научному центру

В этом году Тюменский кардиологический научный центр отмечает 40-летний юбилей. История тюменского кардиоцентра – пример величайшей самоотдачи, преданности своему делу и ответственности нескольких поколений врачей. Историю уникального учреждения в лицах нам рассказала заведующая научным отделом нарушений ритма сердца, научным отделом инструментальных методов исследования, доктор медицинских наук, профессор учебно-методического отдела, врач кардиолог-аритмолог высшей категории Татьяна Прокопьевна Гизатулина.

Интервью с Татьяной Прокопьевной оказалось одним из самых продолжительных на моей памяти. Нечасто видишь человека, настолько увлечённого своей работой, настолько уважающего и ценящего своих коллег... И даже не каждый раз встречаешь врача, чувствующего такую ответственность за своих пациентов.

– Татьяна Прокопьевна, расскажите, как Вы оказались в Кардиоцентре, у кого учились, что Вас привлекло в учреждении и привлекает сейчас? Почему когда-то ушли, но вернулись? Чем занимаетесь сейчас?

– Можно сказать, что в кардиологию я попала случайно. Моей первой специальностью была терапия, но буду ли кардиологом, я точно не знала. Закончив Тюменский медицинский институт с красным дипломом, я попала по распределению на станцию скорой помощи в Ялуторовске. Там и началось моё первое освоение кардиологии. Поводом для вызовов довольно часто были «боли в сердце». И сейчас трудно поверить, что на оснащении бригад тогда не было электрокардиографа. Довольно быстро стало понятно, что нам без него никак не обойтись, и я настойчиво стала просить главного врача Валерия Павловича Климова приобрести первый электрокардиограф для скорой. Пришлось самостоятельно освоить метод электрокардиографии. Училась я в свободное между вызовами время, используя инструкцию к аппарату и руководства. Позднее обучила и своих коллег. Скорая была хорошей для меня школой после окончания института. Я отработала все положенные мне три года, день в день.

В последний год работы я узнала, что в Тюмени заканчивается строительство Кардиологического центра и производится набор врачей для направ-

**Татьяна
Прокопьевна
Гизатулина**

ления в ординатуру по кардиологии в Москву. Мне досталось последнее место из пяти. Перед нами годом раньше уже прошёл набор специалистов в ординатуру и аспирантуру для работы в Тюменском кардиоцентре. Моё обучение проходило во Всесоюзном кардиологическом научном центре (тогда ВКНЦ АМН СССР, а сейчас это ФГБУ «НМИЦК им. ак. Е.И. Чазова»), который объединял три института, в том числе НИИ клинической кардиологии имени А.Л. Мясникова, расположенный в прекрасном огромном новом строении на улице 3-й Черепковской (теперь – улица Академика Чазова). Чувство было удивительное – недавно

ещё я ездила по ухабистым дорогам на машине скорой помощи, а теперь нахожусь в Москве, рядом со светилами медицинской науки, труды которых были для нас в то время основным источником знаний по кардиологии. Один академик Евгений Иванович Чазов чего стоит!

– К слову, непросто, наверное, было раздобыть научную литературу?

– Знаете, тогда, к счастью, выручала отличная серия книг «Библиотека практического врача». Это были тонкие, с мягкими обложками книжки небольшого формата. Они продавались по доступной цене, и мы умудрялись приобретать сразу несколько книг со своей стипендии. Сейчас печатные научные издания стали гораздо менее доступными.

Первые полгода я адаптировалась к новым условиям, было непросто. Меня прикрепили к отделению артериальной гипертензии, которое возглавлял академик Игорь Константинович Шхвацабая. После работы на скорой пришлось перестраиваться на академический стиль при оформлении историй болезни, во время докладов на обходах профессоров и академиков преодолевать свои комплексы. Уже на первом году обучения в ординатуре, попав в отделение аритмологии, я поняла, что вот это – моё. Аритмология меня захватила с первого же дня. Жизнь в отделении кипела, для меня всё было новым: современные инструментальные методы диагностики, сложные больные с аритмиями, которые стекались в отделение со всего Советского Союза, апробация новых антиаритмических препаратов, энергичные молодые сотрудники, готовые делиться знаниями и открытые для общения. Там я впервые освоила суточное мониторирование ЭКГ – метод продолжительной записи электрокардиограммы с использованием носимых специальных аппаратов. Тогда это была одна из основных методик в диагностике нарушений ритма сердца.

**Т.П. Гизатулина
(Кожемякина)
за аппаратом
суточного ЭКГ-
мониторирования
Del Mar Avionics
(1987 г.)**

Я посещала все конференции и клинические разборы, на работе засиживалась допоздна, порой еле успевая на последний служебный автобус. Вот так в Москве я нашла «свое» базовое отделение, в котором я «задержалась» на целый год. Кстати, для смены базового отделения мне пришлось для соблюдения формальных приличий пойти на прием к академику И.К. Шхвацабая, директору института и внештатному руководителю отделения артериальной гипертензии. Обратившись к нему, я честно призналась, что хотела бы в будущем заниматься аритмологией. Он очень доброжелательно отреагировал (видимо, удивился моей наивности) и с улыбкой ответил, что с пониманием и уважением относится к моему выбору, дав таким образом «добро».

– Волновались, нервничали?

– Почти нет. Игорь Константинович был очень интеллигентным и добрым человеком. Так был сделан мой первый активный шаг в сторону аритмологии, которой я осталась верна до сих пор.

Справедливости ради стоит отметить, что теорией нас тогда сильно не донимали и мы занимались самообразованием, следуя примерам «старших». Для меня таким примером стал Сергей Павлович Голицын (тогда он был старшим научным сотрудником, кандидатом медицинских наук, сейчас – профессор, доктор наук). Теперь я понимаю, что у нас была небольшая разница в возрасте, но он мне всегда казался недостижимой вершиной, и я считаю его своим главным учителем в профессии. И он, кстати, спустя годы признал факт моей причастности к его школе. Несмотря на все его профессиональные и человеческие качества, заносчивости в нём не было ни капли. Это удивительно достойный человек, блестящий профессионал, полностью отдающий себя работе, любящий и уважающий своих пациентов. За что бы Сергей Павлович ни брался – всё делал качественно. Потому для меня он – безоговорочный авторитет до сих пор.

Важно, что на одной учёбе в Москве подготовка специалистов для Тюменского кардиоцентра не закончилась. Инициатором открытия кардиоцентров в Томске, а затем в Тюмени был академик Евгений Иванович Чазов. Подготовка кадров для Тюменского кардиоцентра также проходила по его решению в лучшем кардиоцентре страны – ВКНЦ. Кроме того, он инициировал приезд в Тюменский кардиоцентр в годы его становления ведущих учёных ВКНЦ, лучших специалистов и исследователей в области кардиологии. Сейчас я понимаю, насколько для них это было непросто в конце 80-х! Сергей Павлович Голицын, например, провёл целый месяц в Тюмени, проживал в гостинице «Колос» и до сих пор вспоминает те нелёгкие времена.

– Очень неожиданная и альтруистичная задумка!

- В Москве каждый из нас, обучающихся, имел свою траекторию, своё базовое отделение. После возвращения в Тюмень мы начали передавать свои знания коллегам. Я пришла работать в кардиологическое отделение под руководством Татьяны Юрьевны Горбуновой, параллельно занималась холтеровским (суточным) мониторингом ЭКГ. Постепенно образовалась группа энтузиастов этого метода из трёх человек, в которую кроме меня вошли Татьяна Николаевна Енина и Юлия Михайловна Кляшева. Обучение этому методу врачей из других медицинских учреждений долгое время проходило под нашим руководством. Все трое впоследствии защитили докторские диссертации.

В 1988 году с приездом из Новосибирска профессора Олега Сергеевича Антонова и его четверых учеников, в том числе Вадима Анатольевича Кузнецова (впоследствии - директора Тюменского кардиоцентра), началась новая эра развития Кардиоцентра. В 1990-м впервые в Кардиоцентре было открыто отделение аритмологии, заведующим которого стал Михаил Симонович Шурин. Я в это время обучалась в очной аспирантуре и совмещала научную работу с практической в качестве врача-кардиолога отделения аритмологии.

После защиты кандидатской мой научный руководитель В.А. Кузнецов рекомендовал мне продолжить научную работу и определиться со сво-

**М.С. Шурин
(в центре) и
С.В. Панфилов
(справа)
проводят
чреспищеводное
ЭФИ
(г. Новосибирск,
1988 г.)**

им исследовательским направлением. Это было сложно. В 90-е годы, сами знаете, с оборудованием была беда - выкручивались всячески, были те ещё самоделкины. Но я никогда не прекращала свою врачебную деятельность. Помощь пришла неожиданно - в лице моего замечательного пациента Григория Моисеевича Ромалиса, профессора кафедры математики Тюменского индустриального института. Он, вооружившись нашей идеей изучения variability сердечного ритма, разработал специальную авторскую программу. Мы очень вдохновились, получив с её помощью интересные научные результаты. В итоге благодаря этой программе нам удалось защитить одну докторскую и две кандидатские диссертации и получить патент.

В то время как мы занимались научным поиском, клиническая аритмология в Кардиоцентре продолжала развиваться, появились новые кадры: Георгий Геннадиевич Шахов, Ирина Артуровна Ярцева, Всеволод Евсеевич Харац и другие. В конце 90-х директор В.А. Кузнецов предложил мне совмещение должностей научного руководителя и заведующего отделением аритмологии. Это были годы становления интервенционной аритмологии в нашей стране.

В 1999 году в Москве на базе ВССХ имени А.Н. Бакулева я была направлена на первый в России курс по электрофизиологии. Эта учёба стала

большим событием в моём профессиональном совершенствовании. Именно там я познакомилась с ведущими российскими аритмологами из разных городов России – от Петербурга и Калининграда до Дальнего Востока. Во время учебы мне повезло впервые присутствовать на операциях катетерной аблации, проводимых ведущими специалистами, в том числе российского аритмологического лидера – академика Амираана Шотаевича Ревитшвили.

Развитие интервенционного направления в Кардиоцентре осуществлялось интервенционными хирургами отделения рентгенхирургических методов диагностики и лечения под руководством заведующего – кандидата медицинских наук Игоря Павловича Зырянова. Именно он в 1992 году выполнил первую имплантацию электрокардиостимулятора и первую электродеструкцию АВ-соединения в Тюменском кардиоцентре. Впоследствии его ученик, Григорий Колунин, стал лидером интервенционной аритмологии в Тюменском кардиоцентре. Первые операции катетерной аблации выполнялись на отечественном оборудовании производства фирмы «Биоток» (г. Томск) и с поддержкой специалистов из Томского НИИ кардиологии: профессора Сергея Валентиновича Попова и доктора медицинских наук Александра Ивановича Офёркина. Таким образом, Кардиоцентр стал первым в Тюменском регионе специализированным аритмологическим центром, выполняющим высокотехнологичные операции при аритмиях.

В начале 2000-х стало понятно, что, несмотря на лидерство Кардиоцентра в области высокотехнологичных операций и кардиологической науки, проблема оказания экстренной медицинской помощи аритмологическим пациентам не решена. Главной проблемой её решения являлась нехватка площадей и специфика самого здания Кардиоцентра. Одновременно стало известно об открытии областной больницы интенсивного лечения (ОБИЛ) в Патрушево, куда должна была переехать и кардиохирургическая служба с ул. Котовского, 55 – старого здания областной больницы. Когда я впервые оказалась в этом прекрасном новом здании, построенном по специальному проекту, сразу поняла – это оптимальное место для развёртывания аритмологической службы. Решение о моём переходе в ОБИЛ (впоследствии ОКБ №1) созрело внезапно и безоговорочно. Я старалась не думать о предстоящих трудностях и возможном непонимании со стороны коллег. Многим моё решение показалось спонтанным и необдуманным: как можно было оставить должность научного руководителя и заведующего отделением и начать заново строить карьеру в возрасте 44 лет с рядовой должности врача-кардиолога? Трудностей, конечно, хватало, не хочется об этом вспо-

минать. Но я ощущала поддержку администрации больницы, коллег и, конечно, наших пациентов. Формирование службы заняло около трёх лет. В 2002 году было организовано специализированное аритмологическое отделение, а в 2004-м, наконец, вышел долгожданный приказ департамента здравоохранения о перераспределении потоков экстренной госпитализации пациентов с нарушениями ритма и проводимости сердца в ОКБ №1.

Основной проблемой первых лет работы была нехватка кадров. Чтобы подготовить врача-аритмолога, необходимо не меньше пяти лет специального обучения. Кроме клинической подготовки, врач-аритмолог должен владеть методами ЭКГ-диагностики, в том числе холтеровским мониторингом ЭКГ, уметь программировать антиаритмические устройства (кардиостимуляторы, кардиовертеры-дефибрилляторы), иметь знания по электрофизиологии, самостоятельно проводить специальное электрофизиологическое исследование. Естественно, для этого потребовалось время. Начинать мы вместе с Дмитрием Николаевичем Хомутининым, который перешел вместе со мной из Кардиоцентра. Поначалу ему пришлось взять на себя самое сложное – оказание экстренной помощи аритмологическим больным по линии Центра медицины катастроф, расположенном при ОКБ №1. Ему приходилось выезжать в различные уголки Тюменской области, транспортировать пациентов в ОКБ №1. Дмитрий Николаевич впервые начал выполнять высокотехнологичные операции при аритмиях.

Сейчас аритмологическая служба в Тюменской области налажена хорошо: имеются два специализированных аритмологических центра, Кардиоцентр и ОКБ №1. Создана четко функционирующая система оказания экстренной и плановой, в том числе высокотехнологичной, помощи пациентам с нарушениями ритма сердца.

И.П. Зырянов (крайний справа) и его ученики: хирург-аритмологи Г.В. Колунин (второй слева) и Д.В. Белоногов (второй справа)

**Марина
Игоревна
Бессонова**

О Марине Игоревне Бессоновой, нынешнем директоре ТКНЦ

Во главе Тюменского кардиоцентра стояло немало профессиональных врачей и именитых учёных. С 2017 года к рулю встала кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ Марина Игоревна Бессонова. В 1988 году Марина Игоревна с отличием окончила лечебно-профилактический факультет Тюменского государственного медицинского института. В Кардиоцентр попала после ординатуры по распределению. Место оказалось действительно её: десять лет Марина Игоревна трудилась в стенах Центра как врач-рентгенолог, а свободные от врачебной практики часы посвящала общественной деятельности в профсоюзном комитете, в котором с 1997 по 2000 год даже была председателем. В 2010 году Марина Игоревна стала главным врачом и трудилась в этой должности вплоть до последнего, главного назначения.

В областной клинической больнице №1 я трудилась в течение семнадцать лет, создала с нуля (не буду скромничать) аритмологическую службу, сформировала коллектив специалистов-аритмологов. Одновременно все эти годы занималась преподавательской деятельностью на кафедре кардиологии последипломного образования. Времени и сил на научную работу практически не оставалось, тем не менее в 2005 году защитила докторскую диссертацию. Но постепенно я стала ощущать неудовлетворенность и усталость от ежедневной рутины, поняла, что скучаю по научной работе. Стало ясно, что пора что-то в жизни менять, пока не наступило профессиональное выгорание. В феврале 2018-го, вскоре после своего дня рождения, я, недолго раздумывая, позвонила директору Кардиоцентра Марине Игоревне Бессоновой и после нескольких приветственных слов услышала лаконичный ответ: «Мы Вас ждём».

Это были какие-то очень вдохновляющие, нужные для меня в то время слова, которые всё расставили по своим местам. Мне тогда стало ясно, что я готова к возвращению в учреждение, которое всегда оставалось для меня родным. При первой же встрече с Мариной Игоревной мы моментально обо всём договорились, и я вернулась в Кардиоцентр, сперва на должность старшего научного сотрудника, а затем руководителя научного отделения нарушений ритма сердца. Занявшись вновь научной работой, поняла, насколько мне её все эти годы не хватало. Я с жадностью начала наверстывать упущенное за время работы в практическом здравоохранении: буквально

«проглатывала» англоязычные научные статьи в ведущих журналах, экспертные консенсусные документы. Вернулась к написанию статей, планированию научных проектов, возобновила преподавательскую деятельность, обрела новых учеников. Жизнь заиграла другими красками. Стало понятно, что 17 лет моей работы в практической аритмологии не прошли даром: сформировалось много новых мыслей и идей, стали понятны актуальные тренды научных исследований. Один из них связан с проблемой фибрилляции предсердий – наиболее распространенной в настоящее время аритмией. Она значительно ухудшает прогноз пациентов, повышает риск инсультов и смертность. Увеличение числа таких пациентов сравнивают с эпидемией. До сих пор не до конца понятны причины такого высокого роста заболеваемости. Учёные всего мира работают в направлении прогнозирования развития ФП, её ранней диагностики и разработки эффективного лечения. Меня не перестает удивлять, как учёные в разных уголках мира думают в одном направлении, определяют сходные задачи и пути их решения и понимают друг друга с полуслова, несмотря на языковые барьеры. Знаете, я серьёзно считаю, что профессиональное сообщество – это как семья. Огромная часть жизни у людей, трудящихся с отдачей, приходится на работу в профессии, поэтому товарищи по основному ремеслу становятся одними из самых близких людей.

– Приближённость науки к медицинской и преподавательской практике создаёт новый образ врача в обществе. Работники Тюменского

кардиоцентра пользуются особым доверием, воспринимаются уже не как просто профессионалы, специалисты в своей области, а как исследователи-инноваторы.

– У нас много внимания уделяется общению с пациентом. Это является основным принципом работы в ТКНЦ. Пациент – это главная фигура в нашем Центре. Он окружён вниманием, заботой, уважением. Общение с пациентом необходимо для успеха в лечении. Врач и пациент должны тесно сотрудничать, доверять друг другу. Это не исключительно моё мнение, а один из главных принципов современной медицины. Предупредить болезнь не менее важно, чем её вылечить, поэтому большое внимание уделяется факторам риска заболеваний и их коррекции, а оказание пациенту своевременной поддержки ещё до развития заболевания – одна из главных задач врача.

– Как Вам кажется, престижность профессии выросла за последние годы (в России, в нашем регионе, в Тюмени)? Можно немного именно об аритмологии?

– Все хотят быть здоровыми, поэтому, конечно, труд медицинских работников был и остаётся важным. Что касается профессии учёного, то, к сожалению, не могу сказать, что это стало более престижным. По-прежнему исследователи, в том числе и в медицине, – это упорные одиночки, которым просто неинтересно заниматься рутинной работой, которые любят учиться и познавать новое. Настоящих учёных и не может быть много. Но я бы сказала, что с подготовкой научных кадров сейчас возникает немало трудностей. И истоки этой проблемы нужно искать в прошлом нашей академической науки и педагогики.

– Что нового появилось в «медицинском репертуаре» Центра за эти годы? Пожалуйста, расскажите о последних достижениях Центра и его сотрудников, нововведениях в его работе, о Ваших достижениях в науке?

– В ТКНЦ используются различные современные методики лечения пациентов с аритмиями. В частности, установка окклюдера в ушко левого предсердия, что позволяет предупредить развитие тромбоэмболических осложнений у пациентов с фибрилляцией предсердий (ФП). Такое лечение прежде всего подходит пациентам, которые имеют высокий риск таких осложнений и не переносят или не желают постоянно принимать антикоагулянты. Другой новый метод – кардионейроабляция. Это малоинвазивный (без хирургических разрезов) метод лечения брадиаритмий (редкий сердечный ритм), который в ряде случаев позволяет избавить молодых пациентов от имплантации электрокардиостимулятора. Этот метод до сих пор не введен в официальные клинические рекомендации, поэтому подобные операции выполняются пока только в рамках научных исследований.

За последние годы удалось намного больше узнать о таком заболевании, как фибрилляция предсердий (ФП). Это наиболее часто встречающаяся аритмия. Количество пациентов с ФП, как я уже упоминала ранее, прогрессивно увеличивается. Сейчас на основании результатов исследований мы можем прогнозировать, у какого пациента с ФП больше шансов получить положительный результат после операции катетерной абляции. Мало того, мы знаем, как повысить эффективность этой операции. Благодаря нашим научным разработкам возможно лучше подготавливать пациентов к этой операции, чтобы сделать её более действенной и безопасной. На основе последних разработок мы получили три патента, разработали два калькулятора, позволяющих оценивать наличие тромба в ушке левого предсердия, а также выявлять выраженный фиброз в левом предсердии, который является причиной снижения эффективности катетерной абляции.

Т.П. Гизатулина на Международном конгрессе «Кардиостим»

О запланированном XV Международном конгрессе

В свой юбилейный год Тюменский кардиологический научный центр провёл XV Международный конгресс «Кардиология на перекрёстке наук». Специалисты различного профиля смогли встретиться как офлайн на базе Кардиоцентра, так и онлайн. Изюминка конгресса – полидисциплинарность. Это же зачастую и условие решения многих проблем в медицине. С кардиологами на этом мероприятии встретились хирурги, эндокринологи, эксперты-онкологи, диагносты в ультразвуке, генетики, детские врачи и даже психиатры и IT-специалисты.

– Часто ли Тюменский кардиоцентр становится площадкой для научных мероприятий различного масштаба (конференций, симпозиумов разного уровня: регионального, всероссийского, международного), что планируется в этом году?

– Да, у нас большой опыт в проведении конгрессов. В этом году 23-24 мая состоялся конгресс в честь 40-летнего юбилея ТКНЦ. В прошлом году у нас был дебют: Первая конференция по Арктической медицине («Медицина в Арктике: в фокусе – сердце»). Она прошла очень успешно: из различных городов нашей страны приехали коллеги, которые занимаются арктической медициной, чтобы поделиться своими ценными наработками в этой области. И, знаете, оказалось, что ТКНЦ – лидер по количеству публикаций по проблеме болезней кровообращения в Арктике!

Три года назад у нас открылся научно-медицинский центр «Аритмология», и в честь этого события также состоялась конференция. На мероприятии собрались специалисты-аритмологи из множества регионов России, оказав нам большую поддержку.

– Вовлекаются ли в научную работу студенты Центра? Какие планы на будущее: над чем учреждение завершает или начинает работу в ближайшие годы? Какие планы у вас как у ученого и врача?

– Да, ученики есть – и приходят новые. Прежде всего это врачи кардиологи-аритмологи ТКНЦ. Под моим руководством защитились за годы моей работы шесть кандидатов наук. Мне приятно, что все они остаются практикующими врачами и занимаются преподавательской деятельностью.

Сейчас приходят новые ребята-ординаторы. Очень любознательные, старательные. Своей задачей я считаю «дать им удочку» – научить методологии научной работы, а «рыбу» они должны научиться ловить сами.

Стараюсь планку при подготовке диссертаций держать как можно выше: выбираю всегда сильных и принципиальных оппонентов и призываю своих подопечных не бегать от трудностей, отвечать на сложные вопросы. Планы у меня, конечно, есть, хотя возраст уже ограничивает их масштаб и отдаленность. Но я по-прежнему ставлю перед собой новые задачи, выполнение которых позволит мне стать на ступень выше в профессии научного сотрудника. Это касается и публикаций в иностранных изданиях более высокого рейтинга. Главным своим достижением в последние годы считаю своё участие в рабочей группе экспертов, разрабатывающих российские клинические рекомендации по проблеме желудочковых аритмий и внезапной сердечной смерти. Это очень почетно, хотя и трудозатратно, а

О работе и возможностях ТКНЦ

Тюменский кардиоцентр – место интеграции научных открытий в медицинскую практику. Центр может похвастаться и качественным техническим оснащением, и исключительным профессионализмом врачей. Сейчас в Центре выполняются малоинвазивные вмешательства, в частности с использованием катетерных методик лечения сердца и сосудов. Специалисты Тюменского кардиоцентра используют эффективные современные методы диагностики и лечения ишемической болезни сердца.

В Тюменском кардиологическом центре можно получить высокотехнологичную медицинскую помощь: коронароангиографию, имплантацию кардиовертера-дефибриллятора, имплантацию электрокардиостимулятора (ЭКС), криоабляцию, радиочастотную абляцию (РЧА), сердечную ресинхронизирующую терапию (СРТ), транслюминальную баллонную ангиопластику сосудов нижних конечностей, стентирование коронарных артерий.

В ТКНЦ медицинскую помощь оказывают как взрослым, так и юным пациентам: родители могут обратиться к детскому кардиологу.

Для восстановительной и вспомогательной терапии в Центре трудятся массажисты и инструкторы по лечебной физкультуре.

В 2024 году кардиоцентр и его специалисты вошли в десятку лучших в регионе по итогам Всероссийской премии «ПроДокторов – 2024».

главное, доказывает, что даже работая в регионе, можно находиться в центре событий отечественной аритмологии.

Сейчас новой, пока непокоренной вершиной для нас остаётся получение гранта Российского научного фонда (РНФ) для финансирования новых проектов. Это сложно, но мы с коллегами продолжаем трудиться для этого. В ближайших планах – попытаться расширить рамки проекта до междисциплинарного, но о подробностях я пока умолчу.

Что касается непосредственно научной темы, то в качестве приоритетной в последнее время остаётся проблема тромбоза ушка левого предсердия у пациентов с фибрилляцией предсердий (ФП). Она очень актуальна, поскольку наличие тромбоза делает невозможным выполнение операций катетерной абляции при ФП – самого эффективного способа лечения этих пациентов в настоящее время. Эта проблема тесно связана с проблемой инсульта как самого опасного осложнения этой аритмии.

Медицинская наука – это лучшее, что может случиться в судьбе врача. С одной стороны, это всё делается для того, чтобы помочь человеку, а с другой – это то, что позволяет врачу подняться над рутинной, помогает постоянно развиваться, открывать новое и делает жизнь в профессии ярче и интереснее.

«Оказалось, что ТКНЦ – лидер по количеству публикаций по проблеме болезней кровообращения в Арктике!»

Мирослав Бакулин: «Радость о Боге – крепче здешней жизни»

«Я пишу только те вещи, которые были реальны. А людям думается, что я балуюсь – пишу какие-то небылицы. Но жизнь всегда шире, чем наше воображение. И когда придерживаешься реальности, то видишь, что она глубока и интересна, Господь просвечивает через все вещи, как свеча через пергамент. Мне жизнь сама по себе интересна, и я искренне, глубоко увлечён Евангелием».
(интервью Мирослава Бакулина для радио «Свобода»)

Один мой друг, близкий друг харизматичного тюменского деятеля Мирослава Бакулина, признался мне однажды, что в этом программном заявлении – что в эпиграфе – Мирослав-таки выдает не всю правду о себе. Ведь писатель, даже когда пишет о реальности, описывает её, пропускает эту реальность через себя – со-творяет («со» – совместно с Богом творит) её новою в слове, в выборке слов для её описания. В этом акте и случается некое мифотворчество, возможно, создание легенды о том, что ему сопричастно сегодня и сейчас. И в этом своеобразном таинстве – и есть соль писательского искусства.

Год назад очень ярко проходила экспозиция работ Мирослава-художника и его друзей-художников на выставочном пространстве ТБДТ. Много говорилось о молодости Бакулина, увлечении неформальным движением и искусством. В декабре этого года друзья Мирослава соберутся вспомнить об этом человеке, равном по размаху талантов творцам эпохи Возрождения – писателе, поэте, философе, художнике, преподавателе, редакторе, издателе, муже и отце четырёх детей – на пятую годовщину со дня его ухода от нас.

И к этой дате сегодня хотелось бы приурочить скромный разговор о двух важных гранях Мирослава: писательской и человека православного, глубоко верующего.

Я долго не могла определиться, как построить свой текст. Вычленять главные мысли и переска-

Мирослав Бакулин.
Фото Андрея Павлычева

зывать сюжеты его рассказов и романов – как-то не для формата журнала. Выдавать своё критиканское отношение за истину в последней инстанции – да кто я такая, чтобы критиковать друга? И я решила просто опубликовать интервью с женой Мирослава Натальей. А после с небольшим моим комментарием поделиться с вами созвучными мне мыслями и восхитившими меня поэтическими находками Мирослава, всегда парадоксальными, сочными, «сюрными» и необыкновенно свежими. Что-что, а владеть словом, уметь подобрать верные буквы он умел, как мало кто из нас...

...Иду по мартовскому холодку с припекающим по-весеннему солнцу, по Перекопской, сворачиваю на Гайдара – и в нос шибает свежий воздух деревянного закутка. Город кончился, началась благодать разлианна «деревенского» островка Тюмени с низкими, вросшими в землю домиками, узкими тропинками, тишиной и инаковостью здешнего мирка. Дома у Миры я бывала редко, не была лет десять, если не больше. Но помню эту келейную малюхотность комнат, запах деревянного жилища, полки с книгами и стоящими перед ними иконками – до потолка... Как всегда, улыбчивая и собранно-стро-

гая Наташа щедро одаривает меня тремя книгами Мирослава – «Зубы грешников», «Всякое дыхание» и «Песни птицы О», даёт почитать «Полный досвидос». Начинаем неспешно разговор...

– Последняя моя встреча с Мирославом при его жизни была на презентации книги святителя Иоанна Тобольского. Он тогда рассказал об удивительной истории своей встречи с Богом...

– События эти описаны в мини-спектакле «Встреча», где играл актёр Михаил Панюков, а происходит это в Крестовоздвиженском храме с иконой Христа. Мирослав до того, как воцерковиться, ходил в церковь исключительно за книжками, а священник однажды кадилом загнал его в центр храма. Перед этим Мирослав как раз прочёл, что выходить до окончания богослужения плохо. И вот он там стоял и, по сути, творил антимоливу – чтобы поскорее кончилась служба, устал, хотел домой на диванчик. А потом поднял глаза и увидел Живаго Бога. Очнулся, когда уже служба закончилась, когда уже техника ему сказала идти домой. В спектакле это рассказано очень живописно.

Святитель Иоанн Тобольский – наш сибирский святой, его мощи по сей день находятся в Тобольске. Когда приезжали в Тобольск, первым делом кланялись ему, он – покровитель Сибири, к нему прибегали за помощью. И когда Мирослав приезжал туда (он часто бывал в Тобольске), то сначала – на поклон к мощам, а потом уже все свои житейские дела решал. И он рад был потрудиться прославить неизвестный труд святителя «Феатрон». Много кто брался за него – не получалось. Это был колоссальный труд, на который было затрачено два года жизни. Зная Мирослава с его интенсивной, дикой производительностью труда, два года – это очень много. Перевод – это же не только перевод строчки, абзаца, главы – всю книгу в голове нужно держать. А там описываются люди и события, о которых и в интернете-то ничего нет. И Мирославу с командой издательства «Русская неделя» приходилось находить исторические хроники и увязывать события. Очень тяжело. Мирослав даже во сне бормотал что-то связанное с

Презентация изданий сибирских святителей – А. Новопашин, С. Козлов, М. Бакуинн.

Фото из архива газеты «Тюменская область сегодня». Автор неизвестен

переводом и говорил, что искренне боится сойти с ума. Тяжёлый, объёмный труд.

– Книги Мирослава тоже так или иначе связаны с верой. Есть какие-то истории про их написание – хронологически? Или хаотично писал рассказы, а потом собирал в книгу? В общем, как происходило рождение его книг?..

– Это было в начале 2000-х годов. Первую – «Зубы грешников» – он много лет писал в стол, это сборник рассказов. В то время работал редактором Сибирской православной газеты. И в силу этой должности не считал возможным писать рассказы, откровения свои в газету. Это было бы где-то даже непрофессионально, неуместно и не корректно. Мирослав никогда не называл себя писателем, просто «преподаватель и философ». Мы студентами приходили тогда к нему в редакцию, общались, прогуливались с ним и его друзьями.

Идею оформить рассказы в книгу ему подал отец. Общаться с отцом (я имею в виду разговаривать по-взрослому глубоко) начали где-то после 30-ти лет Мирослава. Именно редакторский, литературный опыт отца задал ему планку. Ну и, может быть, совпали события: он в один год ушёл с преподавательства в строительной академии и из Сибирской православной газеты... помню, сидели на лавочке около дома, беседовали с отцом, и вот он решился издать книгу.

На тот момент книга имела колоссальный успех. Было переиздано порядка 11 тиражей! Её покупали и в Москве, и в Питере.

События второй книги связаны с больницей, где лечили нашу дочь Варю (Варя умерла в возрасте 5 лет – С.Р.). Именно год пребывания в онкоцентре Блохина в Москве (ныне Национальный медицинский исследовательский центр онкологии имени Н.Н. Блохина) оказался как никогда плодотворным в плане творчества. Человек оказался без повседневной работы, и это вылилось в литературный труд. В тот год было издано три книги, больше всего времени посвятил роману «Пётр Иванович». На мой взгляд, совершенно неоценённый и очень сложный. Я ему тогда задавала вопрос: «Не хочешь дать читателю послабление и где-то, может быть, прокомментировать, хотя бы предисловие написать? Тебя же, может быть, единицы поймут, всё слишком сложно!» Когда он разжёвывает – тогда понятно. Нет! Он принципиально не хотел. Автор есть автор.

Он шагал дальше. Его отец позже сказал: «Я боялся, что ты останешься автором одной книги». То есть, когда первая книга приносит феноменальный успех, потом тяжело уже написать что-то стоящее, чтобы это было в уровень и уж тем более выше.

Кто-то из православных сказал про «Петра Ивановича»: «Это роман, в который натолкана тысяча историй». Я помню, что у меня возникла ассоциация с тем, что, когда я по юности в первый раз прочитала Евангелие, тоже было впечатление, что написано

слишком просто. Но потом думаешь, что богословы-то не зря бьются – годами изучают Евангелие, наверняка не всё так просто! Роман – опыт православного аскетизма, адаптированный в художественную литературу.

После вышел «Полный досвидос» – это совершенно иной формат. Мирослав сказал: «Я хочу писать для себя, не на публику, не поточные рассказы, которые шли бы на «ура». Его рассказы в этой книге перекликаются с разными фотографиями, никак не связанными с текстом. Ему нравилось думать над фотографией, и он делал к ним подписи. И в одном мессенджере пришла от читателя реакция: «Ваши подписи интереснее, чем сами фото».

Дальше у Мирослава вышли дневниковые записи за десять лет – «Всякое дыхание». Дневник он вёл с ранних лет, но в книгу вошло, конечно, не всё. Закончилась книга периодом, когда умерла Варя и родился Федя (младший сын).

Был последний сборник эссе «Песни птицы О». Интересная беседа была на радио «Свобода». Мирослав встречался с ведущим священником Яковом Кротовым (историк, публицист). Он один из немногих людей высоко оценил Мирослава как эссеиста. И он тогда отметил: «Вам больше эссе удаётся».

...В фильмах показывают писателей – их муки творчества, когда они не знают, как продлить, закончить роман... Мирослав всегда на это смотрел с недоумением. Он говорил: «В моем понимании книга – это то, что невозможно держать внутри, нужно выплеснуть на бумагу». И рассказ пишется с конца – сначала приходит финал.

– Христианство – как оно проявлялось в быту...

– Любое дело, за что бы ни брался, считал, что делает для Бога. Поэтому выкладывался максимально: будь то человек пришёл и о чём-то его просит или решение насущных дел. Но главным для него были люди. Говорит: «Вот он человек живой, тёплый. Он всегда в приоритете других дел». Какой бы ни был цейтнот, он всегда находил время для посетителя. Все дела в сторону отодвинет, повернётся и полдня просидит-проговорит с незнакомцем.

– Как это сказывалось на семейной жизни? Не приходилось за него трудиться?

– Мирослав был трудоголиком, и я в быту ничего от него не требовала и не ждала. Хотя он много потрудился, своими руками провёл водопровод, горячую воду, сделал септик. Мы вдвоем строили котельню. С годами я уже поняла, что ему просто нужен отдых, и все ресурсы тратила на то, чтобы он мог полноценно расслабиться.

Работал просто на износ: преподавание в Строительной академии, в газете – каждый месяц выпускал восьмиполосную газету, как «Тюменская правда». После, когда он организовал «Русскую неделю», вообще отпуска никакого не было. При его характере и энтузиазме, конечно, надорвался. Старались путешествовать, чтобы у него голова немного отдыхала. Мирослав это называл топосотерапией.

Дом был для него в прямом смысле местом, где мог спрятаться от всех. В редакции, на работе жизнь кипела, бурлила, нередко он мог вспылить, накричать. Был случай, когда он был в командировке, приехали иногородние священники, хотели переночевать, и я невольно подслушала разговор: «Как она с ним живёт, он же такой...» Я не выдержала и вмешалась: «Дома он абсолютно другой! Кто-то на работе из себя строит мягкого и пушистого, а приходит домой и на домашних отрываётся. У нас – наоборот. У Мирослава жизнь кипит вне дома, а дома он – одна сплошная любовь». Они сильно удивились.

– Помню, Мирослав рассказывал истории с чудесами, вплоть до того, что встречал какого-то святого на лестничной площадке в больнице... делился с тобой чем-то подобным?

– У православного христианина вся жизнь наполнена чудесами! Просто их надо уметь видеть! Каждое утро, каждый день – чудо. Это сложно артикулировать, облекать в слова – это надо чувствовать!

У Мирослава вся жизнь состояла из чудес.

При нашей с ним колоссальной разнице: в возрасте, интеллектуальной, интересов, – нас объединяло единство в главном – мы верили в Живого Бога. Это было важнее всего. На фоне этого мы могли пережить всё, что угодно. Любовь покрывает всё, что бы ни происходило, как бы тяжело не было... И когда умерла Варя, он сказал: «Любящие пары не могут пережить смерть ребёнка – расходятся, а мы с тобой наоборот ещё теснее стали, ближе».

...Я добросовестно прочла все три подаренные и одну на «погонять» книги Мирослава. Мне как человеку другого вероисповедания, но всё-таки верующему, откликнулись, конечно, его слова о Боге. Мне не очень близки его чернозёмные, телесные, от плоти – плотные описания и метафоры, бытовые – слишком, по-бунински реалистичные зарисовки. Но восхищают неожиданные метафорические образы и бакулинское умение невообразимым образом связать низкое, порой, слишком, до эпатажности низкое с возвышенным, горным. Предлагаю и вам, дорогие читатели, порадоваться и восхититься талантом нашего земляка.

**Книги
Мирослава
Бакулина.**
Фото Сергея
Козлова

«Листья трепещут живою рыбкой в соусе оранжевого солнца. Молодая мамаша с коляской засмотрелась на облако и сладостно затаилась сигаретой. Листики на деревьях бутафорски зеленеют. Асфальт стоит твердней, на которой зиждется спокойствие мира. Птицы издали, приглушенные машинами, напоминают о рае. Собаки бегут куда-то, как всегда, с озабоченным и осмысленным видом. Черный кот лежит в пыли и презирает собак всем своим бархатным треугольным носом. Май в Сибири сир и порывист, но в нас уже разлилась нега, мы вряд ли вспомним это время из-за его нестрадательности. На Вознесение захлопнется алтарь, и наступят самые страшные дни в году – ожидание Параклета».

(«Всякое дыхание»)

«У тебя недостатки есть, а у народа, как у самой жизни, недостатков нет. Потому что народ и жизнь одно и то же – дом бытия».

«Источник всех бед – гордыня, а мне совершенно нечем гордиться перед моим народом, мне хочется затеряться среди него. И я затерялся, словно меня искали те, кто знал, в чём я виноват. Я растворился, и меня свои не выдадут. Теперь мне не надо думать, где голову подклонить, потому что весь мир – мой дом, везде я – к месту, везде я – дома. Тепло мне стало в толпе, хорошо».

«Иди за слезой. Путь слезы – особый путь. Он научит тебя всему. Слеза течёт сверху, а очищает всё тело от нечистоты его. Слёзы – это вода садовника, без них в саду души не вырастет ничего. Из покаяния – плач, из плача – слёзы. Богоугодные слёзы дают утешение, блаженство, радость. Пока живой, плакать надо непрестанно».

«Дача-сад – не место для отдыха, это место для немислимых подвигов, воплощение стиля работы русского человека. А стиль единственный – авральный, когда работа откладывается до последнего, а потом делается разом и непременно на ночь глядя, проклиная всё и вся».

«И потом, когда мы уйдем, пусть мы останемся чьим-то вдохом или выдохом, но частью «Не для меня придет весна», «В девяносто третьем годике манёвры начались», «По горам Карпатским метелица вьется» и ещё сотен песен, которые и составляют кости и плоть жалкой и больной души моей. Пусть песня – зараза, я хочу быть вирусом этой заразы. Я хочу быть в мурлыканье на кухне или под автомобилем, я хочу быть в пьяном вое под соседскими окнами».

Книги сибирских святителей, изданные «Русской неделей».
Фото Сергея Козлова

«Церковь – это уже то, куда идут все. Это там, которое уже здесь. Надо привыкать к тому, что будет навсегда».

(«Полный досвидос»)

«Недовольство собой, как и недовольство кем-то другим, есть функция такого странного органа в человеке, как совесть. Человек не любит в себе и в других грех, и это отвержение дарит ему Бог. Совесть – это голос Бога в

человеке. Человек сотворён по образу Божию, и это значит, что он способен вместить в себя Самого Бога, сотворившего небо и землю. Как много, кажется, всего познаёт человек – и горестей, и радостей – всё умещается в него, никогда не заполняется до конца; эту великую пустоту может заполнить только Сам Бог».

«Я виноват; хочу знать душу мою, но презираю жизнь. Бич долготерпения Божия поражает тоской жизнь, душа жаждет гибельного восторга и безразличия к тем, кто посмеивается над пыткой виновных. Душа моя, душа своим кожаным лицом ты похожа на достойнейшего человека. Однако же я уверен, что ты, старая горгулья, за все богатства мира не захотела бы иметь голову Отца на своих плечах, – как ни велико между вами сходство. Ты – всё же женщина, и даже борода молодого человека сделала бы тебя чудовищем».

(«Песни птицы О»)

«Я уж теперь наверняка знаю, что спастись среди людей надо, да только мне ходу в мир человеческий нету. Любовь между людьми тонкой нитью всё связывает. Господь одного святого в Царство небесное потянет, а за ним все привязанные этой ниточкой потянутся. Враг людской тоже сети свои расставил, один грешник в ад упадет, за ним все грехом связанные посыплотся. И вот там, где слабее нитки, там и рваться начнет, вот тебе и суд. Раздерётся человечество, как платок, надвое. Да и разодралось уже, поди».

«Эта захваченность мыслью, красотой, когда я полностью растворялся в чём-то или ком-то, давала мне неизмеримо много – я был счастлив. Само русское слово «с-частье» – подразумевает, что ты – часть чего-то большего, чем ты сам: часть Церкви, семьи, мысли, которая мыслится через тебя сейчас, часть той красоты, которую создал Господь. И ты счастлив, что тебя, ничтожество, вообще допустили жить и не выгоняют из общества взашей, а даже как-то терпят».

(«Зубы грешников»)

Многогранный Иванов

В названии выставки, четыре месяца успешно работавшей на площадке музейного комплекса имени Словцова, таилась загадка, которую зрителю непременно хотелось разгадать. «Другой Иванов» – это какой, который? Что за открытия ждут посетителей экспозиции, посвящённой 160-летию художника?

Не удивительно, что за подсказкой в музей обратились более шести тысяч тюменцев. И уж точно не случайно сюда приезжали гости из Москвы, встречались с организаторами, фотографировались возле представленных полотен...

На один из своих вопросов я получила ответ практически сразу. Сотрудники музея мне объяснили, что, видя эту распространённую фамилию, любители живописи нередко вспоминают Александра Иванова (здесь ударение принято ставить на первую букву «а»), автора знаменитой картины «Явление Христа народу». Так вот: это не он! В этот раз гостей ожидает богатейшая коллекция работ другого Иванова – Сергея Васильевича, передвижника «второй волны», действительного члена Императорской Академии художеств, мастера, прославившегося остросоциальными и историческими сюжетами, прекрасного иллюстратора классической литературы.

Наверное, многие из нас помнят его работы ещё по школьным учебникам. Мне тоже когда-то хотелось разглядеть их во всех деталях. Так многолюдны, многокрасочны они были, так тщательно художник прорабатывал каждый образ и каждый костюм, с такой жадой впитывал в себя ту или иную эпоху. К сожалению, небольшие книжные репродукции не позволяли поймать ощущение присутствия, непосредственного участия в массовой сцене, которое дарит масштабное полотно, и, наконец-то, такая возможность у тюменцев появилась... Но не меньшим открытием оказался и совершенно иной Иванов, прежде для меня неизвестный: счастливый муж и отец, писавший воздушные, полные нежности портреты детей и супруги, Иванов – увлечённый путешественник, легко срывающийся в экспедиции, делавший бесчисленное количество зарисовок... А ещё – бескорыстный благотворитель, с подарка которого началось формирование художественной

Справа
правнучка
Сергея
Иванова
Александра
Лукьянова
с мужем и
дочерью
Татьяной.
Слева – Елена
и Сергей
Голубевы и
Елена Рындина.
Фото из архива
Елены
Рындиной.
Автор
неизвестен

коллекции региона: этот факт, я думаю, оказался по-настоящему неожиданным для многих посетителей выставки. И как же приятно было услышать, что в распоряжении Тюменского музейно-просветительского объединения находится богатейшее собрание его работ, количественно превосходящее коллекцию Иванова в фондах Третьяковки и ещё более полно отражающее различные периоды его деятельности.

Сибирь в горе и радости

Вспомним для начала сведения широко известные. Маленький Серёжа появился на свет в 1864 году в городке Руза Московской губернии в небогатой дворянской семье. Рисовать любил с детства, но, как это нередко случалось с одарёнными детьми, отец не приветствовал его стремления профессионально развиваться в художественной области, где заработок – дело случая и везения. В результате

юноша поступил в Константиновский межевой институт, готовясь получить специальность инженера-геодезиста, но продолжал брать частные уроки рисования. И только когда его работы были высоко оценены самим Василием Перовым, родители благословили Сергея на поступление в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Именно там, на последних курсах обучения, успешный студент Иванов увлёкся проблемой переселенчества. После отмены крепостного права сотни тысяч крестьян в поисках лучшей доли двинулись осваивать пустующие земли – именно так, в частности, заселялись в те годы отдалённые сибирские территории... Молодой человек путешествовал с переселенцами, делал зарисовку за зарисовкой, но, к сожалению, времени и здоровья ему не хватило, чтобы добраться до наших мест. Многие его сюжеты по-настоящему драматичны. Широко известна картина Иванова «В дороге. Смерть переселенца»: в пыли, возле бедной кибитки лежит тело крестьянина. Рядом его жена и совсем крошечная дочь. Женщина в отчаянии: они остались одни в безлюдной степи, под палящим солнцем, и помощи ждать неоткуда. Надо полагать, что таких историй в жизни переселенцев было немало – не случайно картину двадцатипятилетнего живописца прямо на выставке приобрёл Павел Михайлович Третьяков, основатель знаменитой галереи.

Впрочем, внутри той же темы у Сергея Иванова есть и жизнеутверждающие полотна. Вот, например, «Переселенцы. Ходоки»: долгий путь окончен, найдена «земля обетованная». Перед нами делегация от «мира», посланная вперёд, чтобы определиться: стоит ли сюда идти всем остальным? Люди осматриваются, о чём-то переговариваются друг с другом. На усталых лицах читается удовлетворение:

Сергей Иванов «Переселенцы. Ходоки».

Фото предоставлено
Тюменским
музейно-просветительским
объединением

Экскурсия по выставке.

Фото Александра
Иванова.
Предоставлено
Тюменским
музейно-просветительским
объединением

похоже, что раскинувшиеся вокруг просторы пришлись им по душе. Впереди много трудов, но труды эти – с уверенностью в лучшем будущем. Кажется даже, что их руки, большие и крепкие, стосковались по тяжёлой крестьянской работе.

Второй ранний цикл, тематически роднивший творчество Иванова с историей Сибири, искусствоведы традиционно называют «арестантским». Интересно, что эта тема глубоко зацепила Сергея Васильевича ещё в детстве. Гуляя с няней по улицам родного города, он однажды увидел полицейских, тащивших незнакомого мужика и осыпавших его ударами дубинок. Няня объяснила, что это «арестант», а все арестанты – душегубы, разбойники и воры, и их держат в острогах, подальше от честных людей. В дальнейшем повзрослевший Иванов начнёт с состраданием относиться к этим людям, стараясь понять, что довело их до тюрьмы или каторги. Ему, уже известному живописцу, давали разрешение посещать места заключений, где он успевал делать большие серии набросков. Кстати, интерес к нашим краям как к месту ссылки у него был связан ещё и с тем, что в Ишиме, осуждённый по политической статье, несколько лет жил его близкий друг, революционер-народник Григорий Мачтет.

Во время прогулки по залу словцовского музея куратор выставки, старший научный сотрудник Центра учёта, хранения и популяризации музейных фондов Елена Рындина рассказала мне любопытную историю, связанную с картиной Иванова «Этап»:

– Работа оказалась настолько новаторской, что её не взяли на выставку передвижников. К тому времени Товарищество стало терять свой бунтарский дух: основное право голоса в нём принадлежало солидным консервативным людям. Естественно, они не захотели понять и принять полотно, на котором художник изобразил только ноги каторжников. Это их неприятие привело к тому, что продолжительное время Сергей Васильевич не хотел иметь с передвижниками никаких дел, тем более что выставленный в Мюнхене «Этап» был принят с заметным интересом. К сожалению, сегодня картина считается утраченной, и только в Саратовском музее есть её эскизный вариант.

«Сердечное отношение к идее...»

Обходя зал по часовой стрелке, мы останавливаемся перед большим многофигурным полотном, которое можно определить как смысловой центр экспозиции. Подобно многим другим работам Иванова, у него двойное название: «В лесу. Памяти Стефана Пермского и других просветителей инородцев». Сцена, которая на нём изображена, кажется напряжённой: православный миссионер явился к язычникам-зырянам в момент ритуального жертвоприношения. Впрочем, светлые краски картины (натурщики позировали художнику в белых одеждах, сшитых по его собственным эскизам), позы присутствующих, в которых нет ничего угрожающего, их любопытствующие взгляды говорят о том, что знакомство окончится миром. И действительно, Стефан Пермский, епископ Русской православной церкви, известен нам как проповедник и креститель края Коми, создавший оригинальную письменность для местных жителей, переводивший для них священные тексты. Но чем же ещё эта работа так нам интересна, кроме идеи и внешней привлекательности? Об этом опять же подробно рассказывает Елена Владимировна:

– Появление в нашей коллекции картины «В лесу» связано с именем правительственного агронома Николая Лукича Скалозубова, много лет жившего и работавшего в Тобольске. Деятельность его сама по себе значительна и разнообразна, но я предлагаю остановиться на

**Сергей Иванов
«В лесу. Памяти
Стефана
Пермского
и других
просветителей
инородцев».**

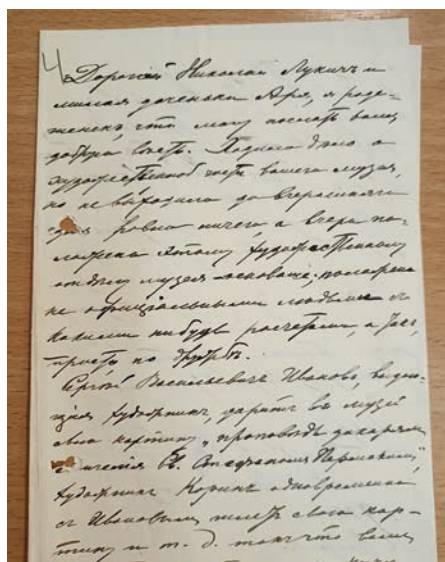
Фото предоставлено
Тюменским
музейно-
просветительским
объединением

**Письмо Василия
Максимова
дочери и зятю.**
Фото Виктории
Ермаковой

периоде, начавшемся в 1894 году, когда Скалозубов был избран членом правления Тобольского губернского музея и консерватором (по-нашему говоря, хранителем) музейных фондов.

Изначально направленность созданного в 1870 году тобольского музея была, скорее, естественно-научной, этнографической и исторической. Николай Лукич передал ему свои ботанические коллекции, организовал отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности, пополнил библиотечный раздел. Благодаря его хлопотам, музей стал получать ежегодные правительственные субсидии. И, наконец, в 1896 году он предложил открыть здесь художественный отдел и начал искать картины, которые могли бы стать основой будущего собрания. Взявшись за формирование фондов, Скалозубов обратился, во-первых, к состоятельным тоболякам, а, во-вторых, через газеты – к учащимся Строгановского училища в Москве и училища технического рисования барона Штиглица в Санкт-Петербурге. А поскольку женат он был на дочери известного художника-передвижника Василия Максимова Ариадне, его тесть с той же просьбой пришёл к товарищам по искусству.

На выставке в отдельной витрине представлен ряд документов, в том числе письма, которые слали друг другу участники развернувшегося процесса. Первое из них принадлежит самому Максиму, сообщаящему дочери, что их общее дело сдвинулось с мёртвой точки: «Дорогой Николай Лукич и моя дочь Аря, я радёшенек, что могу послать вам добрую весть! Сергей Васильевич Иванов, выдающийся художник, дарит в музей свою

картину «Проповедь дикарям Евангелия святым Стефаном Пермским...»

Дальше начинается переписка между Ариадной и Софьей, супругой Сергея Иванова, с удовольствием исполнявшей при нём обязанности секретаря и подтверждавшей его благотворительные намерения. Вот, например, несколько строк из ответного письма ей Ариадны Васильевны: «Я лично страшно рада, что наш мёртвый музей оживится картинами, я даже отвыкла от масляной живописи. Радуемся порядочной гравюре, и многие в таком же положении...»

Действительно, тоболяки были глубоко признательны художнику за щедрый дар: картина оценивалась в несколько тысяч рублей и пользовалась известностью. Как раз во время этих переговоров она возвращалась с выставки в Праге, и её предстоящая доставка в Сибирь требовала внимания и аккуратности: при внушительных размерах полотна (123х253) вес ящика, в который оно было упаковано, достигал двенадцати пудов. Важно отметить, что Иванов работал над ней несколько лет и буквально сразу после её завершения был принят в Товарищество передвижных художественных выставок, сознательно прекратив период своей с ним конфронтации.

В наш город подарок прибыл в ноябре-месяце, но поскольку отправлять его санным путём с ящиками никто не решился, зиму картина оставалась в Тюмени. Только с началом сезона навигации её пароходом переправили к месту назначения. Это был праздник! Для тоболяков в здании Народной аудитории устроили первую городскую художественную выставку, каталог которой сохранился до наших дней. Несмотря на то, что там были представлены и другие пожертвованные музею работы – живопись,

Наедине со знаменитой работой.

Фото Александра Иванова.
Предоставлено
Тюменским
музейно-просветительским
объединением

акварель, гравюры и фотографии общим числом 151, именно о даре Сергея Иванова Николай Лукич Скалозубов отзывался с особенной благодарностью:

«Важно и дорого это тёплое, сердечное отношение русского художника к идее провинциального музея, и потому приношение С.В. Иванова для нас неоценённо... Как знать, не пробудит ли эта бескорыстная жертва лица, чуждого Сибири, в ком-либо из сибирских богатых людей желания содействовать своими средствами художественному просвещению своей родины, столь удалённой от центров, где сосредотачиваются художественные сокровища...» – эти его слова приведены в предисловии к упомянутому каталогу. Не случайно картина «В лесу» и сегодня так дорога жителям Тобольска и так для них символична.

– Стоит, наверное, добавить, что последняя крупная выставка работ Сергея Иванова проходила шестьдесят лет назад в Москве и была приурочена к его 100-летию юбилею, – замечает моя собеседница. – Интересно, что Третьяковская галерея, организовавшая её совместно с Академией художеств СССР, не сумела тогда обойтись только собственной коллекцией и привлекла фонды других советских музеев. Ещё примечательный факт: тоболяки свою любимую картину туда не дали – в точности пока не знаю, по какой именно причине... Зато у нас есть каталог этой выставки и письмо её куратора, известного искусствоведа Ильи Грановского, автора капитальнейшего труда о жизни и творчестве Иванова. В письме, кстати, есть такие слова: «Шлю Вам каталог выставки (1964 г.), на которой злонамеренно не участвовал ваш музей. Директор тех времён нарочно не послала картину, тем самым очень обеднив выставку. Хотя я и зол на Ваш музей,

шло с уважением свой каталог туда, где находится своеобразная картина «В лесу», которой я посвятил половину большой главы...» Такой вот любопытнейший документ... Важно подчеркнуть, что мы, работая над проектом «Другой Иванов», сумели обойти фандами нашего объединения, позаимствовав всего две работы из Башкирского государственного художественного музея имени Нестерова («Переселенцы. Ходоки» и «Приезд старшины. Наём рабочих») и одну из Русского музея («Семья»).

Продлить очарование

– Елена Владимировна, а как родилась идея сделать подобную моновыставку?

– Во время моей учёбы в магистратуре Российского государственного художественно-промышленного университета имени Строганова заведующий кафедрой истории искусства и гуманитарных наук Кирилл Николаевич Гаврилин, узнав о том, что в Тюмени хранится такая роскошная коллекция, посоветовал мне заняться её научным осмыслением – интерес к этой теме подкреплялся ещё и тем, что Сергей Иванов был когда-то преподавателем Строгановского училища... Идея мне очень понравилась, и темой моей магистерской диссертации стала проблема творческой эволюции на примере произведений Иванова из собрания Тюменского музейно-просветительского объединения. Когда-то, ещё в советские годы, благодаря сюжетам социальной направленности творчество Сергея Васильевича активно продвигалось, а сам он имел славу человека, глубоко симпатизировавшего смене власти. Тот же Грановский, изучая его наследие, всеми силами старался представить Иванова как первого революционного художника. Взгляните хотя бы на картину «Детский праздник в Саратове» – Иванов её написал в несвойственной ему импрессионистической манере... Так вот даже это радостное полот-

Уголки экспозиции, помогающие гостям глубже понять творчество художника.

Фото Александра Иванова.
Предоставлено Тюменским музейно-просветительским объединением

но с яркими цветовыми пятнами исследователи пытались трактовать как изображение первобытной демонстрации... Но чем внимательнее я знакомилась с его работами, тем важнее мне казалось отойти от устаревшего взгляда. Привычное восприятие способствует забвению, и именно поэтому сегодня так важно не отрешивать художника от модернистских течений, а, наоборот, проанализировать его творчество под этим самым углом. Всё-таки мы помним, что Сергей Иванов – один из основателей Союза русских художников, пришедшего на смену Товариществу передвижников и ассоциирующегося у нас с отечественным импрессионизмом... Ну а поскольку мы – музейно-просветительское объединение, а популяризация художественного наследия – одна из наших основных задач, конечно нам захотелось напомнить тюменцам об этой знаковой личности.

– А как настолько разнообразная коллекция оказалась в запасниках тюменского музея?

– Её позволили сформировать три волны поступлений. О первой, дореволюционной, я уже говорила. Вторая пришлась на шестидесятые годы двадцатого века, когда в нашем городе была основана областная картинная галерея. Благодаря содействию Министерства культуры её фонды стали активно пополняться, в том числе картинами Сергея Иванова. Приобретение считалось ценным: «революционный» художник пользовался популярностью, и музеям престижно было иметь его полотна... Наконец, большое поступление ждало нас в девяностые годы, когда руководство музея установило связь с внуками Сергея Васильевича и договорилось о покупке ряда крупных произведений из их наследства. После этого они достали из тумбочки кипу живописных и графических работ и передали их тюменцам в дар – такой удивительный был порыв! Сегодня мы поддерживаем связь с его потом-

ками – я бывала у них в гостях, а они приезжали на открытие выставки. Несколько потрясающих полотен, например, портреты членов семьи, мы запросили для нынешней экспозиции у правнука художника Сергея Львовича Кукушкина. Они хранятся в домашней коллекции, и зритель не видел их с юбилейной выставки 1964 года – целых шестьдесят лет! Как, например, и вот эту картину, где изображены спускающиеся к воде деревянные мостки – она стояла на мольберте в день смерти Иванова в августе 1910 года.

– Так сколько всё-таки его работ хранится в фондах Тюменского музейно-просветительского объединения?

– Живописных – 83, графических... До подготовки к выставке мы были уверены, что 195, однако подготовительный период не обошёлся без сюрпризов. Тщательно изучив каждый рисунок, мы два из них переатрибутировали. Сверив подписи и манеру, пришли к выводу, что одна из работ, раньше приписываемых Иванову, принадлежит Аполлинарию Васнецову, вторая – Сергею Виноградову.

– Елена Владимировна, ещё несколько слов о связях музея с потомками Сергея Васильевича. Я понимаю, что у вас с ними сложились дружеские отношения?

– Да, Сергей Львович Кукушкин приезжал к нам на открытие выставки. Также у нас побывала правнучка художника Александра Лукьянова с дочерьми Татьяной и Софьей и праправнук Александр Бойко. Софья Лукьянова окончила художественную школу, у неё прекрасно развитый эстетический вкус. А Александру Бойко принадлежит часть бывшего семейного поместья в дачном посёлке Свистуха с территорией, где захоронен прах их предка. Эту усадьбу когда-то приобрёл сам Сергей Васильевич и очень её любил – тихий подмосковный уголок вдохновил его на многие выдающиеся полотна. У него там были четыре мастерские с окнами на разные стороны света: он переходил из одной в другую, чтобы в течение дня работать при

естественном освещении – у него с молодых лет были серьёзные проблемы со зрением. После революции новая власть собиралась забрать владение у семьи, но вдова художника обратилась за помощью к Луначарскому. При его поддержке крупный земельный участок остался в её распоряжении. Там жила и сама Софья Константиновна, и её дочь Маша с мужем и шестью детьми. Позже потомки договорятся разделить полученное наследство. Хозяином старого семейного дома сегодня является Сергей Кукушкин.

– А жители посёлка Свистуха помнят о своём замечательном земляке?

– Да, Сергей Васильевич Иванов – художник, которого не забывают. Плита на его могиле, изготовленная студентами Строгановки по эскизу Аполлинария Васнецова, остаётся прибранной в любую погоду. А ещё в этом посёлке живёт замечательная пара – учителя Сергей и Елена Голубевы. Когда-то родители Сергея снимали дачу у наследников Иванова, и он так полюбил эти места, что вместе с семьёй купил здесь собственный дом. Десять лет назад супруги Голубевы помогли внучке художника Ольге Александровне Кукушкиной подготовить праздник, посвящённый 150-летию мастера. С тех пор благодаря их энтузиазму в Свистухе регулярно проводятся памятные мероприятия – эту деятельность стали поддерживать другие активисты. Очень выражена её экологическая направленность: в посёлке есть пруд Иванова, липовая аллея Иванова, а в праздничные дни репродукции его работ вывешиваются прямо на улице. Прошлым летом я побывала там на юбилее Сергея Васильевича и рассказала, какое значение его творчество имеет для Западной Сибири. В свою очередь, Голубевы также нашли возможность приехать на выставку в Тюмень. Отзывы, написанные почётными гостями в музейных альбомах, теперь часть нашей истории. Выставка завершена, но работа, направленная на сохранение памяти о художнике, будет продолжаться.

Семейная тема в творчестве Иванова.

Фото Александра Иванова. Предоставлено Тюменским музейно-просветительским объединением

Памятные стенды в посёлке Свистуха.

Фото Елены Рындиной

Текст Дарьи АКСАРИНОЙ.
материалы предоставлены Тюменским региональным
отделением ВТОО «Союз художников России»

Искусство свободного поиска

Среди художников-сибиряков Юрий Дмитриевич Юдин – один из самых многоликих. Когда смотришь на его работы, написанные в разные периоды творчества, можно и не догадаться, что они созданы одним мастером. Наш юбиляр перепробовал множество техник и направлений, а вот одной из главных тем на протяжении десятилетий остаётся родной город – Тюмень. Особенно художника привлекают старые районы, деревянные и заросшие. Ведь и сам творец родился и вырос в таком же уголке старого города.

Юрий Дмитриевич первый в своей семье художник. Отец работал стоматологом-протезистом, но трепетно любил художественное искусство и даже посещал студию живописца Владимира Ильича Некрасова. О себе в детстве художник отзывается как о хулигане и предполагает, что попытки отца привить ему любовь к живописи отчасти оправдывались и желанием родителя направить энергию сына в более мирное русло. Так, в совершенно обычный день Дмитрий... вдруг принёс в дом большой, в твёрдой обложке альбом для рисования. Расположил перед своим непоседливым чадом новое приобретение, карандаши, композиционно разместил яблоко и стакан... И велел рисовать. Да чтоб по рисунку в день хотя бы. Рисование увлекло творческого мальчишку, превратившись в конце концов из хобби в призвание и профессию.

Настоящее обучение началось уже в школьные годы (по воспоминаниям Юрия Юдина – в 4-5 классе, когда он пришёл во Дворец пионеров). Там образованием молодых творцов занимался художник Альберт Мокин с братом. С окончанием школы пришла пора всерьёз задуматься о будущем: учёбе и будущей профессии. Старший Юдин, впечатлённый талантом и увлечённостью сына, засуетился. Юрия удалось устроить в Свердловское художественное училище на отделение промышленной графики. Отделение было новым, можно сказать,

Тюменский
живописец
и график,
член «Союза
художников
России»
Юрий
Дмитриевич
Юдин

экспериментальным, но просуществовало недолго – оно закрылось вскоре после окончания учёбы Юрия. На отделении было относительно немного времени отведено общим предметам, но изрядное количество часов выделялось на рисунок и композицию.

Ирония заключалась в том, что для подготовленных Свердловским училищем промышленных графиков в Тюмени не было возможности трудоустройства. Такая специальность предполагала работу с печатной продукцией, но в Тюмени предложение сильно превышало спрос. Тем не менее Юрий Дмитриевич вернулся в родной город и стал трудиться в мастерских фонда Союза художников. Работал также художником-оформителем. При таких должностях оставалось достаточно много свободного времени, которое начинающий художник с удовольствием отдавал творчеству.

В 1973 году Юдин принял участие в молодёжной выставке, проводившейся в музее изобразительных искусств и собравшей начинающих живописцев из разных уголков России. Это было первое настолько масштабное мероприятие в жизни молодого художника, но далеко не последнее. Исключительное по своей важности событие в жизни Юрия Юдина – вступление в Союз художников. В 1977 году, пройдя через три комиссии, творец присоединился к коллегам по цеху, получив ещё большее признание... А немногим ранее – собственную мастерскую, которой ему так не хватало.

До тех пор находчивый живописец приспособился для работы собственный дом. При отсутствии хорошего мольберта Юдин подвешивал холст на гвоздиках в дверном проёме – так и работал. Некоторым подспорьем были мастерские при фонде Союза, но эти помещения делили между собой двое-трое художников, что создавало некоторые трудности. Со временем в распоряжении художника оказалась собственная, уже достаточно просторная, мастерская с качественным оборудованием.

И подход к работе, и художественный стиль Юрия Юдина действительно исключительные. Юдин – художник, находящийся в постоянном поиске новых, ещё не освоенных им форм и способов живописи и графики. За десятилетия своего эстетического труда он писал самыми разными красками и в различной манере. Вариативность при-

Ю.Д. Юдин.
Композиция
№3 (1991 г.).
Картон, гуашь

Ю.Д. Юдин. Старая
яблоня (2007 г.).
Холст, масло

Ю.Д. Юдин.
Композиция №21
(1991 г.).
Картон, гуашь

ёмов и подходов Юдина к собственному искусству можно соотнести с определёнными периодами его творчества. Причём границы этих периодов определяются как личным творческим поиском, так и изменениями в окружении творца. Юрий Юдин никогда не стремился придерживаться определённого стиля, жанра, настроения – все изменения во внешнем мире и внутреннем естественным образом отпечатывались на холсте. Он писал картины маслом, гуашью, тушью, акварелью, пастелью, сангиной, акрилом... Даже осваивал офорт, создавал в основном небольшие композиции. Но в конце концов от этой техники отказался – очень уж времязёмко. Несмотря на это, нюансы такой работы художник помнит, а в мастерской сохранился офортный станок. Как раз после этого взялся за тушь, потом пробовал работать в монотипе (техника на стыке печатной графики и живописи) – сначала чёрно-белом, потом добавил яркости. В этой технике проработал долго, создав не одну серию картин. Юдин писал и портреты, и натюрморты, и даже абстракцию, но излюбленным жанром, по всей вероятности, остаётся пейзаж.

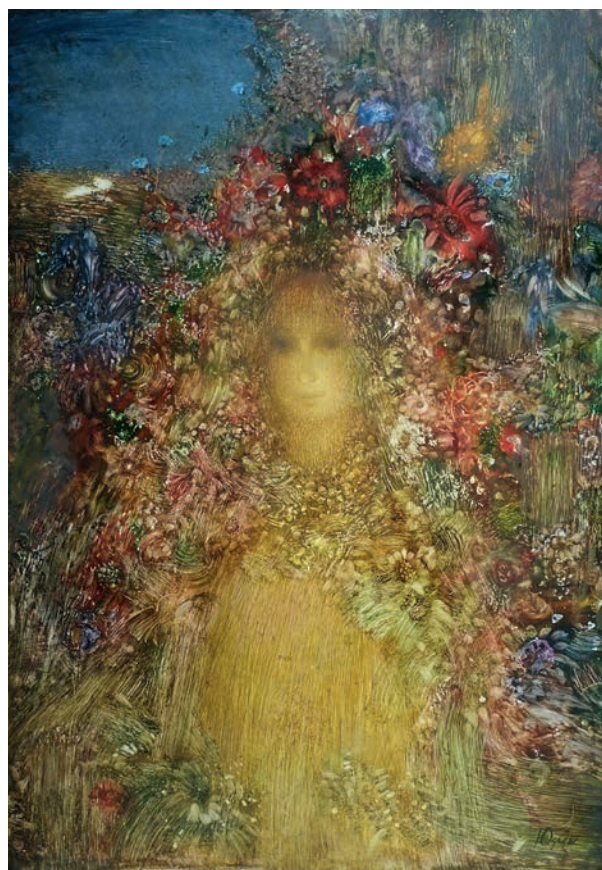
Особое место в творчестве живописца отведено урбанистическому пейзажу – «старому городу», в том числе «деревянной» Тюмени. Это один из первых «юдинских» сюжетов, а может, и самый первый, ведь художник родился и рос на улице Водников – как раз в таком маленьком, деревянном, заросшем кустами и деревьями мирке, едва менявшемся на протяжении десятков лет. Машин было мало, а местные жители нередко держали скот. Родной двор художника состоял всего из пары домов, зато добротных, не лачужек – купеческих. Это было необычное пространство, похожее на деревеньку, в которую по чуть-чуть просачивался город. Эти образы остались в творчестве Юдина, хотя сейчас улица Водников сильно изме-

Ю.Д. Юдин.
Флора воин
(2021 г.).
Картон, масло

Ю.Д. Юдин.
Флора
вечерняя
(2025 г.).
Монотипия

нилась, как и вся Тюмень. Много в произведениях художника и библейских, мифологических сюжетов и образов, литературных и флористических. Но «пожилые» городские улицы, безусловно, имеют свой шарм и занимают особое место в сердце и творчестве Юрия Юдина.

Первые пейзажи Юдин писал не с натуры, а по зарисовкам и заметкам. Прогуливаясь по улочкам, художник «собирал» в альбом материал для будущего произведения: схематичные зарисовки, заметки и палитры увиденного... Насобирав впечатлений, он скорее принимался за работу, пока увиденное не померкло в памяти. Уже значительно позднее улицы сами стали «позировать» художнику. С годами отношение к родным городским видам и к их художественной интерпретации у Юдина изменилось, став мягко ностальгичным. Художнику всё больше вспоминалось детство среди деревянных домиков, нахально пробивающейся повсюду в «городе-деревне» травы, яркого, прозрачного солнца. Эти детские чувства, такие дорогие для уже взрослого художника, породили особую эстетику последующих пейзажей Юдина. Если первые работы отличались большей резкостью, контрастностью, то с годами в пейзажной живописи художника стали преобладать пастельные, плавно перетекающие друг в друга цвета, появилось подобие лёгкой дымки, да и сами мазки кисти словно стали тоньше, деликатнее.

Необычным периодом в творчестве Юрия Юдина был, как называл его сам художник, «лопуховый». Сказочные, абстрактные, но очень ассоциативно богатые работы выполнялись в весьма необычной технике, в основе которой монотип, и в высококонтрастной гамме. Сложный, напоминающий причудливый орнамент, рисунок Юдин выводил тушью, пером, трубочкой... А вот «лопуховость» композиции заключалась в использовании художником настоящего растения, с которого буквально снимался отпечаток. «Преступные» лопухи тщательно прокрашивались тампоном с масляной краской, затем осторожно прижимались к будущей картине. Такой отпечаток становился центральным элементом загадочной композиции и декорировался изящным рисунком. Создание таких абстрактных работ вызвало у Юдина творческий азарт – тонкое кружево прорисовывалось интуитивно, по воле воображения, что увлекало художника и создавало даже для него самую некоторую интригу. Иронично, но такое развлечение Юдин не мог себе позволить в начале карьеры – оно бы осталось непринятым и не окупилось бы. Абстракция не воспринималась эстетиками-классиками как искусство. Такие работы не понимали и зачастую не допускали к выставкам. Скептически относились и к вполне академическому, как покажется современному ценителю, натюрморту. «Настольные виды», даже очень технично выполненные, не выдерживали конкуренции с канонично одобряемыми жанрами.

Чаще всего Юрий Юдин писал картины сериями. Чтобы выразить мысль, одного полотна не хватало – она укладывалась в несколько. Тому же любимому урбанистическому пейзажу посвящены серии картин «Старый город» (живопись) и «Старая Тюмень» (графика). Работы «лопухового» периода творчества Юдина сложились в серии графических картин «Метаморфозы», «Башни», «Маски», «Беседы».

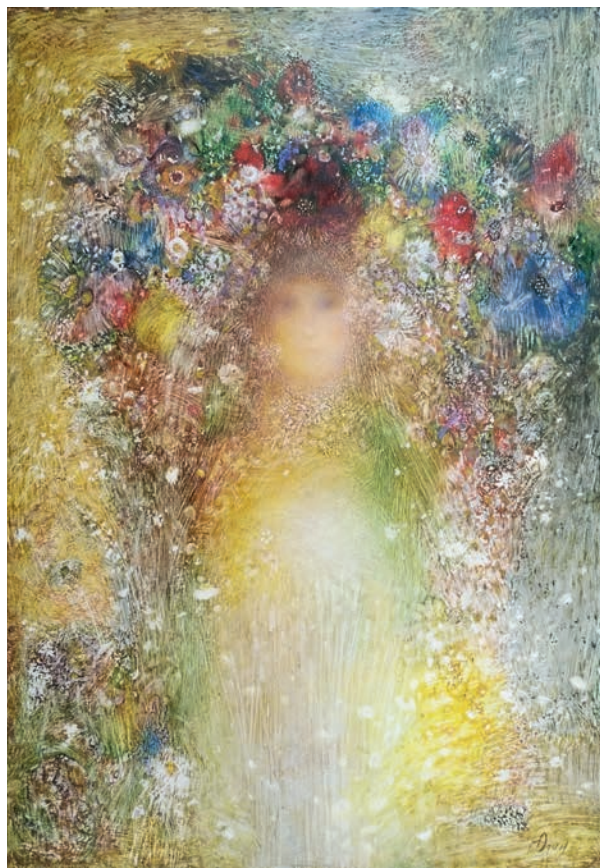
Юдин придерживается мнения, что для художника важен географический кругозор. Он регулярно ездит по разным городам России. Очень тепло Юдин относится к Пскову, Санкт-Петербургу, немало писал Тобольск. Для него как человека, тонко чувствующего цвет и свет, города имеют особые эстетические отличия друг от друга. Эти тонкие отличительные черты разнолокального пейзажа он стремится сохранить на своих картинах. Разницу в палитре городов художник объясняет практически как физик или географ: гамма и освещение зависят от высоты местности, наличия водных пространств. И к краскам нового города, как отмечает Юдин, тоже нужно привыкнуть, чтобы не писать иногородний пейзаж в «тюменской» гамме.

Юрий Юдин за свою карьеру участвовал во многих выставках самого разного масштаба – от городских до международных. Проводятся и персональные в разных городах. Первая такая индивидуальная выставка состоялась в 1989 году

в Свердловске в самом начале карьеры художника. Покупают картины известного тюменца тоже далеко за пределами Тюмени и даже России. Несмотря на весь успех, Юрий Дмитриевич Юдин не склонен просто почивать на лаврах – он продолжает совершенствовать своё мастерство и по-прежнему сильнее всего привязан к родному городу, его пейзажам, которые в художественной интерпретации Юрия Юдина предстают в уникальном ностальгично сказочном виде.

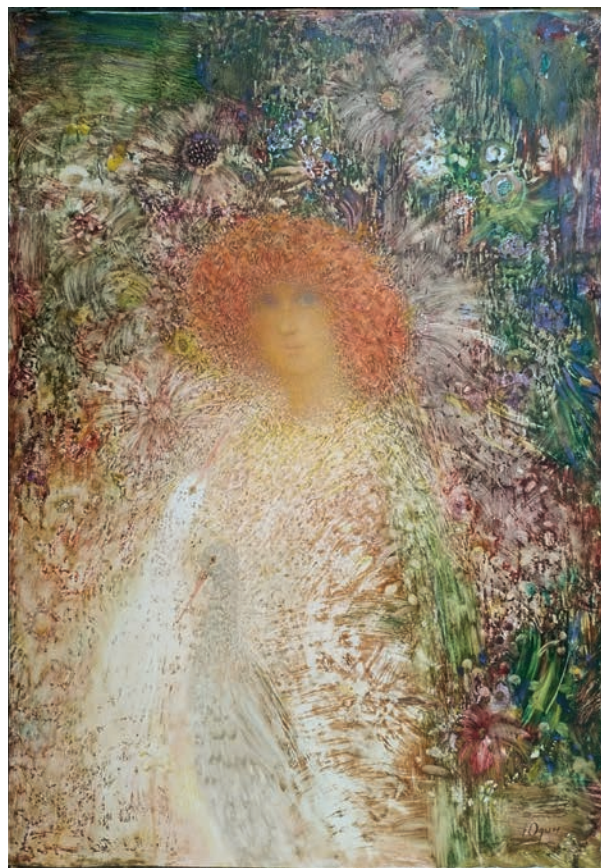
Картины Юрия Дмитриевича Юдина регулярно выставляются во многих музеях: Томском музее изобразительных искусств, Новосибирской областной картинной галерее, Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге, Курганском художественном музее, Государственном музее изобразительных искусств Узбекистана. В случае с частными коллекциями территориальный охват ещё больше: Россия, Болгария, Финляндия, Польша, Израиль, Германия, Англия, Австралия...

Среди русских художников Юрий Дмитриевич Юдин – один из редких неугомонных экспериментаторов. Но в то же время настоящим творцом его делает сам подход к экспериментам – у Юдина никогда не было опыта ради опыта, каждая оригинальная задумка, отступление от уже освоенной формы были ради нового прекрасного. Возможно поэтому такие разные по специфике исполнения работы художника имеют особый, узнаваемый колорит.

Ю.Д. Юдин.
Флора
июльская
(2025 г.).
Монотипия

Ю.Д. Юдин.
Флора (2025 г.).
Монотипия

Воз душистого сена

1 июля исполняется 80 лет замечательному и самобытному русскому художнику Михаилу Ивановичу Захарову. Мы решили не делать интервью, а напомнить читателям, что Михаил Захаров замечательный писатель. Его книга «По небу лодка плыла» очень быстро снискала себе славу новой деревенской прозы, которая сродни и творчеству Андрея Платонова, и рассказам Василия Шукшина. Планируется переиздание этой книги, автор же радуется читателей новыми рассказами, пополняя сибирское творческое богатство. А мы держим руку на пульсе творчества и поздравляем юбиляра этой публикацией.

Михаил Захаров
Фото из архива
семьи Захаровых.
Автор неизвестен

Отшумит ветрами в сером небе осень, обобьёт дождями последнюю листву, закроет непроходимыми хлябями просёлки. И во мгле под неумолчный гогот гусиных стай рано затеплятся печальные окна одиноких деревень.

Но и осенние дожди не вечны. И как-то однажды к вечеру похолодает, снежной кисеей затянет дали, и к утру выпадет этот желанный и такой чистый снег. Бабы в валенках и полушубках судачат у сельпо:

– Этот уж не стаёт. Прогноз передавали, Иртыш к праздникам должен стать.

– Дак как не станет? Пора уж! Покров-то ведь когда был.

Сбылись прогнозы, и Иртыш застыл. Дровишки по первопутку вывезли, скотину забили да прибрали. Снегу поднавалило, дороги накатали, вот и по сено собираться надо. Зимний день с воробыный поскок, а луга не под боком.

– В четыре встанешь, дак к семи-то на покосы поспеешь, если чаёвничать не будешь.

С первыми петухами просыпается деревня, желтеют окна в домах, хлопают двери. Под чёрным небом в звенящей тишине где-то редко лают собаки. Пока запрягут мужики лошадей, пока соберутся у околицы, а там, глядишь, и рассвет брезжить начнёт. Отдохнувшие лошади резво тру-

сят порожняком. Мужики довольны: дорогу только местами перемело, да и рассвет не обещает бурана.

Незаметно в полудрёме под скрип полозьев и покосы объявились. Стога, статные с осени, ссутулило дождями да снегом, и завалились они, как на костыли, на остожья. Отзываются всем четырьём ветрам шорохом сухих трав. Велики-невелики, а по два воза в каждом будет.

Мужики неспешно разбирают остожья, полочее ставят подводы, сгребают снег. И вот уже первый пласт сена ложится на сани.

Какой аромат, какое лето спрессовано в травах! Тут и иван-чай, и душица, и таволга. Упадёт пласт сена на сани, и лёгкое ароматное облачко запылит в морозном воздухе. Мало-помалу, пласт к пласту и воз набрали. Остались от стога только оденки. Оденки пахнут мышами и слегка парят на морозе запрепой трухой. Мужики перетягивают возы берёзовыми бастригами, стягивают верёвками. Плотные, крепкие получились подводы. А как пахнут летом!

Покурили да и заскрипели гуськом по белой равнине к деревне. Где-то перемело дорогу в лугах, но вешки укажут путь. А в перелесках да в лесах похуже будет. Тут уж смотри в оба! С подветренной стороны суметы скособочат дорогу тяжёлыми обвальными ухабами. Когда порожняком едешь, так весело даже. Как понесет в ухаб, дух захватывает! Перевернёт – не перевернёт? Бывало, и седока вывалит. Потом он прытко бежит за лошадью. Догонит, мокрёхонький, без сил в сани завалится, а рад – хорошо хоть догнал. Ну а если подвода гружена сеном, так не приведи господи

оплошать! Бывает, и воз перевернёт, и лошаденку завалит. Бастриг не выдержит, сено вывалится, тогда лошадь выпрягай да воз перемётывай. Вот и тащатся зимними дорогами до десятка подвод: миром сподручнее ухабы одолевать. Перед ухабистым участком подводы останавливают. Мужики сойдутся первую подводу проводить:

– Ты, Митрич, одерживай Карьку, а мы все под воз станем. Токо потихоньку, не гони!

– Давай, с Богом!

– Одерживай, одерживай!

Полозья уж не скрипят – визжат, подводу неумолимо затягивает в раскат ухаба. Бедный Карько натужно семенит ногами, пытается удержаться на дороге, но мужики уже на подхвате, корячатся, подпирая воз. Налегай, налегай!

Так по одной подводе худо-бедно все ухабы миновали. Перекур! Поправляют сбившуюся упряжь на своих лошаденках, укрывают их, потных, окутанных паром, тулупами. Запахи махорки, сухой травы и лошадиного пота сладко наполняют морозный воздух. Скукожишься на возу под тулупом, сморенный терпким запахом трав и овчины, и незаметно заснёшь. Проснёшься, когда занемет тело, и не сразу поймёшь, где ты. И только скрип полозьев вновь вернёт в реальность. Лошадёнка тащится кое-как, шлёпнешь вожжой – засеменит, помахивая хвостом. Опять замелькают еловые вешки, дальние перелески тихо поплывут по белому горизонту.

Слышно, где-то лают собаки. Скоро дом, тёплая печка и этот зимний чай, настоящий на лете.

Тюмень, 2002

Коняк

...А я ведь чё писал-то, Михайло! Старуху-то у меня в больницу положили. Анализы тут проходила, дак нехороши какие-то признали. Подозрение на кровь како-то, то ли не хватает этой крови у иё, то ли слишком много. Лешак их знает, этих врачей, они стоко же понимают! Как выглядела, говоришь? Да как, она и смолodu-то краснорожа была, на покосе копну на вилы заваливала, дак как выглядела, спрашиваешь, так и выглядела. Польза-то больша от иё была. Толклась до последу, всё толклась! Я потом один в огородишке-то остался, дак помыкался, а потом и рукой махнул. Путно-то ничё и не растёт, а трава прёт, етти ее мать, как на дрожжах.

...О! Слушай! Чё хочу сказать-то. История тут така со мной вышла. Старуху-то как положили, а я один-то остался, мёрзну, мать твою, мёрзну, ноги стынют, с иё хоть толку-то и никакова, а туша-то всё-таки больша, привалишься – теплом тянет. А ночи-то ишь какие холодны, рамы-то одинарны у

меня. Дай-ко, думаю, други вставлю. Ну, вставил. Пакля там на веранде у меня лежала, шщели-то утыкать надо. Пошёл за ей, тряпье там всяко-разно на ей набросано, вытаскивать-то стал, смотрю... Банка! Трёхлитровая банка! Достал! Крышка на ей политиленова. Ну, чё делать, открыл, нюхнул... Ты не поверишь, Михайло, брага! Ну чё, я тут же и пригубил! Ты понимаешь, забыл зачем и пришел!

Но, ей-богу, коняк, чистейший коняк! Да ядрёный такой! Но чисто коняк, чисто коняк!

Дак пойдём в избу-то, ково тут в огороде расселись? Худо-бедно живём, а уж закуску-то найдем, поди, каку. А это-то пойло почём, говоришь, сейчас в городе-то?.. Во-во! Как раз моя пенсия! Токо на пуговицы от ширинки, а зад уж и залатать нечем. Кабы не огородишко, дак давно бы крикнул. Да чё там, Миша, говорить, худо живу, худо. Вон в ящик-то посмотришь – а кому-то ведь ишшо хуже. Дак я его токо затем и включаю, где, кто, ково и за что отстрелял. А тут ишшо эти прокладки. Ну вот, слушай, которы «олдиз» называют. Мужики их тут шибко расхватывают. Да ты не смейся! Для рыбака перво дело нога в тепле, а стельки из их уж шибко хвалят – нога не потеет, и запаху нету-ка! Дак ведь ты не поверишь, под 44-й размер идут. Вот те и американцы-изобретатели!

Ах, ты, етти твою мать! Дак ведь, не поверишь, я специально-то иё и не искал! Но чисто коняк!

Дак вот всё думаю, пошто она так-то выбродилась? Сентябрь ведь месяц, ночи вон какие холодны, может, она в пакле стояла, дак у меня веранда-то северна сторона и прогреваться-то не должна... Да ты-то откуда знаешь? Скус-то иё забыл, поди. Может, дрожжи какие новы были, дак повлияло.

Но – коняк! Чисто коняк!

Это кто там на лошади-то проехал? А-а, Семёнка в магазин гонял. Они тут с Тапычем чуть не сгинули. Помнишь дедка Тапыча, на перевозе работал? Дак втору неделю уж пьют да пляшут на радостях-то. У Семёна, вишь, морда-то как из мудей сшита. Семёнка-то корову к быку потащил на ту сторону, ну и уговорил Тапыча за бутылку корову-то его перевезти. Ну а чё, лодка-то хоть за одну, хоть за пять бутылок, а под корову-то не рашшитана. Запихали иё в лодку-то, да ума-то ишшо у обоих хватило за упруг привязать накоротке, а она, скотина, неловка – пить захотела, возьми, да и потянись за борт. Вот полчаса и пили все втроём, пока к берегу не прибило...

Дак ведь как вышло-то! То ли она спрятала эту банку от меня да сама забыла? Памятовала бы, дак сказала. А кто там иё ишшо мне в паклю-то поставит?! Она, скотина, она! Я на иё думаю, всё спрятала – то в картовник запихат, то в сено. Один

«Проснёшься, когда занемет тело, и не сразу поймёшь, где ты. И только скрип полозьев вновь вернёт в реальность. Лошадёнка тащится кое-как, шлёпнешь вожжой – засеменит, помахивая хвостом. Опять замелькают еловые вешки, дальние перелески тихо поплывут по белому горизонту»

раз в поленницу зачихала. Дак ведь не лень было полполенницы разобрать! Зачихать-то зачихала, а ума-то нет как следует поленья-то сложить. Оне у ей ночью-то и рассыпались. Я спал уж, слышу, в огороде-то шум-гам, собаки залаяли. Выскочил на крыльцо-то, ну, лешак, поленница-то развалена. Ближе-то подошёл, но етти его мать... Банка! Трёхлитровая банка! Крышка полиетиленовая. Ну чё, открыл. Нюхнул. Брага! Но та не така была, не така, не успела, не набродилась! Дак ково от меня прятать, в своем огороде-то? Да ишшо бы я иё не нашёл...

А старухе-то? Да мешишко вот тут передадите. Свининки тут кусок, шшученки солёны. А чё я больше-то отправлю. Да всё-таки не покупно!... Но вы чё, собрались?! Когда теперь?! Правильно говоришь: сёдни живешь, завтра копыта откинешь. Вот туда в багажник и затолкайте мешишко-то. Не мешат? Ну и ладно.

Да ведь понимаешь, Михайло, я на браге вырос, а таку вот не пивал отродясь. Да ведь чисто коняк! Ну прямо-таки коняк!

Уват, 1990

По небу лодка плыла

Когда в ночи уснёт ветер и зажгутся первые звезды, у столика, под облепихой, я разведу ко-

стер. А пока я занят дровами, мне всё кажется, что из темноты кто-то смотрит на меня осуждающе, так неуместно громко стучу я топором. И этот кто-то – Тишина. Стараясь не шуметь, с охалкой дров, путаясь в ромашках, пробираюсь к столу.

Ночь обступила костёр плотной стеной. И даже яркая звезда на западе теперь едва мерцает. Толкаются, играют друг с другом свет и тьма. Вспыхнет ярче пламя – тьма отпрянет, покажет куст смородины и кружку с чаем на столе. Притаится костёр – тьма слизнет и куст смородины, и кружку с чаем. Выстрелит уголь искрой в небо, и тьма стремительно шарахнется летучей мышью.

Над головой, в облепихе, ворохнулась невидимая птичка и гулко шлёпнула каплю росы в мою кружку. Слышно, как где-то далеко зундит комар и гулко лают дачные собаки.

Кто-то шуршит травой напрямки к моему костру. Всё ближе, ближе. Ах ты, Господи! Ёжик ко мне пришёл, маленький, круглый ёжик! Он робко потоптался и присел у костра. И теперь мы вдвоём смотрим, как шевелятся угли и потрескивает пламя. А когда оно громко стрельнет искрой, ёжик вздрагивает и вопросительно смотрит на меня.

– Это костёр, он тоже живой, побудь с нами, не бойся, – успокаиваю я его.

Вниз по реке
Вые, а гребёт
косторез
Минсалим
Тимергазеев

Минсалим Тимергазеев
«Вниз по реке»
Красноярск, 1990
Художник: Минсалим Тимергазеев

А он, похоже, и не боится, хотя и впервые видит нас. На севере небо всё ещё светится бледно-зелёным. Там появилось большое грязно-синее облако. Когда я поправляю костёр, то всё поглядываю на это облако. А оно живёт, меняет свою форму, вытягивается. И вот уже, если присмотреться, то и не облако это вовсе – по небу плывёт огромная долблёная лодка с перламутровым дном. В лодке сидит рыбак, он в шапке и с бородой. Вот он медленно-медленно наклоняется, слегка поднимает руку, она у него почему-то одна, и видно, как он перебирает сеть. Сеть полна тёмных карасей в звёздных блёстках чешуи.

Вот он медленно распрямляется, у него, наверное, болит спина, вот слегка ковырнул веслом, и по небу поплыла, качая звёзды, гигантская тёмно-синяя волна. Она, как и лодка, тоже снизу подшита перламутром заката. На востоке она докатилась до созвездия Скорпиона и закрыла его. На севере зацепила Большую Медведицу и качнула Ковш. Из Ковша выплеснулась и упала на Землю целая пригоршня холодной росы.

Волна докатилась и до меня, коснулась щеки влажной прохладой, тихо прошелестела травой и беззвучно положила на плечо мокрый облепиховый листок.

Испуганно подвывают и брехают на лодку собаки. В свете костра на мгновение появилась сова, гугукнула и исчезла в лугах с туманами, куда ещё с вечера так настойчиво звали спать перепела.

Давно уплыла небесная лодка, и, как след от нее, мерцает на тёмном небосводе Млечный Путь уже по-осеннему яркими звёздами.

Завтра большой праздник – Ильин день, начало великих рос. А ещё вместе с обильной росой наступит извечный час Полночных таинств. Там произойдет смена лета осенью. Но если я буду даже очень внимателен, то всё равно этого не увижу.

Ромашка, 2003

Кое-что о повадках чертей

Собрались мы купить дом в деревне. Давно это было. Деревню мы присмотрели и дом тоже. Он был крайним, вплотную приступал лес. В лесу, метрах в двухстах, среди сосен было заросшее брусникой и грибами кладбище. По утрам там токовали косачи, а рядом на поле вместе с домашним скотом прогуливались лоси.

Хозяйка – одинокая немолодая женщина, угощая нас чаем, уговаривала:

– Берите, берите! Дом небоязной! А что кладбище рядом, дак это ничего. Живых бояться надо. Это вон у Марфы, покойницы, царство ей небесное, дом-то слева под горкой. Как она там жила, бедная! То по потолку кто-то заходит – матица заскрипит. То под полом кто-то забрякает. Чертовщина какая-то водилась!

«На обратном пути мы заглянули в тот дом. Тесовые половицы кто-то снял. На лагах посреди жилья осталась стоять печь, ощерившись страшным провалом обвалившегося цела, посреди которого, как одинокий зуб, торчала пустая пивная бутылка»

На обратном пути мы заглянули в тот дом. Тесовые половицы кто-то снял. На лагах посреди жилья осталась стоять печь, ощерившись страшным провалом обвалившегося цела, посреди которого, как одинокий зуб, торчала пустая пивная бутылка. Пахнуло густо плесенью, гнилым тряпьем и чем-то нежилым, тяжёлым, тревожным. Ну конечно, уж тут ли чертям не жить!

А вообще-то, как впоследствии выяснилось, в той деревне чертей водилось, как голубей на Красной площади.

С покупкой того дома не вышло – не сошлись в цене.

Купили мы половину пятистенка неподалеку у доброй усатой старушки, которая по вечерам гнала самогон – озверин, пекла блины и «играла» на патефоне.

По соседству, в хибаре сикось-накось, жила продавщица – сварливая невидная бабенка с кучей грязных ребятишек, с вечно весёлым патлатым мужиком в брезентовом шабуре и в штанах с мотнёй ниже колен.

Отношения в деревне у нас сразу как-то наладились. Слыли за своих. Всякое бывало: в ночь-полночь постучишь в окно – накричит, обматерит, а бутылку всё-таки выдаст.

Так вот, у продавщицы той в бытность нашу завелись черти. Правда, блазнились они не всему семейству. Ребятишкам они не казались. Общение происходило на уровне супругов. Бывало, утром квашня поспела, хлебы высаживать надо, а они в кадушку лезут, за руки хватают. Один раз как махнула хозяйка ухватом, так чуть своего малого не зашибла. Кое-как отвадились потом.

По утрам стали приглашать Алексея в дом – при посторонних-то не так уж тешатся. А чтоб не скучно было ему с ними сидеть, для интереса рюмку-другую наливали. Алексей-то сперва как бы так ходил, а потом повадился – и звать не надо. С третьими петухами надевал пимы, фуфайку – и туда на дежурство, как на казённую работу.

Черти, видимо, из того вывод сделали, что не такой уж он и посторонний, и совсем обнаглели! И при нём казаться стали. Кончилось тем, что половина нечисти перебралась на постоянное жительство к нему в дом.

Чужая семья – потёмки, а потому дальше рассказывает сам Алексей:

– Пришли втроём: двое-то больших, один маленький. Устроились на кухне под столом. По ночам блазнились. Тихие были, пакости большой от них не видели.

Алексей улыбается, курит, отмахивая дым, смотрит в окно. Жена его тоже улыбается, встречает в разговор:

– Дак ведь встанет ночью, уйдёт на кухню и говорит, и говорит. Я встану, подойду, спрашиваю: «С кем говоришь?» Отвечает: «А во-он около печи,

Михаил Захаров, 1943 г. р.
«Лето на сеновале»
Холст, масло
из фонда музея

на лавке-то видишь?!» Смотрю, на лавке-то никого и нету. Валенки сушатся да ведро с отрубями стоит. Долго ведь так-то было с им. Недели две, однако!

Алексей продолжает:

– А потом как-то вечером дождь, холод. Они мне и говорят: «Ну ладно, погостили и хватит, нам в Ялutorовск надо. Проводи нас до станции». Пошли мы – они с котомками, малой на руках у меня. До согры дошли. Я промок до костей, зуб на зуб не попадает. Я и говорю: «Здесь до дороги с километр, однако, будет. Там налево сразу и остановка». Ну, попрощались мы, и убрались они, етти их мать! С тех пор и перестали казаться.

У продавщицы же с чертями вышло не столь благополучно. Ездили они, говорят, и в Тобольск, в церковь, и к знахарям ходили. Инструкций им всяких надавали. Однако из хибарки пришлось съезжать.

Теперь она совсем обвалилась. Время берёт своё. Затянуло всё крапивой да чертополохом. И как напоминание о былом – нарисованный мелом крестик на двери.

Обведешь взглядом брошенную деревню, как после нейтронной бомбы! Чёрные провалы окон, белёсые зубья когда-то добротных заборов, на которых теперь вечно сушатся чьи-то скукоженные кирзовые сапоги. Висят валенки, кастрюли.

**Лето на сеновале,
а на картине
художник
Юрий
Рыбьяков**

Бараклишко вокруг всякое валяется, без которого не мог обойтись человек, теперь уже никому не нужное.

Посреди дороги, на бугре стоит стол, овеваемый со всех сторон ветрами. На нём алюминиевая щербатая кружка. Никто и никогда не сядет за этот стол и не наполнит кружку ни молоком, ни водкой.

В городе, в бестолковщине будней, среди заваучеренного, заполитизированного населения, где замурованы железом и двери, и души, в обозлённой ли очереди в магазине, полузадавленный ли в автобусе вспомнишь вдруг то человеческое тепло и жилище своё, и улетит душа далеко-далеко отсюда.

И вот иду я той деревней, заглядываю в пустые глазницы окон, беседую с душами тех, кого давно уже нет, и холод забвения леденит сердце.

Лучшего места, как в репьях, нам с Алексеем не найти, чтобы распить бутылку. Тоскливо шумит на осеннем ветру пожухлая крапива, всхлупает о лодку волна Шестаковки. Мышь где-то пропищала, стайка воробьёв вспорхнула.

Нет деревни, осталась вечность. А прямо над нами высокое-высокое небо в разводах ненастных облаков.

Урюпино, 1986

**В этом журнале
нет рекламы.
Но на этой странице
может быть
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ваша.**

отдел рекламы

8 (3452) 49 00 22

8 (3452) 49 00 23

80

ПОБЕДА!

Здравствуй Рига!

*29 мая нами
те, а перо дру
льшая енае
своими тис
на преддур
ске замечтос
ни поливал
ед него в шал
ноф не до
а ти
однажды
ми аз
и*

ВСХВ. Глаз

*Дорогой
мужчина
судно твое
суда. сюда.
ное твое, с
но - это
кедешь на
в твоем
моя не
иногда на
пробави
погибает*